

Е. ДАНЬКО

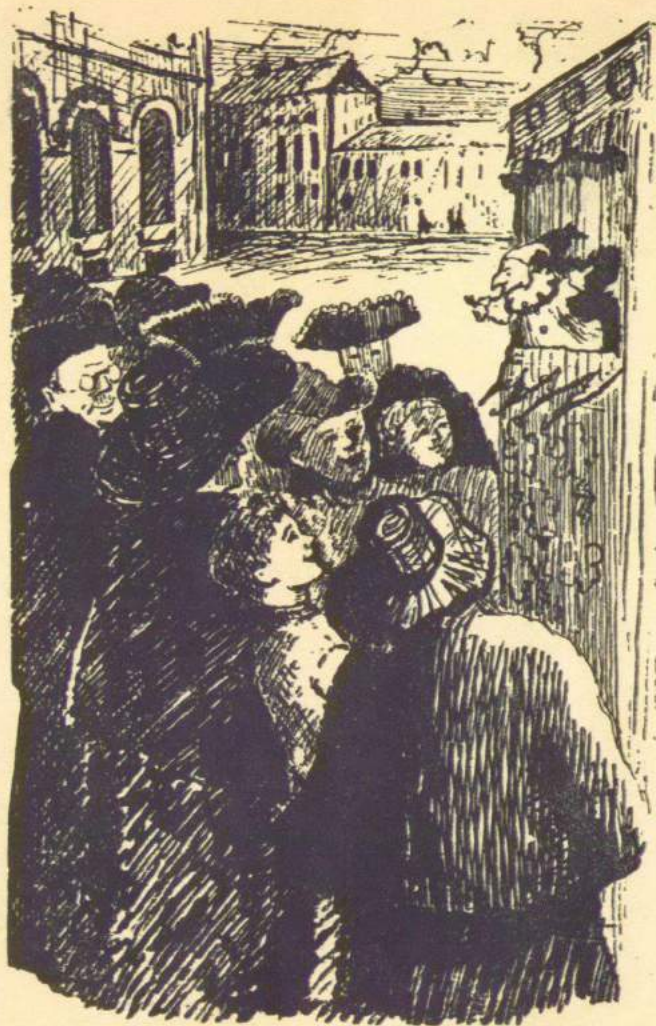
ДЕРЕВЯННЫЕ АКТЕРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Е. ДАНЬКО

ДЕРЕВЯННЫЕ АКТЕРЫ

ПОВЕСТЬ

*Рисунки
В. Лебедева*

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

Ребята! Понравилась ли вам эта книга? Напишите нам, какие вы видите в ней недостатки, все ли понятно вам и каковы ваши пожелания. Укажите свой адрес, имя, фамилию, возраст. Свои отзывы направляйте по адресу: Ленинград, ул. Ласеаля, д. № 2, Лен. отделение Детиздата ЦК ВЛКСМ.

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

Часть первая

ПУЛЬЧИНЕЛЛА

РАССКАЗ НАЧИНАЕТСЯ

В жизни бродячего кукольника бывает немало приключений. Кукольник скитается со своим театром по разным странам, представляет свои комедии и на пыльных деревенских перекрестках, и в богатых покоях господских замков, встречает множество непохожих друг на друга людей. Тут его любят и ласкают, там его гонят и преследуют. Сегодня он окружен шумной толпой приятелей, а завтра опять бредет один-одинешенек по пустынным дорогам, и нет у него иных собеседников, кроме маленьких деревянных актеров, верных его спутников и кормильцев!

Чего только не переживает он на своем веку!

Меня давно уже просят рассказать мою жизнь — жизнь бродячего кукольника. Так вот, слушайте. Я начну рассказ с того дня, который навсегда врезался у меня в памяти, как самый необыкновенный.

В тот день как будто не случилось ничего особенного. Солнце, как всегда, светило над мостами и каналами моей родной Венеции. Ленивый ветерок не надувал, а чуть шевелил паруса барок. Кучи гнилых овощей и протухшей рыбы на нашем рынке издавали, как всегда, удушливый, тошнотворный запах. Люди торговались, бранились и смеялись, как обычно, в тени переулков и на ярком солнце площадей.

А я в тот день впервые понял, что мне дана голова, чтобы думать, и руки, чтобы работать, и мне стало хорошо жить на свете — удивительно хорошо, несмотря на голод, на грязь и на колотушки, которые сыпались на меня со всех сторон.

И все это сделал маленький деревянный Пульчинелла... Однако, прежде чем я расскажу об этом, нужно сказать вам, кто я такой и как мне жилось до того удивительного дня.

ПРИЕМЫШ РЫБНОЙ ТОРГОВКИ

Меня зовут Джузеппе. Я родился в Венеции, в городе, лежащем на островах, где каналов больше, чем улиц, и по ним плавают в гондолах — черных лодках с изогнутыми носами.

Это было давно, больше полувека тому назад. Пушки Наполеона еще не гремели тогда по нашим дорогам, и мы не знали, какого цвета мундиры французских солдат. Жизнь текла медленно, люди жили по давно заведенному порядку, и мало кто задумывался над тем, хорошо это или плохо.

Мой отец был стеклодувом на стекольной фабрике. Когда работы бывало много, он не приходил домой по неделям. Матери своей я не помню. Меня мыла, кормила, одевала и смеясь награждала шлепками моя старшая сестра Урсула.

Мы жили в узком, загроможденном домами переулке и целые дни просиживали у порога. Урсула чистила овощи, или стирала, или чинила отцовские рубашки, а я играл цветными стеклышками, которые отец приносил с фабрики. В полдень Урсула ставила на порог глиняную миску с дымящейся похлебкой, и мы ели вкусные вареные бобы. От домов падали густые, прохладные тени, и тряпье, развешанное на веревках поперек улицы, долго не просыхало.

Когда я подрост, я стал бегать по улицам, драться с со-

седними ребяташками и научился швырять камешки в канал так, что они долго подпрыгивали по воде. В ту весну неожиданно умер наш отец.

Фабрика готовила товар к пасхальной ярмарке, и стеклодувам приходилось работать день и ночь. Отец упал замертво возле раскаленной печи, где варилось стекло. Говорили — у него разорвалось сердце. Его отвезли в лодке на кладбище бедняков.

После похорон соседки собрались у нашего порога попричитать о покойнике и потолковать о нас, сиротах. Поглаживая по волосам плачущую Урсулу и одергивая меня, чтобы я сидел смирно, они решили нашу судьбу.

Урсулу устроили в бисерную мастерскую при стекольной фабрике. Это было длинное низкое здание, где жили сорок девушек. Они низали бисер и вязали из бисерных нитей кошельки, пояса и кисеты. Их редко выпускали на волю. С тех пор я только два раза видел Урсулу — в большие праздники. Я любил бледное лицо и черное платье моей сестры, но скоро совсем отвык от нее. Я остался в доме, где мы жили с отцом, но мне не пришлось больше сидеть на пороге или весело бегать по улицам. Наша соседка, тетка Теренция, свела меня к приходскому священнику. Он записал что-то в большой черной книге, и с той поры меня стали звать приемышем. Все говорили, что, приютив сироту, тетка Теренция сделала доброе дело.

Тетка Теренция торговала рыбой на рынке. Задолго до рассвета она будила меня пинками, заставляя вскочить с рваного половика, на котором я спал. Взяв с собой пустые корзины, мы бежали по темным улицам на берег, куда рыбаки на рассвете привозили рыбу. Там уже толпились другие торговки. Моя хозяйка расталкивала их локтями, пробиравась к рыбацким лодкам, щупала рыбу, бранилась и торговалась с рыбаками из-за каждого гроша.

Рыбаки называли ее скрягой, выжигой и старой ведьмой, но все же ей доставалась всегда лучшая рыба. Она платила за товар чистоганом, а другие торговки брали рыбу в долг.

Рассветало. Мы тащили тяжелые корзины с рыбой на рынок. Там мы раскладывали товар на обычном месте, и тетка Теренция усаживалась на табурет, чтобы не вставать с него весь день до вечера. Я приносил угли, разводил огонь в жаровне и потрошил вчерашнюю, уже несвежую рыбешку. Тетка Теренция жарила ее на сковородке. Это был наш обед.

Начинался день. На рынок являлись покупатели. Они толпились возле рыбных корзин, поднимали рыбу за хвост, тыкали в нее жесткими пальцами и торговались. Моя хозяйка не глядела на скромных покупательниц в невзрачных платьях, робко приценивавшихся к мелкой рыбешке. Она замечала издали и зазывала к себе важных дворецких, толстых поваров и румяных кухарок из богатых домов. Эти покупатели брали у нас самую дорогую рыбу, а иногда покупали товар целыми корзинами. Моя хозяйка старалась им угодить.

После заката мы уносили корзины с рынка и по дороге домой долго колесили по убогим переулкам, сбывая остатки рыбы беднякам.

Вечером тетка Теренция зажигала сальный огарок и пересчитывала дневную выручку. Потом, помолившись богу, она давала мне последнюю затрещину и укладывалась спать. Я тоже засыпал на своем половике, усталый, голодный и несчастный.

Дни проходили скучные и похожие друг на друга, как мелкие рыбешки.

Я ненавижу рыбную торговлю. Мне было противно, что от меня всегда пахнет рыбой, что моя рубашка вымазана рыбьими потрохами, что даже в волосах у меня застревают липкие рыбные чешуйки. Но хуже всего было то, что мне приходилось сидеть целые дни как привязанному возле моей хозяйки. Я до смерти боялся тетки Теренции.

Она сидела на своем табурете грузная и неподвижная, как идол. Я смотрел на ее желтое, словно опухшее лицо, на злые, поджатые губы, на черную бородавку над левым глазом и боялся шевельнуться. Я знал: если я пошевелюсь или вскочу на ноги, тяжелая рука даст мне подзатыльник или дернет за волосы так, что слезы польются из глаз. Руки и ноги у меня немели, в глазах плавали черные круги, от рыбного запаха мутило. Мне казалось, что я сижу так всю жизнь.

К счастью, покупатели иногда поручали мне отнести их покупки к гондолам или к дверям домов. Хозяйка, случилось, приказывала мне сходить на другой конец рынка за какой-нибудь мелочью, да и соседки-торговки охотно посылали меня на побегушки, если она это позволяла.

Нужно ли говорить, что, исполнив поручение, я не спешил обратно на рынок? Я болтался у дверей домов, куда меня посылали, заговаривал с гондольерами, задира

ных мальчишек или просто слонялся вдоль каналов, глаза на воду. Голод заставлял меня вернуться к рыбным корзинам. Тетка Теренция колотила меня за долгую отлучку. Я молча глотал слезы, а на другой день опять норовил улизнуть и подольше не возвращаться на рынок.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА

Однажды я заработал двойную порцию побоев, но, странно сказать, не пожалел об этом. Вот как это было.

Я отнес рыбу, куда было приказано. Покупательница — приветливая купчиха в шелковой шали — дала мне за это мелкую монету. Я тихо брел вдоль канала, зажав монету в кулаке, и размышлял о том, как я истрачу неожиданное богатство. Мне хотелось купить медовую лепешку, но и спелые вишни на лотке уличного разносчика тоже меня соблазняли.

Вдруг я услышал звон бубна и веселый пронзительный голос, кричавший что-то, а что — я не мог разобрать. Двое мальчишек пробежали мимо меня, крича: «Пульчинелла! Пульчинелла!» — и свернули за угол. Я бросился за ними следом. Вот что я увидел за углом.

Ребятишки и взрослые прохожие окружали толпой ширмы бродячего кукольника — красные ширмы с зелеными разводами. Глухо гремел бубен, мелко звенели колокольчики, ветер развеивал золотую бахрому по краю ширм. А над ширмами кланялся, махал руками и пронзительно верещал маленький человечек в белом колпачке и в белом балахончике — Пульчинелла! Веселый Пульчинелла с огромным удивительным носом, с черными глазками и с такой чудесной улыбкой на деревянном личике, что на него нельзя было смотреть без смеха.

Я уже не раз видел Пульчинеллу на городских улицах, но еще ни один не казался мне таким забавным, как этот. Те были в черных масочках, закрывавших половину лица, а этот был без масочки, и ничто не мешало мне видеть его горбатый нос. Толпа росла. Я протолкался вперед, стал перед ширмами и, закинув голову, смотрел на Пульчинеллу.

Он дрался с собакой, таскал за нос свою противную жену (похожую на тетку Теренцию), колотил дубинкой и доктора и полицейского. Он никого не боялся и всех поднимал насмех. Он сыпал шутками и прибаутками и скакал на брык-

ливой лошаденке, громко распевая песню. Явился чорт, страшный, с черными рогами и красной пастью, — Пульчинелла и чорта отщелкал по голове, повалив его на край ширм. А потом схватил его за хвост и швырнул так, что он три раза перекувыркнулся в воздухе.

Зрители смеялись, не закрывая рта. Гомон стоял над площадью.

Я не мог отвести глаз от Пульчинеллы, и, когда этот веселый буян уколошил всех своих противников и, сдернув белый колпачок, пропищал: «Подарите что-нибудь Пульчинелле, добрые синьоры!» — я швырнул за ширмы свою единственную монетку. Пульчинелла закивал, захлопал ручками, и мне показалось, что он глядит прямо на меня своими черными глазками.

Представление кончилось. Кукольник вылез из-за ширмы, вытирая потное лицо. У него были впалые щеки, черные обвислые усы и кривой глаз. Ребятишки окружили его, каждому хотелось взглянуть поближе на Пульчинеллу.

Но кукольник молча сунул кукол в мешок, взвалил ширмы на спину и побрел прочь. Неужели этот унылый человек заставлял Пульчинеллу проделывать все удивительные штуки? Я пошел за ним следом.

Я бродил за кукольником из улицы в улицу, не думая ни о чем, позабыв про голод и ожидавшие меня побои. Я помогал ему расставлять ширмы на перекрестках и площадях, и, едва он ударял в бубен, я становился перед ширмами и, затаив дыхание, ждал, когда из-за них вынырнет и пронзительно заверещит маленький, веселый Пульчинелла. Я вновь и вновь любовался его проделками, глядел и не мог наглядеться на его чудесное личико.

Мы ходили по городу до сумерек. Наконец кукольник сложил ширмы, завязал мешок с куклами веревкой и, подмигнув мне на прощанье здоровым глазом, устало зашагал в трактир. Я опомнился и побежал домой.

Ну и здорово же мне досталось на этот раз! В ту ночь я долго ворочался без сна на своем половике: синяки болели. Зато перед глазами у меня неотступно стоял Пульчинелла в белом колпачке и в белом балахончике, весельчак, забияка и храбрец, не боящийся ни сбира, ни чорта, ни своей жены, похожей на тетку Теренцию. Вот если бы мне стать таким же храбрым и веселым, как Пульчинелла!

На другой день я опять удрал с рынка и долго бегал по улицам, прислушиваясь: не услышу ли я звон бубна и визг-

ливый голос моего героя? Но Пульчинелла больше не показывался. Пришлось мне вернуться на рынок. Тетка Теренция опять задала мне трепку, но я даже не заметил колотушек, занятый одной мыслью: мне хотелось, чтобы у меня был свой маленький Пульчинелла!

Я смотрел бы на него всякий раз, когда мне станет скучно. Я сидел бы тихонько возле тетки Теренции, вынимал бы Пульчинеллу из кармана и поглядывал бы украдкой на его забавную рожицу. Это было бы чудесно!

Я отыскал в куче мусора деревянную чурбашку — кусок ножки от сломанного табурета — и решил сделать себе маленького Пульчинеллу. Я уселся спиной к тетке Теренции, зажал чурбашку коленями и принялся вырезать головку Пульчинеллы тем самым ножом, которым потрошил рыбу. Я сидел смирно, и моей хозяйке было не к чему придраться.

Сначала у меня ничего не выходило: ножик откалывал от чурбашки длинные, тонкие лучины, а в этом не было никакого проку. Потом я наловчился: поставив лезвие ножа наклонно и сильно нажимая на него, стал отковыривать от дерева короткие, толстые щепки. Дело как будто бы пошло на лад. Я работал усердно, до боли в пальцах. Мне уже казалось, что я держу в руках головку Пульчинеллы. Но вот пришло время уходить с рынка. Я взглянул в последний раз на свою чурбашку — и ахнул. Тут не было ни лица, ни носа, ни глаз — ничего не было, кроме угловатой деревяжки, изрезанной, искромсанной моим ножом, покрытой кривыми, шершавыми бороздами!

С досады я швырнул чурбашку оземь, взял корзины и поплелся за теткой Теренцией. Я еле волочил ноги. Мне было обидно. Неужели я так и не сумею сделать себе маленького Пульчинеллу?

По пути с рынка мы всегда проходили мимо серого дома, где в каменной нише стояла деревянная мадонна в голубом, облупившемся от времени плаще. Перед ней светилась лампадка. Такие фигуры святых встречаются на улицах Венеции на каждом шагу.

Тетка Теренция молилась перед этой мадонной каждый вечер, благодаря ее за дневную выручку. На этот раз она тоже стала перед ней на колени, сложила руки и стала бормотать молитвы. Я поставил корзины наземь и от нечего делать глядел на мадонну. Тусклый огонь лампадки чуть освещал ее подбородок и кончик носа и отражался искоркой в

золотом венчике над головой. Вдруг огонек мигнул, почти погас и снова вспыхнул (верно, в лампадку залетела бабочка). Тени пробежали по складкам плаща и скользнули по лицу фигурки. И тут мне показалось, что мадонна похожа на Пульчинеллу!

Я вгляделся пристальней — нет, совсем не похожа. У Пульчинеллы глаза круглые, черные, а у мадонны они плоские и продолговатые, как рыбки, притом же голубого цвета. У Пульчинеллы рот оскален, а у мадонны губки сжаты сердечком. А главное — нос: нос у мадонны прямой и коротенький, а у Пульчинеллы — огромный, горбатый, загнутый крючком над верхней губой — не нос, а носище! Так вот какой нос у Пульчинеллы! Я вспомнил его так явственно, что, будь у меня в руках чурбашка и ножик, я тотчас же вырезал бы его.

Тут тетка Теренция дернула меня за локоть, и мы пошли домой.

Мне пришло в голову, что нос — это самая выдающаяся часть лица. Он торчит впереди всего — впереди щек, глаз, лба и подбородка. Ведь недаром, когда дерешься, легче всего разбить нос противнику. Когда я был совсем маленький и, случалось, падал ничком, споткнувшись на пороге, я всегда разбивал себе нос.

Вечером, когда тетка Теренция уселась, как всегда, перед огарком и стала раскладывать вырученные монеты в кучки, я принялся рассматривать ее нос. Он не был похож на нос Пульчинеллы и еще меньше — на нос мадонны. Он был длинный и плоский и расширялся книзу, как растоптанный сапог. И все же он действительно торчал на лице впереди всего — впереди щек, лба и подбородка.

Хозяйка заметила, что я ее рассматриваю.

— Ты что уставился? К деньгам подбираешься, бездельник?

Она стукнула меня подсвечником по голове и отправила спать.

Наутро я разыскал брошенную чурбашку, обтер с нее пыль и золу и опять попробовал вырезать головку Пульчинеллы. И опять у меня ничего не вышло. На чурбашке под моим ножом возникали непонятные бугры и впадины. Глядя на них, я опять забыл, какой нос у настоящего Пульчинеллы.

В тот день все валилось у меня из рук. Я не слышал, что говорила мне тетка Теренция и что приказывали покупатели. Носы владели моим воображением. Засмотревшись на нос

старичка-лакея, короткий и круглый, как луковка, с ноздрями, открытыми, как слуховые окна, я опрокинул жаровню. Горящие угольки рассыпались по земле и по подолу тетки Теренции. Мне, конечно, попало.

В другой раз, когда к нам подошел рослый лодочник с носом плоским и скривленным на сторону, — верно, от удара веслом, — я выронил из рук корзину с мелкой рыбой и, мало того, раздавил ногой несколько рыбешек! Мне опять попало.

Словом, я был так неловок, что хозяйка устала меня колотить. Она громко корила себя за то, что взяла меня в приемыши. Уж лучше было бы оставить меня подышать с голоду на улице, чем навязать себе на шею такого дурака!

Она послала меня в тратторию за кружкой вина и побоялась, что оборвет мне уши, если я опять натворю что-нибудь.

Я уже шел обратно, бережно держа перед собой кружку, как вдруг, взглянув искоса в сторону, увидел на одном прилавке человеческие головы! Отрезанные головы, воткнутые на колышки! Я споткнулся и расплескал вино.

Это были не головы, а деревянные болванчики, на которых цырюльник завивает и расправляет парики. Это был прилавок цырюльника. Цырюльник стоял тут же и подстригал бороду какому-то мужчине, сидевшему перед ним на табурете.

Разинув рот, я глядел на болванчики. У них не было ни носов, ни глаз, ни ртов. Они были совсем гладкие и напоминали большие деревянные яйца, насаженные на круглые столбики, как голова насажена на шею.

И в эту минуту я понял, как вырезать головку Пульчинеллы: нужно сначала сделать такой болванчик, похожий на голову, а нос, глаза и рот вырезать уже потом.

Я не помню, как донес кружку на рынок и досталось ли мне от хозяйки за пролитое вино. Наверное, досталось. Улучив минутку, я опять принялся строгать свою чурбашку. На этот раз ножик слушался меня. Я отрезал от чурбашки гладкие щепки, сравнивал углы, закруглял дерево со всех сторон. Мало-помалу моя чурбашка становилась похожей на болванчик цырюльника или на круглое яичко. К концу дня я уже держал в руках кукольную головку на круглой шейке. Она была гладкая, — до сумерек я не успел вырезать ни носа, ни глаз, ни рта, — но все-таки это была головка. На ней

можно было вырезать личико Пульчинеллы, или личико мадонны, или противное лицо моей хозяйки.

Уходя с рынка, я бережно завернул головку в тряпочку и унес ее с собой. Укладываясь спать, я положил этот узелок в изголовье и, засыпая, думал о том, что я вырежу завтра.

Это завтра и стало тем необыкновенным днем, о котором я так люблю вспоминать.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ

В тот день все шло, как обычно, и все же — все было особенное. Стоя на берегу возле рыбацкого причала рядом с теткой Теренцией и ежась от утренней прохлады, я нащупывал в кармане головку Пульчинеллы и не мог дожидаться, когда примусь за работу. Рукам не терпелось поскорее взяться за ножик и ощутить, как его лезвие вонзается в твердое дерево.

Когда мы тащили на рынок корзины с рыбой, я торопился так, что тетка Теренция не поспевала за мной и грозилась переломать мне ноги, если я не пойду тише. Наконец мы на рынке. Товар разложен на обычном месте. Тетка Теренция сидит на своем табурете, и мы едим со сковородки поджаренную рыбу. Моя хозяйка ест медленно, я вижу, как двигаются ее челюсти, как шевелится кончик носа, когда она жует. Но мне некогда рассматривать ее нос. Я так спешу есть, что давлюсь рыбной костью, и тетка Теренция дает мне тумака в спину, чтобы я откашлялся.

И вот я опять сижу, отвернувшись от моей хозяйки, на коленях у меня деревянная головка, похожая на яичко, в руках — только что отточенный ножик. Я вытираю пальцы о штаны, — мне не хочется трогать головку руками, пахнущими рыбой, — и принимаюсь за работу.

Теперь я знал, что нельзя ковырять ножом вкривь и вкось, — это испортило бы головку. Нужно сначала рассчитать, что срезать, а что оставить выпуклым на личике Пульчинеллы. Я отметил ножом на болванчике, где будет нос, где глаза, а где рот, и стал срезать дерево по сторонам носа, — ведь он должен торчать на лице впереди всего.

Лоб, губы и подбородок тоже должны выдаваться вперед, но не так сильно, как нос. А щеки можно срезать по-

глубже. Но глубже всего нужно вырезать глазные впадины по сторонам носа. И в этих впадинах оставить выпуклыми круглые глаза.

Я думал, вспоминал и работал безустали. Вот уже на моей болвашке возникло личико куклы. В нем еще нельзя было узнать Пульчинеллу: нос — прямой, угловатый, подбородок — квадратный, а рта и вовсе нет. Но все же это было личико куклы!

Я сделал нос потоньше, закруглил его как орлиный клюв, вырезал крутые ноздри. У настоящего Пульчинеллы был точно такой же нос!

Я вспомнил, что у людей, когда они смеются, углы рта поднимаются кверху. Я вырезал ротик, изогнутый полумесяцем, и слегка выпяченную нижнюю губку. С каждой отлетавшей стружкой моя головка становилась все более похожей на настоящего Пульчинеллу!

А когда я закруглил щеки и прорезал глубокие борозды от носа к углам рта, мой Пульчинелла улыбнулся! Это было чудесно! Я и сам рассмеялся, — ведь на него нельзя было смотреть без смеха.

Я выдолбил глубокую ямку в шейке Пульчинеллы и надел головку на указательный палец. Потом я завязал на тряпочке два узелка, сунул большой палец в один узелок, а средний — в другой и прикрыл ладонь тряпочкой. Мой Пульчинелла кивнул и задвигал ручками!

У него еще не было глаз. Я снял головку с пальца и попробовал вырезать глаза, и вдруг — ножик врезался мне в палец, Пульчинелла вырвался у меня из рук и отлетел далеко в сторону, а сам я повалился на землю, оглушенный затрещиной!

— Будешь ты слушаться, когда тебе говорят, дрянной мальчишка? — кричала тетка Теренция. — Что ты там ковыряешь хорошим ножом? Подай сюда ножик! Поверите ли, сударыня, никакого сладу нет с этим негодяем!

Я поднялся с земли. Перед теткой Теренцией стояла высокая, костлявая старуха в черной шали, сложив на животе желтые, морщинистые руки. Я ее знал: это была старая Барбара, кухарка господина аббата, самая придирчивая и скупая из наших покупательниц. Я и не заметил, как она подошла. Тетка Теренция сунула мне в руки корзину с рыбой.

— Неси, тебе говорят!

Старуха повела на меня серыми, злыми глазами.

— А если он украдет, или потеряет, или рассыплет ры-

бу? — спросила она густым, как из бочки, голосом. На верхней губе у нее чернели жесткие волоски.

— Что вы, сударыня, как можно? — испугалась моя хозяйка. — Да я ему шею сверну, если он посмеет баловаться! Ступай, бездельник, да смотри ты у меня!

Я взял корзину, подобрал украдкой с земли головку Пульчинеллы и пошел за старухой. Мне было смешно и весело. Все вокруг казалось ярким, праздничным и удивительно забавным. Ведь я вырезал настоящего Пульчинеллу! Он лежал у меня в кармане и улыбался своим деревянным ртом! Старуха важно плыла по рынку. Черные сережки болтались вдоль ее морщинистых щек. Торговки низко кланялись ей, а она кивала им в ответ, выпятив вперед нижнюю губу как сковородку.

Мне хотелось смеяться, кричать, прыгать козлом. Люди толпились у лавок, суетились, размахивали руками. Никто не знал, что я вырезал Пульчинеллу, ни у кого из них не было такой чудесной игрушки!

Я посасывал порезанный палец, не ощущая боли. Вкус крови даже казался мне приятным. Тетка Теренция отняла у меня ножик, но это не беда. Я достану себе ножик — выпрошу у кого-нибудь, или куплю, или украду! Я еще вырежу Пульчинелле круглые, веселые глазки!

Мы прошли переулками на узкий канал, сжатый с двух сторон высокими домами. Видно, здесь жили богатые господа. На балконах висели красивые, пестрые ковры, тяжелые резные двери выходили на каменные крыльца. Мы поднялись на горбатый мостик.

В это время к одному крыльцу с каменными львами по сторонам подплыла гондола. Гондольер стал крепить причал к расшатанному столбу с золоченой короной на верхушке. На крылечко вышел старый лакей на согнутых худых ногах и помог выйти из гондолы толстому, короткому человечку в черной сутане и лиловых чулках.

— Господин аббат приехал! — пробормотала старуха и ускорила шаги.

Мы чуть ли не бегом спустились с мостика, свернули в переулок и вошли во двор. Что это был за двор! Грязный, вонючий, заваленный мусором, покрытый помойными лужами, окруженный сырыми, облупленными стенами!

Старуха подобрала юбки и быстро зашагала к дому. Прямо против ворот было каменное крылечко с неровными, замшелыми ступеньками. Дубовая дверь висела криво на

одной петле. Перед ней сидел какой-то бледный мальчишка, держа в руке старый сапог.

— Ступай на кухню, Паскуале! Господин аббат приехал! — крикнула старуха, проходя мимо. Мальчишка вынул ей вслед язык и не двинулся с места.

Мы прошли в угол двора к низенькой дощатой дверце. Старуха сердито толкнула ее плечом. На меня пахло плесенью. Здесь была подвальная кухня, сырая и темная. Низкое окошко, пробитое в стене, почти на уровне земли, пропускало мало света. В полумраке я едва разглядел стол, заваленный грязной посудой, большую печь под закопченным колпаком и помятые оловянные миски на полках.

— Ленивый чертенок! Опять ничего не прибрал! — заворчала старуха, выкладывая рыбу на стол. — Пойдешь мимо, скажи ему, чтоб тотчас же шел на кухню, а то плохо ему придется!

Тут за дверью, ведущей внутрь дома, зашаркали шаги и дребезжащий голос сказал:

— Барбара, господин аббат тебя зовет!

— Иду! — откликнулась Барбара. Она сунула мне в руки пустую корзину и выпроводила за дверь.

Выйдя на двор, я зажмурился от дневного света.

Мальчишка все еще сидел на крылечке, вертя в руках старый сапог. Никогда я еще не видел такой бледной рожицы и таких светлых волос. Даже брови и ресницы были у него светлые, как солома. Острый нос и узенький рот делали его похожим на цыпленка. Я подошел к нему. Он скорчил рожу и пропищал:

— Ну что, попало тебе от Барбары?

— Нет, не попало. А тебе уж наверное попадет. Ступай скорее на кухню, она тебя зовет!

Мальчишка только свистнул и опять занялся сапогом.

Рядом с ним на ступеньке лежали стоптанные маленькие башмаки.

— Говорю тебе, ступай на кухню!

— Успею, — сказал мальчишка, и лицо у него стало скучное, как у старика. — Она теперь наверх пошла к господину аббату. А он ее ругает за каждый грош, который она истратила на рынке. И целый час будет еще ругать.

— Он что — скупой?

— Кто? Аббат? — Мальчишка опять свистнул. — Настоящий скряга! Сам обжирается — и кур жрет, и индю-

шек, и пироги, и апельсины... Как только не лопнет! — Мальчишка проглотил слюну. — А нас голодом морит. Барбара хитрая — припрятет корки и косточки и ест их ночью. И старого Гвидо угощает. А мне они ничего не дают. Не буду я им прислуживать!

Он нагнулся над сапогом. Тут я увидел у него в руке ножик. Это был старый ножик с выщербленной ручкой, с почти сточенным лезвием, но, как видно, он был острый. Таким ножом я мог бы вырезать глазки Пульчинелле!

Мальчишка просунул нож между каблуком и подошвой сапога и старался отодрать каблук, но каблук не поддавался.

— погоди! — Я придержал подошву. — Ну, теперь отдирай!

Он рванул ножик, подошва закрипела, и каблук отвалился на ступеньку. Из него торчали ржавые гвоздики.

Мальчишка радостно подхватил его.

— Зачем тебе это? — удивился я.

— Не скажу! — Он засмеялся и замотал головой.

— Ну, дай мне твой ножик. Не надолго. Я кое-что вырежу.

Он спрятал нож за спину.

— Что вырежешь?

— Пульчинеллу! — сказал я. — Я уже вырезал ему нос. Теперь нужно сделать глазки.

— А ты не врешь? Ну-ка, покажи мне твоего Пульчинеллу!

Мне самому не терпелось похвалиться своей работой. Я сунул руку в свой оттопыренный карман, мальчишка так и впился в меня глазами. Но я не вынул головку — нарочно, чтоб его подразнить.

— А ты скажи, зачем тебе каблук?

— Не скажу!

— А я не покажу тебе Пульчинеллу!

Он покраснел, сморщился и часто-часто замигал.

— Ну, покажи, прошу тебя!

— А ты скажешь про каблук?

— А ты не будешь смеяться?

Я покачал головой.

— Тебя как зовут? Джузеппе? А меня Паскуале. Так вот, Пеппо, я приколочу каблук к своему башмаку. У меня будет особенный башмак. Так нужно, потому что... потому что... — Он опустил голову. — ...у меня плохая нога. А

мальчишки на улице надо мной смеются... Когда у меня будет особенный башмак, я убегу отсюда... Понял?

Над нами хлопнуло окно, и Барбара крикнула сверху:

— Паскуале!

Паскуале стал меня тормошить.

— Ну, покажи мне, покажи скорее Пульчинеллу! Пока Барбара не пришла.

Я показал ему головку. Паскуале взглянул на нее и захлебнулся от смеха.

— Ух, какой! И смеется во весь рот!

Я надел головку на указательный палец, а остальные прикрыл тряпочкой. Мой Пульчинелла закивал головкой, замахал ручками. Паскуале взвизгнул, хлопнул себя по коленям и захохотал. Я тоже смеялся, гордясь своей куклой.

— Постой! — сказал Паскуале. — Нужно сделать ему глазки! — Он заковылял к куче мусора.

Тут я увидел, что левая нога у него короче правой — он ступал только на пальцы, а не на пятку. Так вот зачем ему был нужен каблук!

Он порылся в золе и нашел черный уголек. Мы поставили два черных пятнышка на месте глаз Пульчинеллы. Мой Пульчинелла сразу поумнел. Кажется, он лукаво смотрит вбок.

— Сделаем ему колпачок! — бормотал в восторге Паскуале. — Смотри! — Он нашел яичную скорлупу, обломал ее по краешку и приклепнул к головке Пульчинеллы. — Погоди! Погоди! — Черное куриное перышко украсило эту белую плоскую шапочку. Пульчинелла был готов — хоть показывай его над ширмами!

Вдруг Паскуале затрясся от смеха.

— Знаешь, что я придумал! — Он схватил меня за руку и потащил к низкому кухонному оконцу. — Мы покажем Пульчинеллу Барбаре. Вот она испугается! Подожди, она сейчас придет!

Мы присели на корточки за косяком окна. Я протянул руку с Пульчинеллой в окошко. Пульчинелла вертел носом и заглядывал в кухню. Но вот заскрипела лестница, послышались тяжелые шаги — топ! топ! Барбара вошла в кухню. Она гремела посудой и бормотала что-то себе под нос.

— Двигай, двигай пальцами, Пеппино! Пусть он поклонится ей, ну прошу тебя! — шептал Паскуале, дергая меня за рукав.

Я двигал пальцами, Пульчинелла кланялся и махал ручками, но Барбара, как видно, не глядела в окно и ничего не

замечала. Тяжелые шаги направились к двери во двор, — верно, старуха пошла звать Паскуале. Сейчас она выйдет за дверь и увидит нас!

Тут Паскуале пискнул: «Пи-иии!» — пронзительно, звонко, как настоящий Пульчинелла.

Шаги остановились, что-то грохнуло, потом послышался крик, нет — настоящий рев:

— Пресвятые угодники! А-а-а!

Снова что-то грохнуло, хлопнула дверь, шаги затопали вверх по лестнице. Крики Барбары доносились уже издалека, кто-то кричал ей в ответ.

— Она подумала, что это чорт! Ну, будет теперь перепалка! — шепнул Паскуале. — Я скажу, что это ей привиделось! А ты, Пеппо, уходи! Уходи скорей! Возьми ножик — там, на ступеньке! И приходи еще. Придешь? С Пульчинеллой?

Он шмыгнул в кухонную дверь. Я заглянул в оконце. Он поставил на ноги опрокинутый табурет, взял метлу и, ковыляя, стал подметать пол. Но вот за внутренней дверью опять загудели голоса. Видно, Барбара созвала людей на помощь.

Паскуале махнул мне рукой — уходи! Я спрятал Пульчинеллу в карман и пошел к крылечку. На ступеньке рядом со стоптанным башмаком лежал блестящий ножик. Я взял его.

Я решил, что скоро опять приду сюда — покажу Паскуале готового Пульчинеллу и помогу ему сделать особенный башмак. Уж если я сумел вырезать Пульчинеллу, неужто я не смогу приколотить каблук к подошве?

Никто, кроме Урсулы, не называл меня так ласково — Пеппино.

ГЛАЗА ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ

Мне не удалось улизнуть с рынка ни на другой, ни на третий день. Меня никуда не посылали. Возиться с головкой Пульчинеллы, сидя у корзин с рыбой, я побаивался: а вдруг тетка Теренция опять отнимет у меня ножик или зашвырнет Пульчинеллу так, что его и не найдешь? Я ничего не вырезал за эти дни. Я только украдкой вынимал головку из кармана и поглядывал на нее.

Угольные пятнышки на глазах Пульчинеллы стерлись, и он опять стал слепым, безглазым. Но я все-таки любил его.

Однажды к концу дня тетка Теренция послала меня, уж не помню зачем, в ту сторону, где жил Паскуале. Мне хотелось забежать в тот двор — не увижу ли я опять бледного мальчишку? Но я заплутался в незнакомых переулках и вышел на какую-то площадь. Ее окружали высокие дома, и, словно зажатая между ними, выпирала к небу свой круглый купол каменная церковь. Я пошел в переулок мимо церкви и вдруг остановился, как вкопанный. В стене церкви были высечены из камня идущие фигуры: женщины в покрывалах, воины, старики в длинных плащах. Они были не совсем круглые, а только выпуклые — их плечи и затылки словно приросли к стене, и все же они казались живыми. И глаза у них были живые, особенно у одного воина. Он шел впереди и слегка обернулся назад, как бы спрашивая дорогу у шедшего за ним старика.

Я подумал: почему у воина такие живые глаза? И понял: в глазах были вырезаны маленькие круглые дырочки. Ровный свет падал на лицо воина, а в дырочках прятались тени. Поэтому у него был пристальный, живой взгляд. Я не вытерпел, вынул своего Пульчинеллу и принялся вырезать дырочки в его глазах. И вот — один глаз ожил! Зато другой вышел совсем плохо — кривой и корявый. Я испугался, что испортил головку, и торопливо начал поправлять глаз.

Вдруг кто-то сильно толкнул меня в спину, — Пульчинелла выскочил у меня из рук. Я чуть не упал. Чья-то трость ударила меня по ногам и стуча покатилась на мостовую. Какие-то бумаги рассыпались веером по земле.

— Ах, чорт! — крикнул сердитый голос.

Высокий господин в черном плаще стоял передо мной, тараща злые блестящие глаза. Растрепанная книга лежала у его ног. Как видно, он выбежал из-за угла, наткнулся на меня и разронял свои вещи.

— Ты кто такой? — спросил он, хмуря седые брови.

Я не успел ответить. Ветер сначала пошевелил, а потом подхватил бумажные листки и вереницей погнал их по площади.

— О мои апельсины! — заревел незнакомец и прыжками погнался за ними вслед.

Я удивился: какие апельсины? Никаких апельсинов не было, только бумажные листки крутились по мостовой. Едва господин протягивал руку, чтобы поймать листок, — ветер подхватывал бумагу и мчал ее в другую сторону. Шляпа незнакомца слетела, сизый парик растрепался, его плащ раз-

вевался, как огромное крыло. Из-под плаща мелькали длинные худые ноги в черных чулках. Мне стало весело. Я тоже бросился ловить листки. Я поднял с земли порыжелую шляпу, трость и растрепанную книгу. Господин отдувался и вытирал лоб, бормоча проклятия. Я подал ему вещи.

— Что ты тут делал? — спросил он и посмотрел на меня так строго, будто видел меня насквозь. Я оробел.

— Ну, отвечай же! — крикнул он и топнул ногой.

— Я вырезал глазки, синьор, — пробормотал я, — когда ваша милость вылетели из-за угла...

— Вылетел из-за угла? — повторил он и облегченно вздохнул. — Это правда, я очень задумался и не смотрел, куда иду... — Его глаза стали добрыми и виноватыми.

— Покажи мне, что ты вырезывал?

Я протянул ему Пульчинеллу.

— А, Пульчинелла, я узнаю благородные линии твоего носа, — сказал незнакомец и, разглядывая головку, продолжал медленно и важно: — Привет тебе, веселый герой, с незапамятных времен потешающий простодушных итальянцев! Привет тебе, Пульчинелла, вырезанный из чурбашки маленьким черноглазым оборвышем!

Тут чужак снял шляпу и вежливо раскланялся с моим Пульчинеллой. Я подумал, не спятил ли он с ума. Мне стало не по себе, когда его когтистые пальцы взяли меня за подбородок, но он ласково улыбнулся и сказал:

— Ты очень любишь Пульчинеллу, мальчик? Люби его всегда, люби все, что создала твоя родина. Пойдем со мной, я покажу тебе других кукол.

НА ЧЕРДАКЕ

Еле поспевая за длинными ногами незнакомца, я тащил под мышкой собранные листки. Его развевающийся плащ задевал меня по голове. Незнакомец говорил много, но я понял только то, что надо любить Пульчинеллу, и кукольный театр, и веселые народные комедии.

— Но их и так все любят, синьор, — робко сказал я, — их нельзя не любить, они такие забавные.

— Их нельзя не любить... О милое дитя, в твоей кудрявой голове больше смысла, чем под высокими париками чопорных академиков. Их нельзя не любить... Если бы все

так думали, итальянский театр не перенимал бы обезьяньи ужимки французов, а чтит бы свое народное искусство. — Он горько вздохнул.

Мы вошли в старый дом, поднялись по расшатанной лестнице, и чудака постучал в дощатую чердачную дверь.

— Входите, синьор, милости прошу! — сказал старичок в черной шапочке, одной рукой открывая дверь, а другой прижимая к груди горшочек с клеем. Старичок был низенький и коренастый. Из-под седых бровей хитро поглядывали быстрые светлые глаза. Он приветливо улыбался.

Мы вошли. Яркий солнечный луч падал из окна косым светлым столбом. Сквозь этот светлый пыльный столб на столах и на полу виднелись книги, обрезки бумаги и пестрые лоскутки. Пахло клеем и свежей краской. Старик смахнул стружки с хромого табурета и пододвинул его моему спутнику. Тот уселся, скрестив длинные ноги, и сказал:

— Я написал предисловие к моим «Апельсинам», дядюшка Джузеппе, и нес его вам, чтобы сделать приличный переплет, но злой случай предал мои листки на волю ветра. . . Этот мальчуган собрал листки и порадовал меня восхитительным носом Пульчинеллы. Взгляните!

Старик взял мою головку и отошел к окну, чтобы ее рассмотреть. А длинноногий продолжал:

— Кто сказал, что они умерли — веселые создания народной фантазии? Они живут в душе народа. Вы видите — уличный бродяжка в перепачканной рубашонке, сам того не зная, вырезает в куске дерева вечную улыбку древнего Маккуса наших предков — веселого Пульчинеллы наших дней! Спасибо тебе, мальчик, ты рассеял бы все мои сомнения, если бы они у меня были!

— Недурно вырезано! — сказал старик, возвращая мне головку. — Тебя как зовут? Джузеппе? Ого, мы с тобой тезки. Посмотри, тезка, кто у меня в гостях сегодня!

Я взглянул на стенку и обомлел. Там на гвозде висел настоящий Пульчинелла в белом колпачке и в белом балахончике. У него были не только головка и ручки, как у кукол, которых показывают над ширмами, но и ножки в широких белых штанах, а на ножках — черные башмачки.

Он висел на туго натянутых нитках и улыбался мне своим деревянным ртом.

— Подойди же к нему, поздоровайся! — сказал дядя Джузеппе и сам стал рядом.

Я робко протянул руку, и вдруг Пульчинелла подал мне

Пульчинелла.

свой деревянный кулачок и дружелюбно кивнул головой.

Я даже отскочил. Старик Джузеппе смеялся, перебирая нитки. Он снял с гвоздя деревянное коромыслище, к которому были привязаны нитки, и спустил Пульчинеллу на пол. Пульчинелла четко затопал ножками в широких белых штанах, подошел к длинноногому, поднял угловатую ручку, снял свой белый колпачок и поклонился, а старик сказал за него тоненьким голоском:

— Приветствую синьора Карло Гоцци, покровителя и защитника веселых марионеток!

Длинноногий захлопал в ладоши и пожал деревянную ручку Пульчинеллы, а тот замахал колпачком и стал притопывать, будто собирался танцевать фурлану.¹

Я сидел перед ним на корточках, глядел на него и не мог наглядеться. В искусных руках старого Джузеппе он был как живой. Он вертел головкой во все стороны, тени двигались по его чудесно-безобразному лицу, и мне казалось, что он то улыбается, то подмигивает мне своими черными глазами.

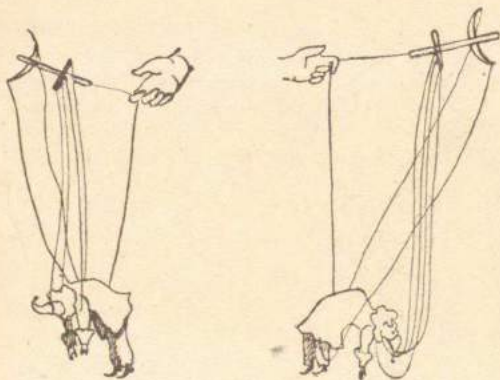
— Откуда он у вас, Джузеппе? Я вижу, это не ваша работа? — спросил синьор Гоцци.

Дядя Джузеппе ответил, что Пульчинеллу принес ему неаполитанский кукольник Мариано, вчера приехавший в Венецию. В дороге у Пульчинеллы сломалась ножка — ее нужно было починить.

Кроме того, Джузеппе распилил туловище Пульчинеллы пополам и половинки сцепил колечками из проволоки, чтобы Пульчинелла мог наклоняться и выгибаться назад.

Тут старик зацепил своим морщинистым пальцем нитку, прикрепленную к пояснице Пульчинеллы, и, нагнув коромыслище, отпустил все остальные нитки. Пульчинелла согнулся пополам так, что руки его коснулись земли.

¹ Итальянский народный танец.

Тогда старик выпрямил его, потянул нитку, привязанную к животу, опять опустил коромыслище, и Пульчинелла, откинувшись назад, сделал мост, как заправский акробат.

— Теперь у Мариано будет самый ловкий Пульчинелла во всей Венеции! — воскликнул гость. — Но покажите мальчугану и ваших кукол, дядя Джузеппе. Он это заслужил. Да и мне хочется взглянуть на милых деревянных актеров!

Джузеппе довольно усмехнулся и открыл скрипучую дверцу стенного шкафа. Я заглянул в шкаф и замер. Там, подвешенные на нитки, висели куклы с прямыми деревянными ножками. В полутьме, чуть задетые солнечным лучом, поблескивали позументы на бархатных кафтанчиках и бисеринки на шелковых юбочках. Одни куклы улыбались, другие хмурились, и все глядели на меня широко раскрытыми, неподвижными глазами!

Синьор Гоцци взял в руки человечка в ярко-красном кафтане и в черном бархатном плаще. У него были удивленные брови и острая седая борода.

— Вот наш земляк, славный мессер Панталоне — добряк, болтун и простофиля! Ну разве он не похож на настоящего венецианца? — сказал синьор Гоцци и поправил на нем бархатную шапочку.

— А вот веселый и беспечный Арлекин, родом из Бергамо. Он остроумен и глуп, прилежен и ленив, неуклюж и ловок! А как он чудесно пляшет! — Синьор Гоцци потрогал другого человечка в узком костюмчике из пестрых доскут-

Панталоне.

Арлекин.

ков и дернул нитку. Тот выбросил вперед тонкую, гибкую ножку и помахал ею, как настоящий плясун.

Тут были еще: неаполитанец Тарталья с маленьким, вздернутым носом, ученый Доктор из Болоньи с длинным и скучным лицом, усатый Капитан с багровыми щеками, Коломбина в шелковом платье и много других кукол.

— Смотри внимательней, мальчик, смотри и запомни их навсегда, — сказал синьор Гоцци. — В этих веселых героях воплотились добродетели и пороки нашего народа. Они созданы для смеха и шуток над нашим глупым, плутоватым и все же прекрасным миром!

Мне очень понравился черный Мавр в белом плаще. У него были большие глаза с яркими белками и крупные красные губы. Невольно я провел пальцами по его личику.

— Что ты делаешь? — крикнул синьор Гоцци.

Я отдернул руку. Верно, кукол нельзя трогать! Сейчас хозяин рассердится и прогонит меня прочь! А я не ушел бы отсюда никогда в жизни!

— Отвечай же! — синьор Гоцци топнул ногой.

— Я только потрогал его личико, ваша милость... — робко сказал я. — Мне хотелось бы вырезать такого Мавра, я хотел запомнить, как сделан у него нос...

— Вы слышите, Джузеппе? — заорал синьор Гоцци. — Он хотел запомнить, как сделан у него нос! У этого мальчишки врожденное чувство формы в пальцах! Недаром его потянуло к вашему лучшему произведению — к головке Мавра. Вы будете ослом, вы будете старым ослом, Джузеппе, если не возьмете мальчишку к себе в ученики и не делаете его резчиком кукол! Кто, наконец, унаследует ваше искусство?

Джузеппе посмеивался, поглядывая то на него, то на меня.

— Я и сам подумал об этом, синьор. Мальчуган способный. Но ведь лишний рот — целый воз забот. Мне самому бывает нечего есть, и если бы не ваши переплеты...

— Пустяки! — сказал синьор Гоцци. — Вы ленитесь вырезать простых грубых кукол для бродячих кукольников. Это — ваша воля. Но научите этому мальчишку — он прокормит и себя и вас.

— А согласятся ли его родители?

— У меня нет родителей! — крикнул я во весь голос. — Возьмите меня к себе, ваша милость, возьмите меня к себе! Я буду вам прислуживать, буду подметать пол, носить воду, варить обед! Я буду делать все, что вы прикажете!

— Вот видите, Джузеппе! — сказал синьор Гоцци.

Тарталья

Доктор.

Колумбина.

Капитан.

Джузеппе задумчиво поскреб себе подбородок и пристально поглядел на меня. Я испугался — сейчас он спросит, где я живу... Они узнают, что я приемыш тетки Теренции, и отошлют меня обратно на рынок... Нет, я ничего им не скажу. Пусть думают, что у меня нет хозяйки, что я выпрашиваю милостыню и живу где-нибудь под мостом. Ведь назвал же меня синьор Гоцци «уличным бродяжкой»!

Дядя Джузеппе, наверное, стал бы меня расспрашивать, но тут послышался стук. В дверь просунулась курчавая голова, и грубый голос спросил:

— Дядя Джузеппе, готов у вас Пульчинелла? Мне пора начинать представление.

— Пульчинелла готов. Входите, Мариано.

В каморку вошел неаполитанец в зеленой куртке с позументом. Серебряная серьга болталась у него в ухе, новые сапоги скрипели. Взяв Пульчинеллу, он причмокнул губами:

— Вот это кукла!

Он бережно завернул куклу в красный платок.

— Приходите, синьоры, я не начну представления без вас! — пробормотал он и вышел за дверь.

— Смотри внимательней, мальчик. . .

Бригелла.

Мазр.

Мариано унес Пульчинеллу. Как бы мне хотелось поглядеть на него в балагане! Возьмет ли меня дядя Джузеппе с собой на представление? Ведь за вход в балаган нужно платить, а у меня нет ни гроша.

Дядя Джузеппе надел потертую бархатную куртку, положил в карман табакерку и клетчатый платок и сказал:

— Ну, идем, мальчик!

Я чуть не подпрыгнул от радости.

— А вы, синьор Гоцци, тоже пойдете с нами?

Синьор Гоцци поморщился.

— Нет, друг мой, не сегодня. Сейчас я пройдуся по набережной Скьявони, подышу вечерним воздухом над водой.

Мы спустились с чердака и пошли к площади Сан-Марко. Синьор Гоцци постукивал тростью по каменным плитам, еще теплым от полуденного солнца, и говорил:

— Мариано — грубое животное. Он думает только о наживе. Народные шутки он повторяет без всякого смысла, как попугай. И все же честь ему и слава за то, что

он удержал эти шутки в своей тупой голове. Беспечные маски народных комедий исчезли со сцены настоящего театра, но их бледные тени еще живут в балагане бродячего кукольника. Да будет благословен этот жалкий балаган!

Наступали сумерки. В городе зажигались ранние, желтые огни. Из окон над каналами доносилась музыка. Синьор Гоцци был похож на большую, грустную птицу.

В БАЛАГАНЕ

— Сюда, добрые дамы и почтенные господа! Спешите сюда, мальчики и девочки! Сегодня султан Аладин спляшет волшебный танец. Сегодня плутовка Смеральдина прячет монаха в сундук. Сегодня Пульчинелла покажет чудеса черной магии. Идите все смотреть на Пульчинеллу-чернокнижника!

Так кричал Мариано, зазывая народ в свой балаганчик. Долговязый парнишка бил в бубен и звенел колокольчиками. На афише у входа было написано кривыми буквами:

Пульчинелла-чернокнижник

Зрители, смеясь и толкаясь, протискивались в узкую дверь. Я ухватился за полу Джузеппе и пролез вместе с ним в балаганчик.

Два фонаря бросали тусклый свет на деревянные скамейки, на толпу нетерпеливых ребят и на заплатанную, сшитую из пестрых лоскутков занавеску в глубине балаганчика. Мы уселись на краю скамьи. Скоро театрик наполнился зрителями, — яблоку негде было упасть.

Долговязый парнишка зажег сальные свечи перед занавеской и потушил фонари. Трижды прозвенел гонг. У меня сердце замерло: сейчас начнется. Вдруг в темноте заиграла скрипка — так весело, что мне захотелось плясать.

Четырехугольный лоскут посреди занавески взвился кверху, открывая маленькую яркую сцену с семибашенным замком в глубине. Тотчас же на сцену вышел смешной, пухлый человечек. Я прыснул со смеху. Никогда еще я не видел такого толстяка.

Его туловище в полосатом балахончике было похоже на бочонок. Над бочонком торчала маленькая головка в

колпаке с бубенчиками. Бочонок важно выступал, покачиваясь на тонких ножках.

Толстяк поднял ручку, поклонился и... пустился в пляс. Ах, посмотрели бы вы на этого плясуна! Он семенил ногами, подкидывал коленки, подпрыгивал, вертелся волчком, и вдруг — голова у него пропала. Я ахнул. Толстяк плясал на сцене без головы. Головы как не бывало! Он подпрыгнул, и голова появилась у него на плечах, словно вынырнула из бочонка.

— Ого! — закричали все ребята.

А толстяк все плясал, и голова его то исчезала, то появлялась снова, улыбаясь и звеня бубенцами. И каждый раз ребята кричали:

— Ого!

Толстяк кончил свой танец. На сцене появился усатый турецкий султан в зеленой чалме и в оранжевых шароварах. Этого султана я уже видел на прошлогодней ярмарке. Сейчас он будет плясать, взмахивая руками и подкидывая ноги. Одна рука у него оторвется, завертится, запляшет и превратится в арапчика. Потом — другая рука, потом — ноги и голова... Все это будет плясать отдельно и превращаться в арапчат. От султана останется только зеленая чалма. Семь арапчат спляшут вокруг нее уморительный танец, завизжат и улетят кверху. Я заранее вытаращил глаза, чтобы не прозевать чудесных превращений.

Заиграл рожок. Султан начал плясать. Полы его красного халата развевались, он махал руками, — сейчас у него отскочит рука... Рука отделилась от туловища, дернулась в сторону, и вдруг султан споткнулся, встал, как вкопанный, а рука закачалась над ним в паутине ниток... Снова дернулась рука, султан тоже дернулся. Я видел: какая-то нитка захлестнула ему обе ноги, полы его халата сморщились и полезли кверху. Султан весь покривился на один бок.

— Эге! — крикнул чей-то голос из толпы. — Запутался султан!

За занавеской послышалась ругань. Султан, волоча ноги, протаскился по сцене, как пучок тряпья, опутанный нитками. Из-за кулисы выбежала маленькая неаполитанка и, звеня бубном, протанцовала тарантеллу.

Потом выходили Пьеро, Арлекин и другие куклы. Каждая плясала свой танец. Я знал, что это еще не настоящее представление, а только начало. Я ерзал на скамье, мне хотелось поскорее поглядеть на Пульчинеллу-чернокнижника.

Занавес опустился, и я глубоко вздохнул.

— Хочешь, пойдем за сцену? — спросил меня Джузеппе.

В потемках мы проскользнули за занавеску. В дымном чаду свечей висели на гвоздях куклы — Пьеро, Панталоне, Пульчинелла. Я не посмел их потрогать, только удивился тому, какие они маленькие — едва побольше локтя. Со сцены они казались чуть ли не с меня ростом.

Мариано, стоя на четвереньках, устанавливал на сцене стенку с прорезанным окошком, маленький стол и табуретки. Пожилая женщина зашивала розовое платье Смеральдины, висевшей на гвоздике. Долговязый парнишка, держа в зубах нитки, распутывал султана. Старик с пластырем на глазу наигрывал на скрипке. Ему подпевала кудрявая девушка в пестром платке.

— Еще раз, Лиза, еще раз! — говорил старик и отбивал такт ногой.

— Готово! — сказал Мариано, слезая со сцены.

Он взял в рот жестяную пластинку-пиветту и заверещал голосом Пульчинеллы:

— Представление продолжается!

Мы поспешили к нашей скамейке. Занавес поднялся. Мы увидели комнату с узорным окошком. В углу виднелся очаг, посредине стояли стол и табуретки, у стены — резной сундук.

Панталоне в черном бархатном плаще, переваливаясь, вышел на сцену. За ним, мелко семеня ножками, бежала Смеральдина в розовой юбочке.

— Прощай, Смеральдина, — сказал Панталоне густым голосом. — Я еду в Падую за товарами. Гляди, чтобы без меня сюда не шатались монахи. Я их терпеть не могу! Заведут глаза, бормочут молитвы — будто святые, а сами норовят угоститься задаром или вытянуть деньги у хозяйки, пока хозяина нет дома. Если без меня побывает здесь монах — уж я наломаю ему бока! — Панталоне грозно трясет деревянной бородкой.

Смеральдина ахает, всплескивает ручками и клянется, что она ни одного монаха не пустит на порог. Проводив Панталоне, она приносит лютню, играет и поет, сидя у окошка.

Я знаю, что на коленях у Смеральдины — не лютня, а простая дощечка без струн. Я слышу, как старик за сценой наигрывает на скрипке, а кудрявая Лиза подпевает

ему, — и все-таки мне кажется, что это играет и поет маленькая деревянная Смеральдина в креслице у окна. Она двигает ручками над лютней, качает головой и отбивает такт.

— О, что за ангельское пение, синьора Смеральдина! Да будет мир с вами! — говорит скрипучий голос.

В окошко заглядывает бритая, толстощекая голова монаха. Слово за словом — и толстый монах входит в дом. Слово за словом — и он усаживается за стол. Смеральдина приносит рыбу, жареного петуха и огромную тарелку с макаронами. Монах раскрывает рот, и... — поверите ли? — макароны сами скачут ему в глотку с тарелки!

Зрители хохочут, топчут, кричат. Я сам разеваю рот, глядя на этого обжору. Монах снова раскрывает пасть, и снова макароны прыгают с тарелки.

Вдруг слышится пронзительный голос:

— Ля-ри-ля-ля! Ля-ри-ля-ля!

— Пульчинелла! Пульчинелла! — кричат зрители, вскочив с мест.

В окошко заглядывает Пульчинелла в черной масочке и белом колпаке. Он стучит в раму.

— Хозяюшка Смеральдина, пусти усталого путника!

— Ступай прочь, бродяга! — отвечает Смеральдина.

— Сгинь с глаз моих, нераскаянный грешник! — кричит монах и щелкает челюстями над тарелкой.

Пульчинелла исчез. Монах объедается за столом. Смеральдина приносит большую бутылку с вином, и вдруг — снова стук. В окошке появляется голова Панталоне с деревянной бородкой.

— Отвори! — кричит Панталоне. — Я забыл дома кошелек.

Монах уронил бутылку. Смеральдина ахая мечется по сцене. Ну и попадет же теперь обжоре-монаху!

— Спрячьтесь в сундук, ваше преподобие! — лепечет Смеральдина.

Монах прыгает в сундук. Тарелки с кушаньем и бутылки летят за ним следом. Крышка захлопнута. Только пучок ниток, идущий из сундука кверху, выдает, что в сундуке — монах.

Вместе с Панталоне входит Пульчинелла. Он приплясывает, поводит своим длинным носом, — кажется, будто он подмигивает Смеральдине.

— Я привел гостя, Смеральдина, — говорит Панталоне, — накорми нас ужином!

— Нечем ужинать, дружок, в доме нет ничего съестного, — жалобно отвечает плутовка.

— Та-та-та! — пищит Пульчинелла. — Я сам вас угощу ужином!

— Да ты кто такой? — спрашивает Панталоне.

— Я — художник, я — и сапожник, я — пекарь, я — и лекарь. Я заговариваю зубы, лечу дураков от глупости, — пищит Пульчинелла.

— Да что ты? — удивляется простак Панталоне.

Тут Пульчинелла садится на стол и, болтая ногами, говорит такую ерунду, что зрители смеются не переставая. Джузеппе рядом со мной смеется тихим стариковским смехом, а я хохочу во весь голос.

— Я на метле летаю, чертей вызываю, я — чародей-чернокнижник! — пищит Пульчинелла.

— Хотел бы я поглядеть чорта! — вздыхает Панталоне.

— Изволь.

Пульчинелла становится посреди комнаты, притопывает ногами и бормочет заклинания:

— Бұрум, бұрум, бандарà, чембуранда чембарà!

Смеральдина и Панталоне забились в угол и трясутся от страха. А Пульчинелла кричит все громче, прыгает все выше, носится по сцене, опрокидывает стол и табуретки. Наконец он подбегает к сундуку.

— Эй, чорт, выходи!

— О-о-о! — страшным голосом вопит монах и выскакивает из сундука. Панталоне от страха упал в очаг и дрыгает ногами в воздухе. Смеральдина плачет, упав на колени. Пульчинелла колотит монаха дубинкой, гоняет его по всей сцене и выталкивает за дверь. Потом он вытаскивает из сундука тарелки с кушаньями и зовет хозяев ужинать.

— Ох, — стонет Панталоне, — натерпелся я страху! А правда, Смеральдина, будто чорт похож на толстого монаха?

Пульчинелла уже устроился за столом. Он тычет носом во все кушанья, пробует вино из бутылки и, взгромоздившись на табурет, поет пресмешную застольную песню.

Занавес опустился, но все так хлопали, кричали и шумели, что он снова поднялся. Панталоне кивал нам бородкой, Смеральдина посылала поцелуи. Пульчинелла кланялся, размахивая дубинкой, и даже злополучный монах высунул голову из-за кулисы и на прощанье щелкнул зубами, а дым догоравших свечей затягивал сцену голубым облаком.

Когда мы в темноте выходили из балаганчика, я потерялся в толпе дядю Джузеппе. В потемневшем небе уже светились звезды. Вдалеке на Большом канале мелькали фонарики гондол и слышалась музыка.

На площади было все еще много народа. Я вглядывался в темные фигуры прохожих. Вот мне показалось, что я вижу коренастые плечи и седые волосы моего спутника. Я бросился вслед прохожему. Но это был не Джузеппе. Я трижды обежал площадь и наконец вернулся к балагану. Сквозь грубое полотно занавески тускло мерцал огонек. В балагане слышались голоса. Может быть, дядя Джузеппе остался там и разговаривает с Мариано? Не решаясь войти, я стал ждать у входа. Скоро огонек погас. Рослый Мариано появился в дверях с ящиком в руках.

— Ну, все взяли? — крикнул он в темноту.

За ним вышли две женщины и долговязый парень с узлами на плечах.

— А если ты еще раз запутаешь султана, я тебе ноги переломлю... — донеслось до меня ворчание Мариано. Они ушли.

Было слышно, как старик, охая и кряхтя, укладывается на ночлег. Вдруг жалобно и протяжно прозвенела струна: должно быть, он впопыхах задел свою скрипку. Потом все стихло.

Дяди Джузеппе в балагане не было.

Большая красноватая луна вставала над дальними крышами. Я стоял на темной площади, не зная, что мне делать? Я думал, что дядя Джузеппе возьмет меня к себе, но он ушел домой один. Значит, не возьмет. Неужто я должен вернуться к тетке Теренции? Она изобьет меня. Я уже видел, как открываю скрипучую дверь нашей душной каморки, слышал визгливую брань моей хозяйки и чувствовал ее жесткие кулаки на моих плечах. И я не увижу больше чудесных кукол дяди Джузеппе!

Я постоял еще, а потом тихонько пошел к тому дому, куда меня днем привел синьор Гоцци. Я поднялся впопыхах по скрипучей лестнице и осторожно потрогал дверь. А вдруг дядя Джузеппе рассердится и прогонит меня? Все равно, я не вернусь домой. Я пойду на площадь и буду до утра сидеть у балагана. А там — будь, что будет!

— Кто это скребется, словно мышь? — громко спросил

старый Джузеппе, отворив дверь. — Ах, это ты, мальчик? Ну,ходи, уж если пришел!

Я робко вошел. На столе горела свеча, освещающая хлеб, три луковицы и глиняный кувшин с вином.

— Поешь, а потом ложись спать! Вот твоя постель! — сказал хозяин, указав мне на кучу стружек и бумажных обрезков в углу.

Я уснул в тот вечер счастливый.

ДЯДЯ ДЖУЗЕППЕ

— Помни, что я тебя не звал, — сказал мне на другое утро дядя Джузеппе. — Если ты привык шататься по улицам, болтать с гондольерами и выпрашивать грошики у гуляющих господ, — лучше ступай, откуда пришел. А у нас нужно работать. У резчика кукол тяжелый хлеб.

Он был теперь совсем не такой приветливый, как вчера, когда показывал Пульчинеллу и называл меня тезкой. Говоря со мной, он смотрел в окно, как будто ему было все равно, слышу я его или нет. За окном над куполом Сан-Марко кружились голуби.

— Я буду работать! — тихо сказал я.

Работа началась в тот же день. Но ни кукольных головок, ни ручек, ни ножек мне не пришлось вырезать. Хозяин послал меня в чулан за двумя длинными деревянными брусками. Дал мне пилу. И велел распилить эти бруски на равные куски длиной в четверть локтя.

Я поставил на пол две чурбашки, положил на них брусок и начал пилить. Сначала пила не слушалась, и я до крови оцарапал руку ее острыми зубьями, но потом научился держать пилу прямо, и она стала легко врезаться в дерево. Мелкие опилки сыпались на пол белой стружкой.

Дядя Джузеппе сидел у окна, клеил переплеты и тихо насвистывал, не глядя на меня. Но едва я спотыкался в работе, он топал ногой и сердито говорил:

— Держи пилу прямо! Ты опять ее скривил!

Он узнавал это по звуку пилы.

Когда я кончил возиться с брусками, хозяин дал мне толстую доску и велел ее тоже распилить на куски. Может быть, он раздумал учить меня резанию кукол? Все равно, я

буду пилить и делать все, что он прикажет, только бы он не прогнал меня к тетке Теренции!

Я работал весь день, не разгибая спины. Плечи у меня болели, на руках натерлись мозоли. На полу лежало множество кусков дерева и большая куча опилок.

Уже совсем стемнело, когда дядя Джузеппе позволил мне бросить работу. Я был очень голоден. Мы, как вчера, поужинали при свече хлебом и луком.

— А ты знаешь, зачем это? — спросил хозяин, кивнув на распиленные бруски.

Я покачал головой. У меня был набит рот.

— Это болванки, или заготовки для кукол. Из толстых и коротких кусков мы вырежем головки и туловища, а из узких и длинных — ручки и ножки. Завтра ты вырежешь ручки твоему Пульчинелле!

— Значит, я все-таки буду вырезать кукол!

Дядя Джузеппе усмехнулся в первый раз за день. Глаза у него стали добрые. Я опять уснул счастливый.

С этого дня я остался жить на чердаке. По утрам я приносил воду из колодца, подметал нашу каморку и, закусив коркой хлеба, усаживался за работу. Хозяин дал мне стамески разной величины и острый ножик с костяной ручкой. Он показал мне, как нужно вырезать ручки, сжатые в кулачок, — для Пульчинеллы, с раскрытыми ладонями — для Панталоне, с протянутым указательным пальцем — для Доктора. Он сам резал из дерева ловко и быстро. Издали могло показаться — он чистит картошку. А это он вырезал кукольную головку. Срезает щепку, одну и другую — вот уже две щеки, а между ними торчит нос, ковырнет острием ножа — вот и глазки смотрят.

Дядя Джузеппе не бранился, не кричал, не давал мне подзатыльников, как моя прежняя хозяйка. Но если я работал плохо и делал не то, что нужно, — он отвертывался от меня и с досадой глядел в окно. Казалось, он думал: «Зачем я вожусь с этим безмозглым мальчишкой? Его ничему не научишь!» Тогда я готов был плакать. Я изо всех сил старался работать хорошо.

Иногда к нам приходили уличные кукольники, просили сделать новую куклу или починить старую. Дядя Джузеппе не любил этой работы.

— Разве это кукла? — сказал он однажды, насадив на палец маленькую головку Пульчинеллы, принесенную ему одним из кукольников. — Она не смеется, а только щерит

пасть! Вот те — настоящие куклы для театра! — он кивнул в сторону стеного шкафа.

Те куклы улыбались и хмурились, как живые, — так хорошо были вырезаны их личики.

Как-то раз синьор Гоцци привел на чердак двух нарядных дам и попросил Джузеппе показать им кукол. Одна дама была молодая, веселая, с быстрыми черными глазами, другая — постарше, с длинным, скучным лицом.

Дядя Джузеппе вывел на нитках маленькую Коломбину и заставил ее поклониться гостям. Потом Коломбина пошла вперед, протянув ручки, и шевелила головкой, будто рассказывала что-то. Потом она упала на колени, закрыла лицо ручками и горько заплакала. Ее деревянные плечики содрогались от рыданий.

— Ах ты бедняжка! — воскликнул синьор Гоцци и, обернувшись к дамам, сказал: — Право же, это волнует сильнее, чем высокопарные речи без всякого проблеска чувства, которые мы так часто слышим от живых актрис!

— Как? — вскрикнула молодая дама. — Синьор Гоцци хочет, чтобы мы стали деревянными куклами? Это бесчеловечно!

Дамы расхохотались и, шурша платьями, ушли с чердака. Синьор Гоцци последовал за ними. Дядя Джузеппе спрятал Коломбину в шкаф и сказал:

— Как хорошо умеет синьор Гоцци говорить о марионетках!

Дядя Джузеппе очень любил синьора Гоцци. Он становился приветливым, и глаза его светились, когда этот хмурый, сухопарый гость появлялся на нашем пороге. С какой любовью он переплетал рукописи и книги своего друга! Часто по ночам я видел, как он читает их при свете огарка. Его губы шевелились. Наверное, он наизусть заучивал все написанное, прежде чем отдать работу заказчику.

НАШЕ РЕМЕСЛО

Синьору Гоцци тоже нравилась дружба старого резчика. Я слышал, как он сказал однажды:

— Меня зовут «Молчаливым» и даже «Отшельником», потому что я часто молчу и избегаю людей. Однако это происходит не от моей злобы или мрачности моего хара-

ктерѣ, — Ведь я очень склонен к шуткам и веселым безумствам, — а оттого, что мои знакомые слишком серьезны, тупы и не любят шуток. С ними я чувствую себя в оковах. Зато у вас на чердаке, дядя Джузеппе, где в окно видны легкие купола Венеции, где в шкафу живут чудесные деревянные человечки — чистые создания фантазии художника, — мне дышится легко. Я снова чувствую себя поэтом. Кто сказал, что для писанья стихов достаточно знать поэтические правила и законы логики? Прежде всего для этого нужно легкое сердце, мой друг!

Синьор Гоцци часто сиживал у нас на табурете, обхватив руками свои костлявые колени, и рассказывал нам разные истории о деревянных актерах.

Я перескажу вам кое-что из его рассказов, чтобы вы знали, какое древнее и какое почетное наше ремесло — ремесло кукольника.

Марионетки явились на свет в древние времена, — может быть, три, а может быть — четыре тысячи лет назад.

Давным-давно на острове Крите в Эгейском море жил искусный резчик и механик — Дедал. Это он выстроил критскому царю Миносу огромный дворец-лабиринт, в котором было столько зал, дворов и переходов, что, войдя в него, можно было заблудиться и никогда уже не найти дороги обратно.

Дедал вырезывал из дерева удивительные статуи — они ходили, протягивали руки, поводили большими черными глазами. Он раскрашивал их лица белилами и румянами, одевал их в пурпурные и шафранные ткани и в серебряные доспехи. Они были прекраснее живых людей и вселяли в народ восторг и ужас.

Дедал замыслил бежать от царя Миноса. Он сделал себе и своему сыну Икару крылья, слепленные из воска и птичьих перьев. Отец и сын полетели за море.

В пути Икар поднялся слишком близко к солнцу, — воск растопился от жары, перья развеялись по ветру. Он упал в море и утонул.

А Дедал благополучно перелетел на чужой берег и пошел скитаться по разным странам. Он вырезывал из дерева маленькие фигурки. Они могли бегать, танцевать и

*Римская
бронзовая
марионетка.*

представлять человеческую жизнь. Их приходилось держать на привязи или запира́ть в ларцы, иначе они сами собой приходили в движение и убегали. Дедал стал желанным гостем и в царских дворцах, и в пастушьих хижинах.

— Это сказка, — сказал синьор Гоцци, — но в каждой сказке скрыто зерно истины. Марионетки действительно родились на свет давным-давно, и тот, кто их выдумал, был остроумным человеком.

«Во всех городах древней Греции были театры. Кукольники назывались тогда невропастами — это значит «управляющие нитями». «Неврос» — по-гречески нить, а «пастис» — тянут.

«Великий философ Греции Сократ подолгу простаивал перед уличными балаганами, любуясь на кукольные представления. А его ученик Платон уверял, что люди похожи на марионеток: страсти тянут их в разные стороны, как нити тянут марионетку, но человек должен подчинять свою волю только одной нити — золотой нити разума.

«У древних римлян было еще больше кукольных театров, чем в Греции. Живые римские актеры представляли на площадях веселые комедии. Маленькие деревянные актеры подражали им на своих крошечных сценах. Тогда родились комические маски: буян и забияка Маккус, которого мы теперь зовем Пульчинеллой, добряк и простофиля Паппус — теперешний Панталоне, плутоватые слуги Дзанни — это наши Арлекин и Бригелла — и лукавая служанка Цитерия — по-нашему Коломбина.

«Прошли века, пал древний Рим. Изменилась жизнь, изменились люди. Мы мало похожи на древних римлян, мы носим не сандалии, а башмаки с пряжками. Но кое-что осталось от старины. Веселые герои древних комедий все так же забавляют нас и будут забавлять, пока итальянский народ не разлюбит шуток, забав и чудесных приключений! Итальянские марионетки считаются лучшими во всем мире. Помни об этом, мальчик, когда вырезаешь своих кукол, и не пострами свою родину!»

Я помнил об этом. Я помнил все, что рассказывал синьор Гоцци. И у меня голова шла кругом от всех этих удивительных историй. Подумать только — уже тысячи лет тому назад люди делали марионеток и любовались на их представления. Но откуда синьор Гоцци узнал об этом?

— А ты умеешь читать, мальчик? Нет? Дядя Джузеппе, почему же вы не учите его грамоте?

С того дня дядя Джузеппе начал учить меня читать по книгам, которые он переплетал для синьора Гоцци.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА ОЖИЛ

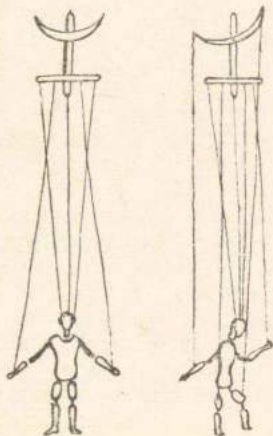
Дядя Джузеппе научил меня собирать и скреплять вместе отдельные части кукол. Я вырезал туловище моему Пульчинелле и прикрепил к нему проволочными колечками головку, ручки и ножки. Теперь Пульчинелла мог лежать и сидеть в любой позе, но на ногах не стоял: он еще не был подвязан на нитки.

— Кукольник должен сам одевать своих кукол, — сказал Джузеппе, вдевая нитку в иглу.

И я стал кроить и сшивать пестрые лоскутки, не боясь прослыть девчонкой.

Я сделал Пульчинелле широкие белые штаны, балахончик и колпачок.

Подбородок Пульчинеллы гордо торчал из широкой оборки белого воротника. Пришло время подвязать куклу на нитки.

Я выпилил из доски узкий полумесяц, сделал из двух палочек крест и прибил к его верхнему концу полумесяц так, что рога торчали кверху и могли покачиваться, как коромысла весов. От нижнего конца креста я провел нитку к спине куклы. К двум концам поперечной перекладины я тоже привязал нитки и провел их к гвоздикам над ушами куклы...

От рогов полумесяца две нитки подошли к коленям куклы. Синьор Джузеппе качнул пальцами полумесяц: раз! — правый рог опустился, ножка топнула о пол, зато поднялся левый рог, и Пульчинелла шагнул левой. Раз-два, раз-два! — он затопал на

месте, как солдат на ученье. Мы провели нитки к ручкам и закрепили их на поперечной перекладине, рядом с ушными нитками. Пульчинелла ходил, кланялся, подымал руки и садился на подставленный носок моего башмака.

— Надо тебе сказать, — говорил дядя Джузеппе, — что такая «вага», — он указал на полумесяц, — больше в ходу у немцев. Наши кукольники чаще берут железный прут, зацепляют его за колечко в темени куклы, а на верхнем его конце делают коромыслище. Но мне думается, что немецкая вага дает кукле больше движений.

Мне захотелось показать готового Пульчинеллу тому бледному мальчишке — Паскуале. Я часто вспоминал его и думал: сделал ли он себе особенный башмак? Наверное, не сделал: ведь я не вернул ему ножик. Я собирался отнести ему ножик и заодно показать Пульчинеллу, но боялся, что дядя Джузеппе не отпустит меня из дому.

Пульчинелла висел на стенке. Я только что подкрасил ему нос и щеки красной краской, а глаза — черной, когда в каморку вошел синьор Гоцци. Он расхвалил мою работу.

— Сразу видно, что у тебя превосходный учитель!

Дядя Джузеппе просил от его похвалы. Тогда я собрался с духом и спросил его, можно ли мне показать Пульчинеллу одному мальчику. Я скоро вернусь.

Дядя Джузеппе сразу нахмурился, но синьор Гоцци, уже усевшийся на табурет и заложивший ногу на ногу, спросил:

— Какому мальчику? Расскажи нам про него!

Я рассказал про Паскуале все, что знал: и как он хотел приделать высокий каблук к своему башмаку, чтобы не хромать, и как он отдал мне свой ножик, и про то, какой у него скупой хозяин. Я даже нечаянно проболтался о том, как мы напугали Пульчинеллой старую Барбару. Синьор Гоцци расхохотался.

— Вот сорванцы! — Потом он стал серьезным. — Ты говоришь — дом у горбатого мостика и на крыльце каменные львы? Я знаю этот дом. Там живет аббат Молилари. Великий боже! Он богат, как Крез, а морит голодом своих слуг! Какая скотина! Впрочем, это нетрудно было угадать по его скверным писаниям! Ступай к своему приятелю, мальчик, и угости его медовыми лепешками. Пусть он хоть раз в жизни поест досыта за здоровье старого Карло Гоцци! Вот тебе деньги!

Я сунул монету за щеку, схватил Пульчинеллу и сбежал с лестницы. Я знал: если синьор Гоцци посылает меня, дядя Джузеппе уже не оставит дома.

Я давно не ходил по городу, не глазел на каналы и на гондолы, бесшумно скользившие по воде. Ведь я с утра до ночи работал на чердаке. Мне было весело бежать по улицам, слышать крики гондольеров, обгонять прохожих, крепко прижимая к себе завернутого в платок Пульчинеллу. Я купил с лотка четыре медовые лепешки, еще горячие, жирные, пахнущие медом, и спрятал их в карман. Я покажу Паскуале моего Пульчинеллу, а потом мы усядемся на крылечке и угостимся наславу!

Вот и узкий канал с темной водой, затемненный высокими домами. Я пробежал по горбатуму мостику, свернул в переулок и заглянул во двор.

Кучи мусора, казалось, выросли с тех пор, как мы сидели возле них с Паскуале. Дверь, висевшая прежде на одной петле, теперь уже совсем отвалилась и стояла прислоненная к стене. Паскуале нигде не было видно.

Я прокрался к кухонному оконцу и заглянул в кухню. В ней не было ни души. Я тихонько позвал Паскуале, но мне никто не ответил. В доме было тихо. Я прошел мимо каменного крылечка, поглядывая вверх на господские окна. За ними никто не шевелился. Приходилось мне, видно, убраться восвояси.

Вдруг я услышал голос — словно из-под земли:

— Пеппо! Иди сюда, Пеппо!

Я оглянулся — во дворе попрежнему никого не было.

— Да иди же сюда, вот я! — сказал Паскуале.

Тут я заметил в стене оконце, точно такое же, как кухонное, только по другую сторону крылечка. Дверь, прислоненная к стене, закрывала его на половину. В узкую щель между дверью и оконным косяком виднелось бледное лицо Паскуале. Я подбежал к нему.

— Выходи на двор, я покажу тебе готового Пульчинеллу!

Я думал, что он обрадуется и сразу выбежит ко мне.

Но Паскуале отступил в темноту, и я услышал, что он плачет.

— Я не могу выйти. Они меня заперли!

Я присел на корточки, отодвинул тяжелую доску и, заглянув в оконце, увидел узкую каморку с сырыми стенами. На полу лежала охапка соломы, прикрытая тряпьем. Паску-

але сидел под окном, отвернув лицо в угол. Рядом стояла глиняная кружка с отбитым краем.

— Погоди, я к тебе пролезу! Держи моего Пульчинеллу!

Я бросил куклу на солому и с трудом протиснулся в оконце, ссадив плечо о каменный косяк. А потом соскочил на пол. Как сыро и темно было в этой каморке!

Паскуале обернулся, вытирая глаза кулаком.

— Ты не смотри, что я плачу. У меня очень болит нога.

Я протянул ему ножик и медовые лепешки, слипшиеся в комок у меня в кармане.

— Ешь!

Он стал есть, жадно глотая сладкое тесто. А слезы так и катились у него по щекам. Я спросил:

— Почему тебя заперли? — но он только махнул рукой, уписывая мое угощение. Доев последний кусочек, он оближал пальцы и сказал:

— Я хотел бы каждый день есть такие булочки! — и протянул руку к Пульчинелле. Как видно, ему стало повеселее.

— Ну, рассказывай! — сказал я, и Паскуале стал рассказывать.

Оказалось, старая Барбара подняла на ноги весь дом, испугавшись чорта. Она боялась войти в кухню. Сам господин аббат спустился из своих покоев и стал спрашивать Паскуале, что он натворил. Паскуале сказал, что никакого чорта не было, это привиделось Барбаре. Но аббат ответил: «Ты лжешь, это ты ее напугал, скверный мальчишка!» И стал бить его тростью, приговаривая: «Признавайся, признавайся, негодяй!» Но Паскуале не признался. Аббат потащил его за шиворот и втолкнул в эту каморку. Паскуале упал и ушиб колено. С тех пор у него очень болит нога, и он не может ходить. Барбара сначала не верила ему, думала — он ленится, но когда нога распухла, ему поверили и оставили его в покое. Только запирают его на замок, чтобы не убежал. А есть дают одни сухие корки и немножко воды. Он показал мне красное, распухшее колено.

— Почему же ты не признался? — спросил я. — Ведь тебе уж все равно досталось.

Паскуале опять отвернулся.

— Если бы я признался, — сказал он медленно, — так и тебе досталось бы тоже. Они отняли бы у тебя Пуль-

чинеллу. А мне так хотелось еще раз поиграть с ним! — Он опять протянул руку к кукле.

— Подожди, я покажу тебе, как он ходит! — И я стал разматывать нитки, закрученные вокруг коромыслища. Паскуале помогал мне. Пульчинелла мотал головой, будто ему не терпелось побегать по полу.

Вдруг дверь каморки распахнулась. Мы так и замерли. Старая Барбара стояла на пороге.

— Это еще кто? — крикнула она и выронила из рук оловянную тарелку с хлебными корками. — А, да это приемыш тетки Теренции! Хорош молодец! Тетка по нем убивается, ноги себе исходила, бегая за ним по городу, а он здесь сидит! Ах ты щенок поганый! Вот погоди, оттакает она тебя за вихры!

Сердце у меня упало. Мне уже казалось, что сейчас из-за спины Барбары высунется тетка Теренция, схватит меня за вихры и потащит с собой на рынок. Тогда прощай дядя Джузеппе и наше кукольное ремесло!

— И как ты сюда попал? — кричала старуха. — Небось, в окошко пролез, как настоящий воришка? и что вы тут делали, дармоеды? Утопить бы вас обоих в канале, скверных щенят! Гвидо! Гвидо! — заорала она, обернувшись к двери. — Иди сюда, я беглого мальчишку поймала!

Паскуале быстро прикрыл Пульчинеллу тряпьем, спрятал его за спину и прижался к стене. Барбара этого не заметила. Она продолжала звать Гвидо:

— Да иди же сюда, Гвидо! Ничего он не слышит, глухая тетеря!

— Что тут за шум, Барбара? — спросил из-за двери жирный, тягучий голос. — В чем дело?

— К нам чужой мальчишка забрался, ваше преподобие! Я его поймала, зову Гвидо, а он не слышит. Кликните вы его, ваше преподобие!

— Какой мальчишка?

В дверь боязливо заглянул толстый, краснорожий аббат в черной сутане. Его жирный подбородок лежал полумесяцем на белом воротнике.

— Это приемыш рыбной торговли с рынка, — тараторила Барбара. — Убежал от хозяйки и пропадал две недели неведомо где. Еще сегодня тетка Теренция жаловалась мне. Отвести бы его сейчас на рынок...

Аббат вошел в каморку.

— Ты что тут делал? Зачем сюда пришел? Обворовать

меня затеяли? Ограбить? — Лицо его покраснело, глаза налились кровью. Он стукнул тростью о пол и прохрипел: — Отвечай сейчас же, негодяй!

Я попятился, опрокинул кружку с водой и еле удержался на ногах. Он поднял трость.

— Ответишь ты или нет?

— Я не вор... — пробормотал я. — Я пришел... я пришел потому, что меня послал синьор Гоцци.

Аббат опустил палку. Брови у него стали круглыми от изумления.

— Кто? Синьор Гоцци? Зачем он тебя послал?

— Чтобы я отнес медовые лепешки этому мальчику. Синьор Гоцци сказал: «Пусть он хоть раз в жизни поест досыта за здоровье старого Карло Гоцци!»

Аббат изменился в лице. Он покраснел, растерянно замигал глазами, нижняя губа отвисла. Я видел, что он озадачен.

— Он сказал еще: «Аббат Молилари богат, как Крез, а морит своих слуг голодом. Какая скотина!» — одним духом выговорил я.

Аббат вздрогнул, словно его ударили, и посмотрел налитыми кровью глазами сначала на меня, потом на Паскуале и на Барбару.

— Ах, пресвятые угодники! Чего только не наговорят люди! — вздохнула Барбара и принялась подбирать с пола черствые корки.

А Паскуале чуть-чуть усмехнулся. Аббат приосанился и оперся на трость.

— Ты смеешься, мальчик? Смейся. Это действительно смешно, что синьор Гоцци ведет себя не так, как подобает графу и дворянину. Он верит сплетням и сует нос, куда его не просят! — Он обернулся ко мне. — Передай это своему господину, и чтоб я тебя больше не видел! Барбара, выпроводи вон этого оборвыша, приятеля графа Карло Гоцци!

Барбара схватила меня за плечи и потащила в кухню.

— Отвести бы тебя к хозяйке, скверный мальчишка! — бормотала она. — Жаль, господин аббат не велел. Да уж попадись ты мне еще раз в руки! — Она вытолкнула меня во двор и с треском захлопнула дверь.

Я вздохнул всей грудью и поплелся к воротам. И вдруг я вспомнил, что мой Пульчинелла остался в каморке Паскуале! Как я вернусь без него к дяде Джузеппе? Если Барбара или господин аббат найдут куклу, они, наверное,

разломают или сожгут ее! Я повернул к дому и на цыпочках подошел к окну каморки. Сердце у меня забилося. Аббат бил Паскуале.

Я присел на землю, пролез в узкое пространство между стеной и дверью, прислоненной к стене, и притаился. Если бы Барбара вышла на двор, она меня не увидела бы.

— Ты будешь еще говорить, что я морю тебя голодом? Будешь? — спрашивал аббат.

После каждого вопроса слышался глухой удар. Паскуале стонал и плакал, и вдруг он закричал во весь голос:

— Буду! Всегда буду говорить! Всем буду говорить!

Аббат зарычал от злобы, и удары посыпались еще чаще.

Я заткнул уши, закрыл глаза и дрожа прижался к стене. Сердце у меня сжалось. Бедный Паскуале! Тетка Теренция колотила меня все-таки не так жестоко... И он еще морит Паскуале голодом!.. А у того все время болит нога. Хоть бы убежал он от аббата куда-нибудь!

Я отвел руки от ушей и прислушался. Ударов больше не было, слышался только тихий плач, будто в каморке скулил щенок. Я выглянул из-за двери. На дворе — ни души. Я подполз к окошку и тихо позвал:

— Паскуале...

Плач умолк.

— Паскуале! — сказал я погромче.

— Это ты, Пеппо! Как они меня мучают! Я не могу больше, я уйду, я убегу от них... Это ничего, что нога болит, я все-таки убегу отсюда!

Я снова пролез в окно и прыгнул к нему. Он быстро вырыл Пульчинеллу из-под соломы.

— Идем скорее, Пеппо! Сейчас аббат обедает, а Барбара подает ему кушанья! Они нас не увидят!

Он попробовал встать на ноги и застонал от боли. На щеке у него была синяя вспухшая полоса от удара трости. Я взял его под мышки и подтянул к окну. Он снова застонал, когда пришлось согнуть больное колено, но все же выкарабкался на двор. Я схватил Пульчинеллу и вылез следом за ним.

Мы пошли к воротам, держась возле самой стены, чтобы нас не увидели из верхних окон. Паскуале хромал, вцепившись мне в руку, и стискивал зубы, чтобы не стонать. Пот катился у него по лбу.

Наконец мы выбрались за ворота и пошли — не к мо-

стику через канал, — ведь там нас могли увидеть с подъяезда, — а свернули по переулку в другую сторону. Каким длинным показался мне этот переулочек! Каждый камень, каждая выбоина в мостовой были препятствиями в пути из-за больной ноги Паскуале. Я то и дело оглядывался, и каждый раз у меня замирало сердце — вдруг я услышу за нами тяжелые шаги и увижу бегущую по переулку Барбару. Но никто не вышел из ворот.

Наконец мы добрались до перекрестка и завернули за угол. Теперь уж Барбара нас не увидит, если даже выбежит в переулочек! Но едва мы прошли несколько шагов, как Паскуале пошатнулся, скользнул спиной по стене дома и сел на землю бледный, с мокрым лбом.

— Я не могу больше, Пеппо!

Я попробовал его поднять, но не смог. Оборванный мальчишка лукаво смотрел на нас из-под ворот. Из траттории напротив вышла старуха, она подозрительно взглянула на нас и проковыляла за угол.

Что если она позовет сбирова, чтобы схватить нас? Куда нам бежать? Паскуале бежать не может... Я озирался по сторонам. Вдруг в окне траттории мелькнула рыжая, в закатном луче знакомая шляпа, а под ней — ястребиный нос старого поэта. Гоцци сидел в траттории.

— Подожди, я сейчас вернусь, — шепнул я Паскуале и перебежал площадь.

Хозяйка звенела тарелками, гондольеры уписывали макароны, кто-то требовал вина, пока я шопотом рассказывал рассеянному Гоцци о том, что случилось: аббат Молинали исколотил мальчика, которому я отнес лепешки, и велел передать синьору Гоцци, что он не граф и не дворянин!

Я умолял Гоцци помочь нам. Вряд ли он понял что-нибудь из моего рассказа. Но все же, не допив своего стакана, Гоцци вышел на улицу. Паскуале уже сидел скорчившись на ступеньках траттории и пугливо глядел на прохожих.

ОСОБЕННЫЙ БАШМАК

В огромном доме графов Гоцци ветер разгуливал из одного разбитого окна в другое, шевеля лохмотья дорогих обоев на сырых стенах. С потолка, еле видная от копоти, улыбалась нарисованная богиня с копьем. Она глядела на

Паскуале, такого маленького и жалкого в большой кровати под ветхим пологом.

— Пускай мои поступки недостойны графа и дворянина, зато я поступаю так, как велит мое сердце, — сказал синьор Гоцци. — Семейная кровать графов Гоцци не развалится оттого, что в ней переночует бездомный ребенок. Наоборот, он прогонит с нее пауков.

И вправду, пауков было много в этом доме. Они бегали повсюду, быстро шевеля серыми лапками, свисали на тонких нитях с потолка, сидели в густой, пыльной паутине во всех углах. Дряхлый Анджело, глухой и подслеповатый слуга синьора Гоцци, не утруждал себя уборкой. Он чинил и штопал одежду и обувь своего господина, а на другое у него не хватало сил.

— Чего только не выдумает наш молодой господин? — проворчал он, когда мы привели Паскуале.

По старой памяти, он все еще считал синьора Гоцци молодым человеком и постоянно брюзжал на него. Все же он принес хлеба и сыру и накормил нас с Паскуале. Паскуале глядел на синьора Гоцци большими, испуганными глазами. «Не бойся, он добрый!» шепнул я ему тихонько. Синьор Гоцци спросил Паскуале, есть ли у него родители и как он попал к аббату Молилари. Паскуале стал рассказывать, робея и запинаясь на каждом слове. У него нету родителей. Он сирота, подкидыш. Прежде он жил в монастырском приюте. Там много мальчиков. Монашки кормят их, учат читать, писать и петь в церкви. Паскуале очень любит петь. Когда мальчики подрастают, их отдают в услужение разным господам. Паскуале отдали господину аббату помогать старой Барбаре на кухне. Но он больше не хочет жить у аббата: там ничего не дают есть, и аббат больно колотит его своей тростью. Вот и все.

— Вот оно — лицемерие модных, слезливых писателей! — воскликнул синьор Гоцци. — Аббат Молилари в своих писаниях проливает слезы жалости над каждой козявкой, но у него не дрожит рука, когда он избивает слабого, незащитного ребенка! Ты не вернешься к нему, мальчик! Я пойду в приют к монашкам и потребую, чтобы тебе нашли другое место. А пока ты поживешь у меня.

Синьору Гоцци не пришлось идти в приют к монашкам. Паскуале сам нашел себе другое место — в тесной

каморке на чердаке у дяди Джузеппе. Вот как это вышло.

Пока у Паскуале болела нога и он не мог ходить, я часто прибегал навещать его в дом графов Гоцци. Само собой разумеется, я рассказывал ему про то, как я вырезывал кукол и какие деревянные человечки живут в стенном шкафу дяди Джузеппе. Когда нога у Паскуале зажила, он стал проситься, чтобы я взял его с собой к дяде Джузеппе. Я боялся, что мой хозяин рассердится, если я приведу с собой мальчишку, но Паскуале так упрашивал меня, что я согласился.

Он только боялся, что уличные мальчишки опять засмеют его и забросают камнями, как бывало уже прежде, потому что у него все еще не было «особенного башмака», о котором он мечтал. Ему было трудно ходить по улицам в стоптанных туфлях, ежеминутно падавших с ног.

Тогда я вырезал из дерева хороший, толстый каблук и принес Паскуале. Мы сидели на полу и старались прибить его гвоздями к старой туфле, когда в комнату вошел Анджело. Он остановился и посмотрел на нас из-под косматых бровей. У нас ничего не выходило. Тогда Анджело молча отобрал у нас туфлю, каблук и гвозди, смерил ногу Паскуале, осмотрел его пятку и, покачав головой, ушел в свой чулан. Мы слышали, что он стучит молотком, и ждали: что будет дальше?

На другой день к вечеру Анджело принес Паскуале «особенный башмак». Он починил, выправил и разгладил его старую туфлю и приделал к ней толстый каблук, крепкий и удобный.

— Носи на здоровье, непутевая голова! — сказал он. — А где твоя другая туфля?

Взяв туфлю, он и ее привел в порядок. Паскуале не мог нарадоваться на свои новые башмаки и ходил в них так осторожно, как будто они были стеклянные. Он, конечно, хромал, но не так сильно, как прежде, и его хромая нога теперь меньше уставала от ходьбы.

— Теперь уж мы пойдем к дяде Джузеппе? Пойдем, Пеппо? — спрашивал он.

И вот однажды утром я привел его в каморку на чердаке.

— Это еще кто? — спросил дядя Джузеппе, обернувшись к нам. — Говорят, брошенный щенок приводит дру-

гого брошенного щенка в дом, где его хоть раз накорми-ли. Впрочем, ты похож не на щенка, а на цыпленка, — прибавил он, разглядывая Паскуале, — ты такой же маленький, остроносый и светлоголовый. Настоящий хромо-цыпленок!

Паскуале заморгал глазами, не зная, можно ли ему остаться на чердаке или нужно уходить. Он остался и просидел рядом со мной весь день до вечера, глядя, как я вырезаю кукольные ручки и ножки. Он ушел домой неохотно, поздно вечером.

А наутро дядя Джузеппе запнулся на пороге, отворяя дверь: под дверью, свернувшись калачиком, спал Паскуале. Он не попал вчера в дом Гоцци — не достучался. Синьора Гоцци не было дома, а старый Анджело заснул и не слышал стука. Паскуале вернулся на чердак, но не посмел войти и лег спать под дверью.

— Ну что ж, живи здесь пока! Посмотрим, на что ты годишься! — сказал дядя Джузеппе.

Руки Паскуале не годились для резьбы: они были у него слишком слабые. Ножик не слушался его. Кукольные головки выходили у него совсем плоские, носы — как обрубки, рты — как щели.

— Ну, тебе никогда не стать резчиком! — сказал мой хозяин. — Попробуй клеить и раскрашивать!

Это дело быстро пошло на лад. Паскуале стал искусно клеить сапожки, латы, шляпы и парички и тонко разрисовывал личики наших деревянных актеров. Но еще лучше он управлял куклами. Он сразу разобрал, за какие нитки нужно дергать, чтобы кукла двигалась, как живая. Он заставлял моего Пульчинеллу прыгать на одной ноге, вертеться, кувыркаться. Однажды, когда Пульчинелла летал по воздуху, растопырив руки, как крылья, а потом плавно опускался на пол, так что его балахончик надувался паром, синьор Гоцци вошел к каморку.

— Bravo! — воскликнул он. — Это очень забавно! Marionетки могут летать, превращаться в чудовищ, отрывать друг другу головы и снова приставлять их на место, чего никогда не сделать живым актерам! Сколько чудес и волшебных превращений можно представить на сцене кукольного театра!

Дядя Джузеппе вздрогнул и поднял голову от своих переплетов:

— А что вы скажете, синьор, если мы представим ва-

ши «Три апельсина» в кукольном театре? Я вырезал бы новых кукол...

Синьор Гоцци нахмурился, и глаза его стали сердитыми.

— Мне всю жизнь хотелось сделать это... — прибавил дядя Джузеппе упавшим голосом.

— Зачем, Джузеппе? Чтобы мои враги, захлебываясь лаем, издевались надо мной? Вместо превосходных живых актеров, жалкие деревяжки на нитках будут разыгрывать мои фиабы?¹

— Не обижайте наших деревянных актеров, синьор, — тихо ответил старик. — Разве слава великих поэтов Тассо и Ариосто померкла оттого, что их поэмы вот уже двести лет не знают иных актеров, кроме маленьких марионеток? Разве ваш прославленный враг мессер Гольдони не развлекался, сам управляя куклами? Он представил тогда глупую комедию «Чиханье Геркулеса», и она все-таки имела успех, хотя куклы у него были грубые и безобразные, сделанные каким-то неучем! А мы представим вашу прекрасную сказку «Любовь к трем апельсинам», и наши актеры будут самые красивые, самые ловкие и забавные, какие только бывали в Венеции! Весь город придет смотреть наше представление!

Синьор Гоцци задумался, опустив голову. Потом он тихо рассмеялся.

— Вы согласны, синьор? — вскричал дядя Джузеппе. — Давайте покажем людям настоящее кукольное представление!

«ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ»

Когда я был совсем маленький, сестра Урсула, укладывающая меня спать, рассказывала мне потешную сказку про три апельсина. Вот она.

Жил-был король, да не простой, а карточный. Тузы были у него министрами, валеты — лакеями, а двойки и тройки служили в судомойках. У короля был сын Тарталья. Он не пил, не ел, только стонал да охал. Ученые доктора сказали, что если принц не рассмеется, он наверняка умрет.

¹ Сказки, басни.

Король созвал всех шутов в свой дворец. Фигляры кувыркались перед принцем день и ночь. Знаменитый шут Труффальдин лез из кожи, чтобы рассмешить принца. Но принц хныкал, уткнувшись носом в подушку. Его ничем нельзя было рассмешить.

Но вот однажды на двор к королю забрела старушонка, похожая на крысу. Она поскользнулась и упала так смешно, что дурачок-принц расхохотался.

— Будь ты проклят! — крикнула старуха. — Отныне ты будешь тосковать по трем чудесным апельсинам! — И она пропала, будто провалилась сквозь землю. Это была злая фея Моргана.

Принц выздоровел, но ему во что бы то ни стало понадобилось достать три апельсина. Во сне и наяву он бредил апельсинами. Кузнецы выковали ему железные башмаки, и принц пустился по белу свету вместе с шутком Труффальдином разыскивать три апельсина.

Они нашли три апельсина, украли их из сада великанши Креонты и припевая отправились домой. По дороге Тарталья уснул, а Труффальдину захотелось пить. Он разрезал один апельсин — и обомлел от страха. Из апельсина вышла красавица, жалобно сказала: «Дай мне пить!» — и тут же умерла.

Труффальдин разрезал второй апельсин. Из него тоже вышла красавица, попросила пить и умерла.

— Ты олух! — крикнул проснувшийся Тарталья. Он сбегал к ручью, зачерпнул воды своим железным башмаком и разрезал третий апельсин. Когда из апельсина вышла красавица, он дал ей напиться. Красавица не умерла, а сказала, что ее зовут Нинетта.

Тут Тарталья вздумал на ней жениться. Он отправился в город за каретой, чтобы отвезти невесту домой. Нинетта осталась в лесу.

Вдруг к ней подошла черномазая Смеральдина, сказала: «Дай я причешу тебя, голубка!» и воткнула в голову Нинетты волшебную булавку.

Нинетта превратилась в голубку и улетела. Когда Тарталья вернулся, Смеральдина сказала ему:

— Я — твоя невеста!

Пришлось Тарталье отвезти ее во дворец и отпраздновать свадьбу.

А Труффальдин сидел в королевской кухне и жарил курицу для короля. Вдруг влетела голубка и запела так

сладко, что шут заслушался и спалил жаркое. Дым и чад пошли по всему дворцу. Труффальдин стал жарить вторую курицу, но опять заслушался пения голубки и уронил курицу в огонь.

Король гневался, почему ему не дают курицу, и сам пошел на кухню. Куриц больше не было. Труффальдин схватил голубку и собирался ее зажарить. Вдруг он увидел, что в головке голубки торчит булава. Он вытащил эту булаву.

Голубка превратилась в Нинетту, а Смеральдина стала крысой и убежала в подполье. На радостях все пустились плясать, а король от удивленья уселся прямо в очаг. На этом сказка кончалась.

Я никогда не засыпал, пока не дослушаю ее до конца. Джузеппе сказал нам, что Гоцци переложил эту сказку в стихи и сделал из нее пьесу. Когда-то превосходные живые актеры представляли эту сказку. Народ валом валил в ярко освещенные двери великолепного театра Сан-Самуэле. В Венеции только и разговору было, что про веселую комедию «Любовь к трем апельсинам» и про ее автора-поэта Карло Гоцци. С тех пор прошло двадцать лет. Об этом уже многие забыли.

Теперь людям больше полюбились французские комедии, где нет чудес и волшебных превращений. Но они опять вспомнят поэта Карло Гоцци, когда посмотрят наше кукольное представление!

Тридцать новых кукол делали мы для «Трех апельсинов». Дядя Джузеппе вырезал крючконосую головку феи Морганы, нежное личико Нинетты, толстошекую и толстогубую головку Смеральдины. Я резал кукольные ручки и ножки, прикреплял их к туловищам, выпиливал коромыслица и подвязывал кукол на нитки. Паскуале шил, клеил и раскрашивал платья, мастерил апельсины, бутылки, креслица и еще множество мелких предметов, нужных для представления.

Белая голубка, обклеенная настоящими голубиными перышками, которые мы выбрали на площади Сан-Марко, покачивалась посреди каморки, подвешенная на нитке к потолку.

Однажды, когда дядя Джузеппе вышел из дому, Паскуале, лежа на животе, расписывал голубой краской волшебный замок Креонты, я подогревал на очаге плошку с столярным клеем, к нам заглянул синьор Гоцци — посмо-

треть, как подвигается работа. Он был весел и вспоминал былые времена, когда его имя гремело по всей Венеции. Он сидел на табурете и говорил:

— Когда-то у меня был злой враг. Он глубоко оскорбил меня. Все знали, что он негодяй и трус, но сенат все же выбрал его в секретари, потому что он был богат. Да, чорт возьми, он был богат. Тогда я написал пьесу, в которой изобразил этого пошлого франта в самом смешном виде. Актер, игравший эту роль, загримировался так похоже, что весь зал ахнул, едва актер вышел на сцену. Все узнали моего врага и потешались над ним от души. На другой вечер чуть не вся Венеция собралась в театр похотать над блестящим секретарем сената. Дуралей подал на меня в суд, но сенат посоветовал ему убраться подальше, пока цел. Кому нужны осмеянные секретари?

И Гоцци заливался хрипловатым, добродушным смехом, вспоминая былые проказы. А у меня в голове гвоздем задела одна мысль, от которой мне даже стало жарко. Я задумался. Дым и чад от сгоревшего клея, который я забыл на огне в плошке, заставили меня очнуться.

— Ты, Пеппо, совсем как Труффальдин: заслушался пения голубки и спалил жаркое, — засмеялся Паскуале.

— Хорошо сказано, мальчик! — воскликнул синьор Гоцци.

А я думал: значит, и кукол можно делать похожими на живых людей.

Я вырезал Тарталью похожим на Паскуале. У него был такой же остренький нос, маленький рот и белокурые волосы.

И, кроме того, я начал вырезать еще двух кукол, о которых не должен был знать никто, кроме нас с Паскуале.

НА ТРОПЕ

Дюжий Мариано сидел на табурете, положив на стол тяжелые красные руки с обкусанными ногтями, и, поглядывая исподлобья то на синьора Гоцци, то на дядю Джузеппе, быстро отводил глаза.

— Уж не знаю, что вам сказать, синьоры... Я, конечно, готов представить «Три апельсина» в моем бадага-

не... Да вот беда: у меня нет денег, чтобы заказать столько новых кукол... Да и кто будет ими управлять? Ведь я один. Пьетро с грехом пополам дергает нитки, а Лиза и вовсе ничего не умеет...

— Слушайте, Мариано, — нетерпеливо перебил его дядя Джузеппе: — я дам вам тридцать новых кукол и сделаю все декорации. Управлять куклами будут мальчики — Паскуале и Джузеппе. Вы их научите этому. Вся выручка с представления будет ваша.

Мариано радостно сверкнул глазами, но тотчас же опять стал смотреть в землю.

— А когда это будет, дядюшка Джузеппе? Ведь скоро начнется пост, театры закроются. Если до поста я успею только раз или два представить вашу сказку, — мне нет расчета с этим возиться...

— Вы успеете представить эту сказку десять, нет — пятнадцать раз, и каждый раз вся выручка будет ваша, — сказал Джузеппе.

— Коли так, будь по-вашему!

Они хлопнули рука об руку. Синьор Гоцци молчал, перелистывая какую-то книгу. Он не любил Мариано. Мариано встал, взял шапку и кивнул нам с Паскуале.

— Идемте со мной, молодцы!

Мы взяли Труффальдина и Тарталью и пошли за ним.

При дневном свете балаганчик Мариано казался грязным и убогим. Старый скрипач подметал земляной пол, поднимая облака пыли. Долговязый парнишка, проходя мимо, больно задел меня ящиком с куклами и буркнул: «Чего стал, ротозей?» А кудрявая девушка надулась, узнав, что Паскуале будет петь песенку голубки. Она совсем разозлилась, когда старый Якопо, оставив метлу, взялся за скрипку и, попробовав голос Паскуале, воскликнул:

— Ого, Лиза, тебе никогда не взять такого фа! — и хлопнул Паскуале по плечу.

Мариано подвел нас к сцене. Без декораций она показалась нам пустой и скучной. Это была небольшая площадка из гладких досок, положенных на широкие козлы. Позади площадки стояли другие козлы, повыше. На них лежала широкая доска. Эта доска позади кукольной сцены зовется тропой. Кукольник стоит на ней, держит вагу куклы в одной руке, а другой дергает нужные нитки. Кукла шагает вниз по дощатому полу сцены.

Во время представления козлы, на которых лежит сцена,

закрыты разрисованным полотном. Занавески по бокам и верхняя занавеска над отверстием сцены не позволяют зрителю видеть кукольника за работой. Задняя декорация загораживает тропу и ноги кукольника.

Зритель видит только освещенное отверстие сцены, обрамленное занавесками, в котором бегают, танцуют и дерутся куклы.

Мариано приказал мне влезть на тропу и взять вагу Труффальдина. Я попробовал провести Труффальдина по сцене, но Труффальдин не пожелал итти. Он завертелся, как веретено, закручивая свои нитки тутим жгутом.

— Держи вагу ниже! — крикнул Мариано.

Я опустил вагу. Ножки Труффальдина стукнули о пол. Он перестал вертеться, но мне пришлось завертеть его в обратную сторону, чтобы раскрутить нитки.

Расправив нитки, я опять повел Труффальдина. Не тут-то было. Труффальдин шагал одной левой ногой и волочил правую, скривившись на правый бок. Я никак не мог заставить его итти по-человечески.

Мариано крепко выругался, вскочил на тропу и вырвал у меня вагу из рук.

— Вот как надо водить!

Мариано двигал пальцами, равномерно поднимая и опуская рога полумесяца, и в то же время плавно вел вагу над сценой, держа руку на одной и той же высоте. Труффальдин четко топал ножками и бежал по сцене, как живой.

Но едва вага очутилась в моей руке, Труффальдин принялся за прежнее. Он шагал левой ногой и волочил правую.

Я начал из всех сил раскачивать пальцами полумесяц, равномерно поднимая и опуская его рога. Труффальдин зашагал правой и левой, но как зашагал! При каждом шаге его деревянное тельце круто поворачивалось то направо, то налево, голова подпрыгивала, руки болтались врозь, словно он не шел, а плясал какой-то дурацкий танец.

Паскуале, чуть не плача, возился с Тартальей. Тарталья упрямился не меньше, чем Труффальдин. Его тонкие голубые ножки то заплетались, то разъезжались врозь. Он то качался, как маятник, то волочился по сцене.

Управлять куклами, стоя на тропе, оказалось труднее, чем на полу каморки дяди Джузеппе.

Мариано стоял перед сценой и покрикивал на нас:

— Пеппо, не вертись! Пеппо, не подгибай колени! Куда ты ползешь, дуралей! Паскуале, не ходи по воздуху! Я тебе полетаю!

Нужно ли говорить, что я вовсе не подгибал колени, а Паскуале не собирался ходить по воздуху? Все это проделывали куклы в наших неумелых руках.

Опустишь вагу чуть-чуть ниже, чем следует, — кукла подгибает колени. Приподнимешь вагу — ножки куклы отделяются от пола, и она висит в воздухе! Забудешь на миг про то, что надо равномерно раскачивать полумесяц, — ноги у куклы заплелись, и она не идет, а тащится по сцене.

А когда дело дошло до того, чтобы заставить куклу поклониться на ходу или поднять ручки, или опуститься на одно колено, — я чуть не взвыл. У меня нехватало пальцев, чтобы дергать все нужные нитки, да и не знал я, которую нитку надо потянуть. Хочешь, чтобы кукла подняла руку, дернешь нитку, а у куклы поднимается нога. Хочешь, чтобы кукла стала на колени, а она ложится животом на сцену и на животе сползает вбок.

Немало тумачков получили мы от Мариано, немало насмешек слышали от долговязого Пьетро. У меня до боли устала рука, державшая вагу над сценой. Спину ломило. В глазах рябило от ниток, которые приходилось дергать. Мне казалось — я никогда не научусь водить кукол.

Усталые ушли мы из балаганчика поздно вечером. Бедняга Паскуале еле ковылял. Но все же он счастливо улыбался и говорил:

— Как будет хорошо, когда мы научимся водить кукол!

Мы приходили в балаганчик рано утром, а уходили домой поздно вечером, иногда вовсе не уходили, а укладывались спать на крашенных полотнах в углу. Мы боялись встретить на улице тетку Теренцию или аббата Моли-нари.

И вот однажды, когда мы шли в балаган, Паскуале, побледнев, зашептал мне:

— Смотри, смотри, Пеппо!

Навстречу нам выступала Барбара, возвращавшаяся с рынка. Мы остолбенели.

Вдруг на другой стороне улицы раздался крик. Подрались две торговки. Все бросились их разнимать, Барбара — тоже, а мы улепетнули в переулок и, запыхавшись, прибежали в балаган.

Долговязого парнишку звали Пьетро. Он смотрел на нас злыми глазами и всегда старался нам напакостить. То будто нечаянно уронит моего Труффальдина, а ты потом сиди и распутывай нитки под ворчанье Мариано. То вобьет гвозди в тропу, и мы рвем штаны, то подставит ножку Паскуале, и тот упадет на пол под хохот Лизы. Однажды я поймал Пьетро на том, что он ударил молотком по ножке Тартальи.

— Что ты делаешь? — крикнул я.

— У хромого чертенка и куклы должны быть хромые! — злобно ответил Пьетро.

Я кинулся на него. Он кусался, как собака, отбиваясь от меня, но я все-таки сел на него верхом и тузил его изо всех сил. Лиза оттащила меня за шиворот и утерла Пьетро разбитый нос, но Пьетро от меня здорово-таки попало. С тех пор он не смел трогать кукол.

Так я научился защищать нашу работу.

Наконец наступило утро первого представления. Паскуале, нагнувшись с тропы, в сотый раз повторял сцену с апельсинами. Большой картонный апельсин лежал на полу. Паскуале дергал его за ниточку, и он распадался на шесть ломтиков. Из его желтой середины подымалась на нитках маленькая красавица и протягивала ручку. Паскуале говорил за нее жалобно: «О, дай мне пить!» и ронял ее на сцену, будто она упала в обморок.

Я возился с Труффальдином, проверяя его нитки. Пьетро начистил мелом медные бляхи на бубне, приколот на свою шляпчонку какой-то цветок и повязал себе на шею огненную тряпицу.

— Гляди, как расфрантился, настоящий индюк! — крикнул я Паскуале.

— А тебе завидно? — огрызнулся Пьетро, охорашиваясь перед осколком зеркала.

— Пьетро, куда ты запропастился, чертенок? — крикнул с улицы Мариано.

Пьетро, схватив бубен, выбежал на улицу. Я выглянул тоже. Мариано, Лиза и Пьетро пошли по улице. Лиза наигрывала на гитаре, украшенной розовым бантом, Пьетро бил в бубен, а Мариано, сняв шапку, кричал:

— Сегодня неаполитанский театр марионеток дает представление «Любовь к трем апельсинам»! Сегодня Тарталья украдет апельсины у великанши Креонты! Сегодня прекрасная Нинетта превратится в голубку! Спешите все смотреть чудесную фиabu Карло Гоцци!

Мне очень хотелось быть на месте Пьетро и бить в бубен на всех перекрестках. То-то подивились бы соседки, и торговки с рынка, и ребята с нашего переулка! Все узнали бы, что я работаю в кукольном театре, и все, наверное, позавидовали бы. Если б тетка Теренция увидела меня с бубном, она, небось, не посмела бы прогнать меня на рынок и посадить за рыбные корзины!

Но я не подал виду, что завидую Пьетро.

Вскоре пришел старый Анджеоло с двумя носильщиками. Они принесли кресла из дома Гоцци — резные кресла с шелковой, выцветшей от времени бахромой. Синьор Гоцци пригласил много важных господ на представление своей сказки — не сидеть же им на грубых скамейках, как другие зрители!

Мы внесли кресла в балаган и поставили их в ряд перед самой сценой. Старый Анджеоло ворчал и бранил, как обычно, выдумки своего «молодого господина». Однако и он принарядился ради праздника — надел на шею шелковый платок и обулся в новые башмаки с пряжками!

Синьор Гоцци пришел строгий, нахмуренный, без улыбки на чисто выбритом лице. Он заставил нас с Паскуале еще раз повторить ту сцену, в которой Труффальдин гоняется за голубкой по всей кухне.

— Эта сцена всегда нравилась зрителям, — сказал он.

— Только смотрите, чтобы голубка не запуталась в нитках Труффальдина. Иначе все будет испорчено! — крикнул из-под тропы дядя Джузеппе.

Он целый день ползал по тропе и по сцене, проверяя все нитки — хорошо ли распадаются апельсины на части, легко ли растворяются ворота замка Креонты, прямо ли стоят пальмы в пустыне?

Своих кукол мы должны были проверить сами.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В тот вечер толпа зрителей так напирала на нашу дверь, что весь балаганчик дрожал, а дверная занавеска лопнула. Мариано не успевал получать деньги за вход.

Когда я услышал топот и смех толпы и, приложив глаз к дырочке в занавеске, увидел, как зрители рассаживаются на скамьях, у меня душа ушла в пятки. Руки дрожали, во рту пересохло. Ни за что я не смогу вывести Труффальдина на сцену и говорить за него перед таким множеством людей!

Но гости синьора Гоцци не приходили. Он сидел один в пустом ряду кресел перед сценой. Ему это наскучило, и он пришел к нам за занавеску. Он стоял возле тропы, утирая платком пот, струившийся со лба. Позади него на тропе висели куклы: король в золотой короне и в красном плаще, Тарталья на тонких голубых ножках, Панталоне с острой бородкой, и, почти прикасаясь к локтю синьора Гоцци, висели еще две куклы, прикрытые мешком. ...

Вдруг синьор Гоцци раздвинул занавеску и улыбаясь шагнул вперед. И тотчас отступил обратно, досадливо махнув рукой. В креслах появились два гостя — это были два щеголя в кружевах, с завитыми локонами. Они пересмеивались и переглядывались, приложив лорнеты к глазам. Как видно, не этих гостей ждал синьор Гоцци.

Паскуале окликнул меня.

Он сидел на тропе, свесив ноги, и старался не стучать зубами.

— Эх, девчонки, слюни распустили!

Пьетро запустил в меня апельсиновой коркой и удрал. Я бросился за ним, чтобы дать ему взбучку, и... замер на полдороге. Пробегая, Пьетро задел моего Труффальдина, и носатая голова Труффальдина откачнулась в сторону, совсем отдельно от туловища!

Ах, еще утром я видел, что колечко, соединяющее голову с туловищем, разогнулось. Я тогда же взял щипцы, чтобы зажать проволоку покрепче, но в эту минуту Пьетро и Лиза вышли на площадь зазывать народ, и я побежал за ними... Разве я могу вывести Труффальдина на сцену, если его голова качается на нитках, как маятник, ничем не скрепленная с туловищем! Я побежал за щипцами.

— Готово! — крикнул Мариано. — На тропу!

Щипцы куда-то провалились... Меня бросило в жар... Я схватил Труффальдина и зубами изо всех сил стиснул проволочное колечко. Голова стала на место. Труффальдин будто усмехнулся, откачнувшись к стене.

Тут скрипка заиграла знакомый веселый марш. Я влез на тропу. Когда играет музыка, ничего не страшно. Дерга наготове кукол, мы с Паскуале невольно подпевали скрипке. Марш кончился, Пьетро потянул веревку занавеса, — толпа зашумела и засмеялась. Ее дыхание заколебало огни свечей. Я видел перед собой только освещенный пол сцены, маленькое кресло, в котором сидел больной Тарталья, и стоявшего возле него король в бумажной короне.

Молчаливая жена Мариано дергала короля за спинную нитку, заставив его поднять ручки к деревянному лицу. Казалось, король рыдает.

— О сын мой Тарталья! О сын мой! Ты умрешь, и старость моя пройдет безутешная! — басил Мариано.

— Пусти, чорт! — Пьетро толкнул меня локтем и вывел на сцену Панталоне в черном бархатном плаще. Король жаловался, Панталоне его утешал и придумывал, как бы рассмешить Тарталью.

— Созовем народ на празднество! — сказал король, и они оба медленно ушли за кулисы, топая деревянными ножками. А Тарталья остался в кресле, грустно повесив голову.

Я сбросил мешок, покрывавший двух кукол. Тяжело дыша, Паскуале поставил их за кулисы, и мы взяли ваги. Зрители знали, что сейчас выйдут министр Леандр и красавица Клариче и станут сговариваться, как бы им погубить Тарталью.

Но Паскуале, бледный, закусив губу, вывел на сцену толстого, краснорожего аббата в лиловых чулках, а я вытаскивал ему навстречу длинную, худую старуху с черными сережками, как две капли воды похожую на Барбару.

Они стали ссориться. Аббат требовал, чтобы Барбара подала ему на обед вареного осетра, жареную индюшку и сладкий пирог с яблоками. А Барбара уверяла его, что он не дал ей денег на расходы. Без денег она приготовила ему на обед только жареного паука, вареный крысиный хвост и двух мух под блошиным соусом.

Говор пошел по балагану, потом — смех, потом — хохот. Зрители узнали абба-

та Молилари и его сварливую кухарку. Скупость аббата была известна всем в городе.

Паскуале старался говорить тягучим голосом, как аббат, а я говорил глухо, как из бочки, подражая Барбаре. Аббат размахивал ручками.

— Ты меня грабишь, ты меня разоряешь, ты сведешь меня в могилу, проклятая старуха! — кричал он. — Пускай черти в аду припекут тебя за твое мотовство!

— Это вас припекут черти! — голосила Барбара. — Вы людей морите голодом, а сами обжираетесь, как боров!

— Вот, именно, боров! — громко сказал кто-то в балагане, и тотчас же раздались крики: — Ишь, какой жирный! Угости его пауком, Барбара! Это известный скряга! Ай да кукольники!

Аббат и Барбара принялись драться и наскакивать друг на друга. Хохот стал громче.

Вдруг маленький Тарталья, похожий на Паскуале, поднял светлую головку и сказал:

— Вот дураки! Труффальдин, прогони их ко всем чертям!

Тут на сцену выскочил Труффальдин с дубинкой в руках и отщелкал аббата и Барбару по головам. Отмахиваясь от его ударов и громко ревя, они проковыляли за кулисы.

Уже Барбара и аббат висели на гвоздиках за тропой. Уже Труффальдин ходил на руках, чтобы рассмешить Тарталью. Уже Лиза выводила на сцену фею Моргану, — зри-

тели еще шумели и кричали так, что со сцены не было слышно ни слова.

Мариано опустил занавес.

Еле дыша, я слез с тропы. Усталый Паскуале утирал пот с лица. Синьор Гоцци подошел к нам, весело смеясь.

— Молодцы мальчишки! Вот так и нужно развлекать зрителей неожиданными шутками! Что же вы не радуетесь, Мариано? Завтра вся Венеция придет в ваш балаган смотреть на разоблаченного скрягу — аббата Молинари!

— А если меня заберет полиция за насмешки над его преподобием? — Мариано толкнул ногой ящик с куклами, отшвырнул в сторону молоток и, обернувшись к нам, сказал: — Посмейте только, чертенята, вывести этих кукол еще раз — я вам шен сверну!

— Какие глупости! Никто вас не тронет, Мариано! — крикнул ему вслед синьор Гоцци. — Неужели в Венеции даже смеяться нельзя свободно?

— Боюсь, что нельзя, синьор! — ответил дядя Джузеппе и подошел к нам.

— Да как же вы посмели, скверные мальчишки, вывести этих кукол, не сказав мне ни слова?

Я охнул. Никогда еще я не видел дядю Джузеппе таким сердитым. Глаза у него сверкали и седые волосы торчали дыбом на голове.

— Ладно, потом поговорим! — сказал он сквозь зубы и полез на сцену устанавливать замок Креонты.

— Пустяки! — повторил Гоцци. — Никакой беды в этом нет. А шутка была остроумна!

Он отошел к занавеске и выглянул в щель. Мы прижались в углу неподалеку. Он казался мне нашим единственным защитником. Он не сердился на нас.

И вдруг чей-то голос сказал громко и явственно по ту сторону занавески:

— Подумать только, какое падение! Как опустился граф Карло Гоцци!

Синьор Гоцци вздрогнул и раздвинул занавеску. Это сказал один из двух щеголей, сидевших в креслах, а другой ответил ему:

— Да, печальная судьба! После великолепного театра Сан-Самуэле — жалкий балаган бродячего кукольника! После блестящей сатиры на королей сцены — на Гольдони и Кьяри — убогое зубоскальство над скупым аббатом и его

кухаркой! Синьор Гоцци потешает своими сказками гондольеров, торговков, уличных мальчишек! Можно подумать, что старик спятил с ума!

— Так оно и есть! — сказал первый зевая и взглянул на часы. — Однако мы еще успеем в театр посмотреть французскую комедию! Пойдем?

Они встали и ушли из балагана.

Я взглянул на синьора Гоцци. Лицо его посерело. Он сгорбился. Глаза смотрели врозь, и тонкие губы шептали что-то. Он сел в углу на ящик с куклами и закрыл лицо руками.

— На тропу! — крикнул Мариано, ударив в бубен. Мы схватили кукол и полезли на тропу. Занавес раздвинулся. Тарталья и Труффальдин летали по воздуху, за ними гонялся дьявол с кузнечным мехом в руках и дул на них ветром. Дьявола водил Пьетро.

Мы с Паскуале работали усердно, исполняя все, чему нас учил дядя Джузеппе. Зрители опять смеялись, шумели, хлопали. Но на душе у меня было смутно. Поскорей бы кончилось это представление! Сколько горя принесло оно всем! Но, увы, это было еще не все!

Занавес задернулся во второй раз. Дядя Джузеппе стоял на коленях, укладывая на сцене три огромных апельсина. Как вдруг я услышал, что Мариано громко бранится с кем-то у задней двери.

— Ничего я не знаю! — кричал Мариано. — Никакого мальчишки тут нет! А за сцену я тебя не пущу! Пошла прочь, старая карга!

— Да тут же он, знаю, что тут! — кричал хорошо знакомый мне голос. — Говорю тебе, Барбара сама видела, как они оба сюда вошли! Пускай она со своим мальчишкой как хочет расправляется, а уж я-то заберу Джузеппе! Он на меня в приходской книге записан. Давай его сюда, разбойник!

Я обмер и чуть не свалился с тропы. Тетка Теренция проталкивалась мимо Мариано, красная, разъяренная, задыхающаяся от злости. Позади нее толпились любопытные, привлеченные криком. Она меня увидела, и я понял, что пропал...

— Да вон же он стоит, пакостный щенок! — взвизгнула она и кинулась ко мне. Я хотел соскочить с тропы, но было уже поздно. Она стащила меня за шиворот.

— Поди-ка, поди-ка сюда, Джузеппе! Я тебя кормила,

я тебя одевала, а ты как меня отблагодарил? Ах ты подлец, подлец!

Она ударила меня по щеке так, что я еле устоял на ногах. Пьетро захохотал. Тетка Теренция потащила меня к двери. Все завертелось у меня в глазах.

Вдруг дядя Джузеппе преградил нам путь.

— Постой, куда ты его тащишь, женщина? — строго спросил он. — Джузеппе служит у его сиятельства графа Гоцци, — он указал на сгорбленную фигуру в углу, — и он нам нужен сейчас. Приходи завтра в дом графа — он заплатит тебе его жалованье, и ты забереешь мальчишку домой. А теперь — ступай!

Тетка Теренция попятилась и выпустила меня из рук. Синьор Гоцци поднялся с ящика и подошел к нам.

— Что такое? Что еще случилось? — рассеянно спрашивал он, морщась как от боли. — Да, да, тетушка, я завтра заплачу, всем заплачу. Я один виноват во всем!

— Уходи! — сказал дядя Джузеппе, толкая тетку Теренцию к выходу. — Мальчишка нам нужен до конца представления.

Тетка Теренция ушла, бормоча что-то себе под нос. Мариано захлопнул за ней дверь и крикнул:

— На тропу!

И опять мы должны были стоять на тропе, дергать нитки и громко говорить, что полагалось! Я до сих пор удивляюсь, как мы не запутали нитки, когда голубка летала по кухне, а Труффальдин гонялся за ней вприпрыжку. И как мы не забыли, что нужно было петь и говорить! Ведь у нас головы шли кругом!

Я не помню, как кончилось представление и как мы пришли в дом Гоцци. Я очнулся, сидя на полу в большой полутемной комнате. На столе горела свеча, возле нее сидели синьор Гоцци и дядя Джузеппе, но я едва видел их сквозь слезы. На душе у меня было невыносимо тяжело. Я не хотел возвращаться к тетке Теренции. Я хотел вырезать кукол и представлять с ними чудесные сказки в кукольном балагане. Сердце у меня разрывалось, и я громко плакал.

— Не плачь, Пеппо, не плачь! — шептал Паскуале, гладя меня по плечу. — Вот увидишь, все будет хорошо!

— Не реви, мальчик! — сказал синьор Гоцци. — Я выкуплю тебя у твоей хозяйки, и ты будешь попрежнему жить у дядя Джузеппе!

— Нет, синьор, — сказал старик, — я не возьму его больше к себе. Он — обманщик. Почему он не сказал сразу, что он приемыш и записан в приходскую книгу!

— Потому что вы прогнали бы меня на рынок! — хотел крикнуть я, но не смог выговорить ни слова и только заплакал еще громче. Я плакал до тех пор, пока не уснул, положив голову на мешок с куклами аббата и Барбары, которые Мариано не захотел оставить на ночь в своем балагане!

ПРОЩАЯ, ВЕНЕЦИЯ!

Наутро старый Анджело разбудил нас, уронив на пол тяжелый серебряный подсвечник. Он снял его со шкафа и чистил мелом, громко ворча, что из-за выдумок его господина приходится нести в заклад последнее барское добро. Он унес подсвечник, завернув его в тряпицу, и, возвратясь, отдал синьору Гоцци несколько монет.

— Мало! — сказал синьор Гоцци, пересчитав деньги. — Отнеси в заклад вот это! — Он вынул из кармана золотые часы и снял кольцо с пальца.

Анджело замахал руками и сказал, что эти вещи он не отнесет закладчику.

— Молчи, старина! Ты знаешь, я всегда плачу мои долги! — ответил Гоцци и выпроводил старика за дверь.

Ему пришлось много платить в то утро. Сначала пришла тетка Теренция. Я спрятался в чулан старого Анджело и слышал, как дядя Джузеппе бранился с ней. Она опять поминала приходскую книгу и грозилась, что будет жаловаться судье. А судья, наверное, засудит людей, сманивших ребенка у приемной матери! Наконец синьор Гоцци заплатил мое жалованье за то время, что я жил у дяди Джузеппе, и еще за полгода вперед, чтобы она оставила его в покое. Тетка Теренция ушла. Еще полгода я мог не возвращаться домой! Но куда я денусь, если дядя Джузеппе не возьмет меня к себе? Куда денемся мы с Паскуале? Мы были теперь одни на свете.

Потом пришел Мариано, грубый, злой, с красными глазами и опухшим лицом. Он рассказал, что сегодня утром сбирь побывали в балагане. Хорошо, что там был один Якопо. Они спрашивали его, правда ли, что вчера в бала-

гане показывали куклу аббата Молинари и что кукольник Мариано скрывает у себя подкидыша — беглого слугу его преподобия. Якопо сказал, что он ничего не знает, притворился, что он глух и слеп. А со старика что возьмешь? Они ушли, но обещались прийти еще раз, когда сам хозяин будет в балагане!

— Воля ваша, синьоры, я уезжаю из Венеции! Меня ждут в Падуе, чтобы переправить сначала в Тироль, а потом в Баварию. Лиза и Пьетро сейчас разбирают балаган, а ящики с куклами уже погружены в лодку. Если сбиры все-таки поймают меня, я им прямо скажу, синьоры, что этих мальчишек привели ко мне вы, а я их прежде и в глаза не видел! И куклу аббата показывали они, а вовсе не я. Я ничего не знаю! Мне обещали выручку с десяти представлений — вот и все. А где эта выручка? Приходится удирать, спасая шкуру!

Синьор Гоцци откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. А дядя Джузеппе хлопнул ладонью по столу и сказал, пристально глядя на Мариано:

— Вы получите деньги за пятнадцать представлений, Мариано, но вы постараетесь не попасться сбирам. А если попадетесь, вы не скажете им ни слова ни про меня, ни про синьора Гоцци. Кроме того, вы увезете с собой обоих мальчишек.

Мариано дернул головой.

— Да на что мне ваши мальчишки? Пропади они совсем — я не пожалею!

— Джузеппе будет вырезать вам кукол, а Паскуале управлять нитками. Стоит вам уехать отсюда — никто уж не спросит вас о них. Решайтесь. Иначе вы не получите деньги.

Глаза Мариано забегали, он мял в руках шапку. Наконец решил.

— Ладно. Будь по-вашему. Возьму с собой мальчишек! — Он мрачно посмотрел на нас и зажал в руке кошелек, который ему протянул синьор Гоцци.

Синьор Гоцци не взглянул на нас, когда мы уходили. Он опять откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. А ведь мы с Паскуале так любили его! Джузеппе кивнул нам головой на прощанье.

Старый Анджеоло остановил Мариано на пороге:

— Ты откуда отчалишь? От Рыбачьей пристани? Ага! — сказал он тихонько и запер за нами дверь.

Мы пошли по улице, еле поспевая за быстрым шагом Мариано. Он долго водил нас глухими переулками, где было мало народа, и подозрительно выглядывал из-за каждого угла, прежде чем перейти улицу. Наконец он привел нас на какой-то двор, где лежали корабельные доски, и, оставив там, ушел. Мы ждали долго, но вот он вернулся и вывел нас на берег, заваленный бочками, ящиками и тюками пеньки. У берега стояла рыбацья барка. Загорелый мужчина в рваной рубашке крепил парус. Мариано свистнул. Мужчина махнул ему рукой.

— Идите! — Кукольник боязливо оглянулся на берег, прежде чем шагнуть в воду. Оглянулись и мы. И тут мы увидели, что по берегу между ящиков и бочек к нам пробирается старый Анджело.

— Подождите! — крикнул он дребезжащим голосом. Старик совсем запыхался. В руке у него был узелок.

— Я принес им лепешек на дорогу! — громко сказал он Мариано. — И письмо от синьора Гоцци к синьору Рандольфо в Баварию. Если будете там, Мариано, отведите мальчишек к нему! Чего только не выдумает наш молодой господин!

Он сунул мне в руки узелок и шепнул: «Там в тряпочке — два червонца!» — а потом повернулся и заковылял прочь.

Мариано уже нетерпеливо звал нас на барку.

Мы вошли по колено в воду и, ухватившись за веревку, влезли на пахнувший смолой борт.

Мариано приказал нам усесться на дно барки так, чтобы наши головы не были видны над бортом, и не откликаться, если нас позовут с берега. Тито, хозяин судна, прикрыл старым парусом ящики с куклами и ушел с Мариано. Мы остались одни.

Был полдень. Все спало на берегу и на соседних судах. Солнце нещадно припекало нам головы. Мы раздвинули два ящика, натянули между ними парусину как крышку и забрались в тень. Узелок, принесенный Анджело, привлекал наше любопытство, и мы развязали его.

Тут был довольно большой кусок хлеба, три сухие лепешки и маленький зеленый кошелек, в котором блестящие две золотые монеты. Хлеб был от Анджело, червонцы — от синьора Гоцци. Они показались нам огромным богатством!

— Он добрый, — сказал Паскуале, — он все-таки вспом-

нил о нас, и мы теперь настоящие богачи! Я знал, что все будет хорошо!

Письмо синьора Гоцци, завернутое в серую бумагу, лежало между хлебом и лепешками. На одной стороне его было мелко написано: «Господину Рандольфо Манцони, капельмейстеру придворного театра в Регенсбурге, в Баварии», а с другой — стояла большая сургучная печать. Нам очень захотелось узнать, что написал синьор Гоцци синьору Манцони. Я осторожно просунул лезвие ножа под печать, отлепил ее от бумаги и развернул пакет. Мы прочли по складам мелкие строки письма. Вот что там было написано:

*Высокородный господин,
мой дорогой друг!*

Прошло уже много лет с тех пор, как мы с вами расстались, но сердце мое всегда радовалось, когда до меня доходили слухи о вашей славе и почестях, которыми вас удостоили в Баварии. Я недаром ношу парик, какой носили в Венеции двадцать лет назад, — мои дружба и уважение так же постоянны. Надеюсь, что и вы также не забыли наших бесед и моих дружеских советов, которым вы так охотно следовали в начале вашего жизненного пути. Я всегда считал своим долгом помогать, чем мог, молодым людям, чьи способности обещали, что в будущем они славно послужат итальянскому театру. Случалось, что мои заботы не пропадали даром. Но ныне времена изменились, удача, как видно, покинула меня. Мое вмешательство в судьбу двух мальчиков, которые передадут вам это письмо, не принесло им счастья. Им приходится покинуть Венецию и скитаться на чужбине, присоединившись к балагану грубого и невежественного кукольника. Между тем один из них — Джузеппе — проявляет незаурядные способности резчика, а другой — Паскуале — несомненно музыкален. Оба они одарены выдумкой, остроумием и природным чутьем театрального действия.

Извлеките их из жадного состояния площадных гаеров и помогите им усовершенствоваться в искусствах. Я уверен, что ваше благородное сердце обрадуется случаю совершить это доброе и полезное дело.

*Ваш преданный друг и почитатель
граф Карло Гоцци.*

Не могу описать, что мы почувствовали, прочитав это письмо! Если бы оно обещало нам королевскую корону и все сокровища Индии, мы, наверное, и на половину так не обрадовались бы! Подумать только — еще утром мы были самыми жалкими, самыми ничтожными существами на свете, бездомными щенками, о которых не пожалела бы ни одна душа, если бы они подошли! И вдруг оказалось, что синьор Гоцци считает нас «способными молодыми людьми», посылает нас к знаменитому синьору Рандольфо для «усовершенствования в искусствах»! Мы просто боялись поверить своему счастью и все-таки верили ему. Это было чудесно!

По правде сказать, мы поняли очень мало из того, что было написано в письме. Через много лет я узнал, что Рандольфо Манцони был всем обязан синьору Гоцци, который подобрал бедного юношу на набережной и помог ему стать музыкантом. Через много лет я понял, сколько неприятностей принесла старому поэту несчастная сценка между аббатом и его кухаркой, вставленная нами в «Три апельсина». Только тогда я оценил великодушие и скромность нашего удивительного друга!

Но в тот день, на барке, мы осознали только одно: мы богаты, синьор Рандольфо ждет нас, добраться бы нам до Регенсбурга, а там наступит для нас золотое времячко!

А вдруг сбиры схватили Мариано? Почему он так долго не возвращается? Вдруг они придут за нами на барку и отведут меня к тетке Теренции, а Паскуале на кухню к аббату Молинари? Нет, не может быть. Мы отплывем сегодня из Венеции, и все будет хорошо!

Наконец Мариано и Тито вернулись, нагруженные имуществом балагана. За ними явились Лиза, Пьетро и жена Мариано с узлами на плечах. Потом пришел Тони, подручный Тито. На барке началась суета. Мариано рассовывал тюки и ящики по местам и торопил Тито и Тони с отплытием. Наконец мы поставили парус, подняли якорь и тронулись в путь.

Солнце сверкало на голубой глади лагуны. Вдали белели убегавшие паруса. Они, казалось, указывали нам путь. Днище барки крепко пахло смолой, а старая парусина — солью. До сих пор меня каждый раз охватывает чувство радости и свободы, когда я слышу этот морской запах!

Грубые окрики Мариано, злые насмешки Пьетро, толчки,

которыми нас иной раз награждал Тито, если мы попадались ему под руку, — нам все было нипочем. Ведь у нас в мешке с куклами, между аббатом, Барбарой и Пульчинеллой, было спрятано бережно завернутое в тряпку письмо к синьору Рандольфо Манцони! Оно сулило нам горы счастья.

Наступали сумерки. Ветер свежел. Наша барка плыла все быстрее, оставляя за собой пенистую, бурливую борозду.

— Вот и мы с тобой пустились в путь, как Тарталья с Труффальдином! — весело шепнул Паскуале.

— И мы добудем волшебные апельсины, вот посмотришь! — подхватил я.

В голубом тумане за кормой исчезали огоньки Венеции.

ХАРЧЕВНЯ «БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ»

Когда на следующее утро Паскуале разбудил меня, наша барка уже медленно плыла против течения Brentы. На берегах по обе стороны реки зеленели виноградники, кое-где белели небольшие сельские домики. Кругом было тихо. Стрекоза с голубым тельцем присела на борт барки, трепеща золотистыми крылышками.

Жена Мариано дала нам по луковице и по куску хлеба. Мы запили еду, черпая воду ладонями прямо из реки. Мариано спал на корме, положив потную курчавую голову на свои узлы, и громко храпел. Я вспомнил, что у меня в мешке есть небольшой кусок дерева, вынул его и стал вырезать головку. Мне хотелось сделать Нинетту, такую же красивую и большеглазую, с ротиком сердечком, какую сделал дядя Джузеппе для «Трех апельсинов». Паскуале сидел рядом и тихонько напевал песенку голубки.

Нас никто не трогал и даже не заговаривал с нами.

Мы не заметили, как прошел день.

Вечером мы пристали к берегу близ какой-то деревушки. Тито не хотел вести барку дальше: ему было пора возвращаться назад в Венецию. В этой деревушке жила его сестра с мужем. Он сказал, что можно у них переночевать, и мы перетащили все имущество Мариано в их домик.

Хозяйка накрыла для ужина шершавый, колченогий стол под деревом во дворе. Принесла сушеную рыбу и большие

глиняные кувшины с вином. К ужину собрались соседи, знакомцы Тито, и у них началось веселье.

От дневной усталости у нас слипались глаза. Мариано отправил меня и Паскуале спать на сеновал. Мы с наслаждением улеглись в сухое, душистое сено. Снизу еще долго доносились хохот, песни и перебранка веселых собутыльников.

Под утро я услышал сквозь сон стук копыт, понуканье возницы и скрип колес — услышал, повернулся на другой бок и заснул еще крепче. Солнце уже стояло высоко в небе, когда мы, наконец, проснулись и, ощутив голод, слезли с сеновала.

В доме было тихо. «Верно, Мариано еще спит», подумал я. На дворе никого не было, кроме хозяйки, сестры Тито; она кормила козу травой из своего передника. Увидев нас, она крикнула, что под деревом на столе поставлено для нас молоко и хлеб. Мы подошли к столу.

— Поешьте и отправляйтесь в дорогу! А то до ночи не поспеете в Падую! — сказала она. — Мариано вас ждать не будет.

Я чуть не поперхнулся молоком — где же Мариано? Хозяйка сказала, что Мариано неожиданно подвернулись попутчики с ослом и с тележкой — он и поехал со всеми своими в Падую.

— А для вас все равно в тележке места не было, — прибавила она. — Вот он и оставил вас спать. Сказал, чтобы вы потом шли в Падую и спросили бы его в трактирии «Белый Олень».

Мы не больно грустили, что для нас не нашлось места в тележке Мариано. Путешествовать пешком нам казалось куда веселее. Мы поблагодарили хозяйку и бодро зашагали по дороге, мимо виноградников, оливковых рощ и заросших плющом каменных изгородей.

— Смотри, Пеппо, какой домик! И тыквы лежат на крыше. А вон идут вола. Какие у них большие рога! А вон какая речонка! — Паскуале вертел своей птичьей головой на тонкой шейке и не уставал удивляться всему, что видел. Я тоже тарашил глаза.

Куда ни взглянешь — кругом поля и виноградники широко раскинулись по холмам, а воды почти не видать. Только разве речонка какая-нибудь встретится или ручеек, а каналов и лагун, как у нас в Венеции, нет и в помине. Всюду — земля.

Нас обгоняли почтовые кареты, вздымая дорожную пыль. Молодцеватые почтальоны трубили в почтовый рожок. Из белых домиков, заросших диким виноградом, выглядывали смуглые хозяйки. Медленные волю везли на телегах большие чаны для выжимания винограда. Крестьянки несли на головах плоские корзины, полные головок чеснока и лука.

Но вот вдалеке показались круглые башни Падуи. За ними синели горы. Мы шли теперь мимо пышных садов, окружавших мраморные виллы. Сады кончились, и мы вступили в кривые переулки городского предместья.

Парень, ехавший на осле с большой корзиной овощей, указал нам дорогу к «Белому Оленю». Мы пошли узким переулком мимо подслеповатых, кривых домов. На веревках, протянутых от стены к стене, сушилось пестрое тряпье. В конце переулка над ветхим крыльцом покачивалась деревянная голова оленя с облупленными рогами.

— Это trattoria «Белый Олень»? — спросил я старуху, торговавшую лепешками у крыльца.

Она закивала головой и улыбнулась, показав единственный зуб. Я смело взялся за щеколду. Дверь распахнулась так стремительно, что чуть не разбила мне лоб. На пороге стоял краснолицый мужчина в засаленной рубашке с засученными рукавами.

— Кто вы такие? Что вам тут нужно? — грубо спросил он и, подбоченившись, загородил вход.

— Мы пришли... Не здесь ли кукольник Мариано?.. неаполитанский кукольник со своим театром? — оробев, пробормотал я.

— Нет, — ответил хозяин «Белого Оленя», — никаких кукольников здесь нет, да и театров — тоже. Нечего вам здесь шлаться!

— Значит, Мариано еще не пришел? Он, верно, скоро придет сюда, мы подождем его, Паскуале... — сказал я и сунулся к двери.

— Куда? — гаркнул хозяин. — Мариано сюда не приходил и не придет. Ступайте прочь!

— Ах, святые угодники! — всплеснула руками старуха. — Ты что же это врешь, Рафаэле?

— Не твое дело, старая ведьма. Пусть эти молодчики убираются отсюда, а то они получают от меня по затылку! — крикнул Рафаэле и захлопнул за собою дверь.

— Ах ты плут! — завизжала старуха. — Меня старой

ведьмой обозвал, а сам врет и не поперхнется! Пьяница! Ты с кем вчера пьянствовал, не с кукольным ли Мариано, не на его ли деньги? Ты кого сегодня в тележке привез, не кукольника Мариано? Уж я выведу твои проделки на чистую воду!

Старуха грозила костлявыми кулаками, обернув лицо к окнам «Белого Оленя».

— Матушка, — взмолился я, — куда пошел Мариано? Мы его ищем.

— Не пошел, а поехал, — ответила старуха. — Ввалили его на тележку поверх сундуков, как бурдюк с вином, и повезли. Он был так пьян, что идти не мог. А за тележкой пошли его жена и девушка в платке и долговязый парнишка!

— Куда же они пошли?

— А уж этого я не знаю, — сказала старуха, — это вон тот краснорожий чорт знает! — кивнула она на дверь.

Над нами распахнулось окно.

— Эй, старая ведьма, не мели языком! Вот я спущусь и отколочу тебя палкой! — зычно крикнул Рафаэле.

Старуха схватила свою корзинку и заковыляла по переулку. Мы с Паскуале поправили наши мешки на плечах и поплелись прочь от «Белого Оленя».

— Почему Мариано не дождал нас? — недоумевал Паскуале.

— Почему хозяин «Белого Оленя» соврал нам? Почему он прогнал нас, не сказав, куда отправился Мариано? — спрашивал я.

На эти вопросы у нас не было ответа.

— Если Мариано со своим театром поехал в Тироль, мы догоним его, — рассуждал Паскуале. — Он, верно, будет останавливаться по дороге, чтобы давать представления. Мы пойдем из деревни в деревню и будем спрашивать, не проезжал ли здесь кукольный театр.

— А если мы его не догоним? — спросил я.

— Пойдем одни в Баварию к синьору Райдольфо, — бодро ответил Паскуале, хлопнув рукой по мешку, в котором лежало письмо Гоцци.

Мы присели отдохнуть у городского фонтана на площади. Вынули хлеб из мешка и собрались позавтракать, но старый сторож прогнал нас от фонтана, обозвав бродягами. Мы вскинули мешки на плечи и побрели куда глаза глядят.

Я задумался. Городские мальчишки толпились у фонтана, баловались, плескали водой друг на друга. Их никто не прогонял. А мы не смели посидеть у воды. Мы чужие. Мы бродяги. В Венеции нас никто не прогнал бы от фонтана.

ЧУЖАЯ СТОРОНА

На почтовом дворе недоходя до Виченцы мы напали на след Мариано.

— Да, да, — сказала служанка, подметая крыльцо, — они прошли здесь вчера: курчавый мужчина, две женщины и парнишка. Осел вез тележку с узлами и с большим сундуком. Наш хозяин окликнул мужчину из окна и спросил его, не хочет ли он дать представление у нас. «Нет, мы торопимся на ярмарку в Виченцу!» ответил мужчина. А в Виченце вовсе и нет ярмарки. Что ему вздумалось?

Мы простились с ней и поспешили в Виченцу. Но там никто не видел Мариано.

Мариано нас бросил, но мы не унывали. Нам казалось, что с деньгами синьора Гоцци не трудно будет добраться до Регенсбурга. Одна беда — мы не знали туда дороги. Слуги в харчевнях и прохожие, которых мы спрашивали, как пройти в Баварию, недоуменно пожимали плечами или поднимали нас насмех. Наконец один почтальон в красной куртке, пивший вино на крылечке постоялого двора, пока возница перепрягал лошадей, сказал нам, что дорога в Баварию лежит через города Верону и Триент и через горную страну Тироль, но это так далеко, что нам пешком вовек не дойти туда! И чего это мы собрались в такой далекий путь? Уж не собираемся ли мы сбежать от наших родителей? Он подозрительно посмотрел на нас. Мы поспешили уйти.

С тех пор мы стали побаиваться расспрашивать о дороге в Баварию. Но я твердо запомнил, что сначала нужно идти в Верону, потом в Триент, а потом — через горную страну Тироль.

Мы медленно подвигались вперед. Паскуале быстро уставал и начинал хромать. Нам часто приходилось отдыхать. Мы давно разменяли один из червонцев синьора Гоцци и заходили на постоялые дворы поесть и отдохнуть. Случа-

лось, что крестьяне кормили нас даром. Мы ночевали в заброшенных сараях, на сеновалах, а иногда просто под открытым небом в придорожных кустах. Так мы миновали Верону и двинулись к Триенту.

Горы обступили нас со всех сторон. Их вершины были закрыты тяжелыми облаками. Дороги стали круче. Мы уже не видели больше оливковых рощ и кипарисов. Рсе чаще встречались нам сосны и лиственницы на каменистых склонах. В деревнях все чаще слышалась немецкая речь. Мы были в Тироле.

После Триента деревни попадались все реже и реже. Иногда темнота заставляла нас в дороге. Когда наступали сумерки, в горах было жутко. На постоянных дворах нам уже не давали ни макарон, ни томатов, а только бобовую похлебку и кислые лепешки.

Холодный ветер дул с гор. Дорога шла по крутому берегу бурливого Эча. Над нами громоздились огромные снежные горы. Днем, пока светило солнце, мы не вешали носа. Но ночью, когда мы зарывались в теплое сено на постоялом дворе, к сердцу неожиданно подступала тоска.

— Ты спишь, Пеппо?

— Нет.

— Ты плачешь? Я тоже не могу уснуть!

— Паскуале, вернемся домой. Я не могу больше.

— Пеппо, миленький, потерпи. Мы скоро придем в Регенсбург. Мы не будем больше голодать: синьор Рандольфо возьмет нас к себе, он будет нас учить. Увидишь, как мы славно заживем в Регенсбурге.

— Я хочу домой. Я не могу больше. Тут все не как у нас. Все чужое. Противно смотреть! Ни одного деревца, ни камешка на дороге — такого, как у нас... Даже солнце — и то другое... И люди чужие, не пойму я, о чем они лопочут... и никому до нас дела нет... хоть бы мы померли...

Паскуале сначала утешал меня, а потом и сам начинал грустить. Мы были на чужой стороне. Ночью мы решали: будь, что будет, а мы вернемся в Венецию. Утром, когда чужое солнце вставало на чужом небе, мы все-таки брели дальше.

Я не стану рассказывать вам день за днем о всех трудностях нашего пути. До сих пор снятся мне огромные насплеленные горы под шапками снегов. Я вижу бездонные ущелья, над которыми по узкой тропинке бредем мы с Пас-

жуале, пззябшие и полуослепшие от вьюги. Я слышу нарастающий гул лавины, он все ближе и ближе, миг — и мы будем захвачены сплошным потоком льда и снегов и сорвемся в бездну... Я просыпаюсь, и сердце мое колотится.

Ах, эти горы! Я не влюбил их с того дня, когда впервые они встали перед нами, как огромные, притихшие звери, своими крутыми спинами подпирая небо.

Мне вспоминается одна ночь в тирольской деревушке, на постоялом дворе. Два месяца прошло с тех пор, как Тито высадил нас на берег. За окном синеют снега. Измученный Паскуале спит на лавке в углу. При свете лучины я вытряхиваю последний червонец из кошелька Гоцци и думаю, думаю... Думаю о том, что до Баварии ужасно далеко, что каждый день надо есть что-нибудь и кому-то платить за ночлег. Я вываливаю из мешка наше скудное имущество — серый пакет с письмом Гоцци и четыре куклы. Они смотрят на меня своими неподвижными глазами. Я отворачиваюсь от Барбары, бросаю обратно в мешок аббата, у Нинетты еще нет ножек — я их не успел приделать. Пульчинелла! Глядя на уродливое и прекрасное лицо Пульчинеллы, я вспоминаю нагретую солнцем площадь Сан-Марко и запах гниловатой воды от каналов... Но мне некогда вспоминать, надо во что бы то ни стало придумать, как не умереть с голоду в этой суровой стране, где люди носят подбитые гвоздями сапоги и никогда не улыбаются.

Я усаживаю Пульчинеллу к огню. Уж он-то всегда улыбается мне вздернутыми кверху уголками губ. И считаю перед ним по пальцам, сколько останется нам на житье, если мы купим дерево для рамок и кусок полосатой материи, которую здесь ткут крестьянки. Глаза у меня слипаются, и наконец я засыпаю, уронив голову на мешок у деревянных ножек Пульчинеллы.

Хозяйка постоялого двора немного понимала по-итальянски. Она показала нам, где живет резчик. Рано утром мы постучали в его дверь. Сколько чудесных вещей было в его хижине, примостившейся над самым обрывом! Ложки, солонки, тарелки, миски, шкатулки, сундучки — все это было покрыто тонкой, красивой резьбой — работой искусного ножа.

Резчик тупо смотрел на нас своими водянистыми глазами и не выпускал изо рта трубки с вырезанной на ней головкой оленя. Он не понимал, что нам нужно. Тогда я вынул из мешка Пульчинеллу и пустил его ходить, а Паскуале повел

аббата. Деревянное лицо резчика оживилось и просияло улыбкой. Он шлепнул себя по полосатым чулкам и захохотал так громко, что горшки на полках зазвенели. Он приседал на корточки, тыкал пальцами в наших кукол и, хихикая, кивал головой. Его краснощекая жена заливалась смехом, стоя у притолоки, но когда я подвел к ней Пульчинеллу и он протянул ей ручку, она отскочила.

— Дерево, дерево для резьбы! — молил я, показывая резчику кусочек дерева, оставшийся у меня от Нинетты. Он вдруг ударил себя по лбу, выскочил в сени и принес корзину, полную брусков, чурбашек и досок, заготовленных для резьбы. Он позволил нам выбрать все, что нам было нужно, и, когда я положил ему на стол деньги, его широкая ладонь сгребла монету и сунула мне ее обратно в карман. Мы ушли нагруженные добычей, а он, стоя на крыльце, смотрел нам вслед и вдруг принимался хохотать, схватившись за бока.

Аббат и Пульчинелла торчали у меня под мышкой, а в мешке я нес чурбашки и бруски.

Нам было весело. Паскуале затянул песенку, а я подхватил. Высокий человек в долгополом кафтане пристально взглянул на наших кукол, проходя мимо. Не знаю почему, мне стало не по себе. Я замолчал и оглянулся.

Прохожий стоял на пригорке и не мигая смотрел нам вслед. Ветер развеивал полы его черного платья. «Это священник», подумал я.

— Ну же, подтягивай, Пеппо! — сказал Паскуале, и мы снова запели.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

— Пеппо, взгляни, вот он лает, а вот машет хвостом. А вот как он схватит старушку за нос!

Паскуале, надев на руку черного пуделя, которого он сделал из кусочка козьей куртки, заставлял его щелкать пастью и вертеть хвостом, к шумной радости ребятишек, сидевших на полу, усыпанном стружками.

Мы работали в маленьком чулане за кухней. Наша хозяйка, кажется, гордилась нами. Еще бы, вся деревня перебывала на постоялом дворе, чтобы посмотреть, как мы делаем кукол. Рослые мужчины в шапочках с пером хлопали

нас по плечам железными ладонями и одобрительно кивали головой, попыхивая резными трубками. Девушки в пестрых передниках хихикая заглядывали к нам с порога. От ребятишек просто отбою не было. Мы без труда растолковали им, что нам нужно, и они притащили нам кусочки лент, позументов, шерсти и даже полоску грубоватых кружев, утащенную, наверное, из сундука матери. Они встречали радостным воплем каждую новую головку. Я сделал маленького Пульчинеллу, сбира и Арлекина в черной масочке, а Паскуале — пуделя и красноносую старушку.

Через неделю у нас были готовы ширмы — легкие рамки, обтянутые полосатой домотканой материей.

Из-за этих ширм мы будем показывать наших кукол, надев их на руки.

— А знаешь, Пеппо, если в одном полотнище сделать четырехугольный прорез и поставить за ним табуретку, так мы могли бы показать и Нинетту и аббата, выпустив их на табуретку, как на сцену, — сказал Паскуале.

Так мы и сделали.

В воскресенье после обедни большая кухня постоянного двора была набита народом. Мужчины, громяхая сапогами, толпились у порога.

Тетушки, шурша крахмальными косынками, чинно рассаживались вдоль стен и расправляли свои пестрые передники. Ребята уселись на полу, впереди всех.

Мы поставили наши ширмы в угол и спрятались за ними. Добродушный парень, деревенский скрипач, запиликал на скрипке. Я выставил маленького Пульчинеллу над ширмой и заверещал. Мне ответили радостные крики ребят. Паскуале поднял руку с красноносой старушкой — и представление началось.

Никто, кроме хозяйки, не понимал по-итальянски, но разве трудно понять без слов нехитрые приключения Пульчинеллы? Кто не знает, как Пульчинелла ссорится со своей женошкой, дерется на дубинках с Арлекином, потом черный пудель хватает Пульчинеллу за нос и рычит и треплет его над ширмами; наконец, приходит сбир и ведет Пульчинеллу к маленькой виселице, но плут ловко накидывает петлю на шею сбира, опять хохочет, визжит и раскланивается так, что его белый колпачок мотается во все стороны над горбатым носом.

Ребята смеялись и вопили от восторга. Взрослые молчали. «А вдруг им не понравились наши марионетки?» подумал

я и выглянул в щелку. Лица у взрослых были довольные, улыбающиеся.

Мы подняли четырехугольный лоскут, закрывавший вырез в полосатой материи, и Паскуале вывел на табуретку моего большого Пульчинеллу. Накануне я вырезал два деревянных шарика, пропустил сквозь них по нитке и привязал каждую нитку одним концом к руке куклы, а другим — к маленькой палочке. Паскуале вел Пульчинеллу левой рукой, а правой двигал этой палочкой. Шарик взлетал вверх, и казалось, что Пульчинелла перебрасывает их с руки на руку. «Гоп!» кричали ребята хором, когда шарик взлетал вверх. «Гоп-гоп-гоп!» — когда они быстро мелькали над головой куклы.

Потом я вывел нашего пузатого аббата. Он прикладывал ко рту бутылочку, приплясывал и припрыгивал то на одной ноге, то на другой, наконец споткнулся и упал, тяжело дыша (я дергал его за грудную нитку). Все засмеялись, заговорили, задорный голос выкрикнул что-то веселое, и ему ответил громкий смех. Тогда аббат вскочил, повертел своей круглой головой во все стороны, будто озираясь, и вдруг, топоча ножками, бросился наутек. Опять грянул хохот.

Потом Паскуале вывел Нинетту. Она была теперь хорошенькая в черном корсаже с белыми рукавами, в пестрой юбочке с розовым передником и в крошечной шляпе с пером, какие носят тирольки. Она вышла и поклонилась. Зрители зашумели и стали проталкиваться поближе, вытягивая шеи: Нинетта всем понравилась. Скрипач ударил смычком и заиграл бойкий тирольский танец. Проходя по деревьям, мы видели однажды, как танцуют тирольские девушки. Паскуале заприметил все: и как они топчутся на месте, и как кружатся, подобрав юбочку, и как машут рукой. Теперь маленькая Нинетта исполняла все это так ловко, что зрители радостно вскрикивали при каждом бойком коленце. Ребята хлопали в ладошки, отбивая такт. Танец кончился, — все закричали, и скрипач снова заиграл, и снова заплясала Нинетта. Ее танец решил нашу судьбу, она завоевала нам друзей. Я опустил лоскут над вырезом в знак того, что представление окончено, и вышел из-за ширмы, ведя с собой моего большого Пульчинеллу. Он нес в руках деревянную коробочку и протягивал ее зрителям. Монеты так и посыпались в нее.

Мужчины вынимали длинные вязанные кошельки и ры-

лись в них закорюзлыми пальцами. Не одна тетушка подняла свою пеструю верхнюю юбку, чтобы вытащить из кармана нижней запрятанную там монетку. Ребята просто бесновались, они цеплялись за передники матерей, вопили и требовали, чтобы им дали монетку. Они бросали свои монетки в коробочку Пульчинеллы, и Пульчинелла в благодарность кивал им головой.

Поверите ли вы, что коробочка сразу наполнилась, и в ней оказалось больше серебра, чем меди? Я выгреб монеты в карман, а Паскуале вывел с коробочкой Нинетту. Девушки осторожно сажали ее к себе на колени и поправляли ей козыночку, но испуганно взвизгивали, когда Паскуале, дернув нитку, заставлял Нинетту повернуть головку или брыкнуть ножкой.

Хозяйка готовила угощение — пироги и пиво в глиняных кружках.

— Поешь пирога, Пеппо! — крикнула она мне и вдруг поперхнулась, нечаянно взглянув на дверь.

Там, на пороге, скрестив руки, стоял кто-то высокий и черный. Я узнал незнакомца, встреченного на дороге. Кто его знает, когда он пришел? Никто ведь не оглядывался на дверь.

Все замолчали. Высокий шагнул в комнату, оглядел всех жесткими, недобрыми глазами и вдруг вырвал из рук одной девушки Нинетту и злобно швырнул ее в угол. Потом заговорил быстро-быстро, нагнув голову и выставив подбородок, заговорил противным, деревянным голосом, будто аист затрещал. Он показывал на ширмы и на кукол, зловеще потрясая пальцем. Злая судорога дергала его щеку.

Потом его рука метнулась к окну, где в лучах заката виднелась церковь, потом он вскинул обе руки кверху, будто кто-то дернул его за нитки, и заголосил, закатив глаза. Казалось, он призывает гром небесный ударить в нас сквозь бревенчатый потолок.

Женщины стали сморкаться в углы передников, одна заплакала. Мужчины хмурились, опустив головы, и я заметил, что они нарочно заслоняют наши ширмы своими широкими спинами. Это не ускользнуло от злых глаз. Высокий раздвинул толпу своими длинными руками и шагнул к ширмам.

Он протянул руку и дернул полотнище. Материя с треском разорвалась. Он бросил ширмы на пол и стал топтать их ногами.

Я встрепенулся от оцепенения и, не помня себя, бросился к негодяю. Моя голова боднула тощий живот, высокий крикнул и, взмахнув руками, сел на пол. Кто-то схватил меня поперек тела и оттащил в угол. Все бросились поднимать высокого. Паскуале бился в руках у скрипача и орал благим матом. Высокий встал, поддерживаемый под бока, и молитвенно сложил руки. Он торжественно сказал что-то, указав на меня костлявым пальцем, — тогда все заревели, опустились на колени и завывли какую-то нудную песню.

Я брыкался, Паскуале кричал. Железные руки толкнули нас в чулан и закрыли дверь на щеколду. Я колотил кулаками в дверь, но в кухне все стихло.

— Смотри, вот они идут! — сказал Паскуале, выглядывая в маленькое окошечко. По дороге шел высокий и говорил, а за ним, сняв шапки, уныло плелись наши зрители. Мне удалось просунуть нож в щель и поднять щеколду. Мы вышли на кухню. Я стал складывать кукол в мешок, а Паскуале, плача от обиды, сидел на полу над обломками наших ширм.

На крыльце послышались поспешные шаги. Прибежала заплаканная хозяйка. Вытирая глаза рукавом, она сказала нам, чтобы мы сейчас же уходили из деревни. Падре очень рассердился, что его прихожане в воскресенье так согрешили — смотрели бесовскую забаву.

Все, кто ходят по дорогам, пляшут или поют, или показывают представления, все эти люди — служители сатаны, — сказал падре. Они отвлекают людей от молитвы. Они издеваются над священниками, а священники ведь божьи слуги. В воскресный день, когда надо думать о спасении души, грешно зубоскалить и смотреть на кривлянья скоморохов.

— Грех, большой грех, — говорила хозяйка, указывая на Нинетту. — Падре простил Пеппо за то, что Пеппо боднул его в живот, но если вы останетесь в доме, падре наложит на нас проклятие и запретит нам ходить в церковь.

Я только свистнул. Хозяйка плакала, не зная, будет ли это грехом, если она даст нам пирог на дорогу. Наконец ее доброе сердце победило, и она дала нам поужинать. Мало того, она вынула из сундука полоску материи, чтобы мы могли починить ширмы.

Я взвалил на плечи обломки ширм, а Паскуале перекинул через плечо мешки с куклами. В деревне мы не встретили ни души, но из всех окошек, из щелей заборов выглядывали

ребята, провожая нас глазами. Им запретили, верно, выходить на улицу, пока мы не уйдем. Мы сразу стали для всех как зачумленные.

— И чего они слушаются своего падре? — злился я. — Ведь всем было весело, все были довольны, а он пришел и все испортил.

— А я лучше хочу быть в аду с тобой, с дядей Джузеппе и с Гоцци, чем в раю с этими... с этими долгополыми обезьянами. Нет, зачем он сломал наши ширмы? — У Паскуале задрожали губы, и он отвернулся.

Я запустил камнем в черную ворону, сидевшую на кусте, и она, глухо каркая, полетела прочь.

Нам надо было пройти семь миль, чтобы к ночи попасть в соседнюю деревушку.

Мы переходили из деревни в деревню, и кое-как починив ширмы, представляли на постоянных дворах. Почти всегда мы получали за это ужин и ночлег. Не раз сердце у меня сжималось, чуть бывало увижу вдалеке черную фигуру священника. Тогда мы поспешно складывали кукол и пускались наутек.

Иногда в дороге заставляла нас вьюга. Прижавшись спиной к нависшей скале или к столетнему стволу пихты, мы дули себе на окоченевшие пальцы. Но вот мы пришли в Иннсбрук, лежавший в котловине среди снежных гор, и обогрелись. Целую неделю мы представляли там на постоялом дворе и даже в зажиточных домах, куда нас звали потешить ребят.

Там мы смастерили себе новые ширмы. Там же Паскуале заговорил по-немецки. Он запоминал незнакомые слова лучше, чем я. Он и меня стал учить. Мы брели по горным дорогам, солнце едва пригревало, когда я стал повторять за Паскуале разные немецкие слова, и первое слово было дас брод — хлеб, а второе — дер поппеншпэлер — кукольник.

Теплело. Внизу под нами маленькие радуги перекидывали свои полосатые мостики над весенними ручьями, радуги горели по утрам на горных склонах. На черных прогалинах пробивалась трава. Птицы попискивали в еще голых кустах. Пристав к партии каких-то людей с тюками на плечах, мы ночью перешли границу по горной тропинке. Перед нами открылись лесистые холмы Баварии. Между ними, извиваясь, как змея, белела дорога.

— Пеппо, у тебя в мешке не осталось сухарика?

— Да ведь ты сам знаешь — вчера мы сгрызли последний.

— А далеко еще до Альтдорфа? Очень хочется есть.

— А вон там, за деревьями, какие-то крыши, видишь? Может быть, это и есть Альтдорф.

Из-за деревьев показалась красная черепичная крыша с петухом на верхушке. Мы прибавили шагу и вышли из леса. Перед нами протянулась пыльная деревенская улица. Направо при въезде в деревню красовался богатый постоялый двор с резным крыльцом. Мы поставили перед ним наши ширмы. Едва я заиграл на губной гармонике, а Паскуале запел, чтобы созвать народ, как из всех окон глянули любопытные лица. Ребята, вздымая пыль, мчались к нам со всех дворов. Конюх, смазывавший телегу, бросил свою смазку. Из кухни выглянула толстая стряпуха. Сам хозяин двора в зеленом переднике, от которого еще краснее казалось его лицо, вышел на крыльцо, покуривая глиняную трубку.

— Гляди... пообедаем нынче... — шепнул я Паскуале.

Толпа вокруг нас прибывала. Толстопузый сельский сторож подошел и, сдвинув на затылок треугольную шляпу, стал прямо против ширм. Улыбка расплзлась по его круглому, блестящему лицу с носом луковицей.

Мы спрятались за ширмы. Голод прибавил нам усердия. Еще никогда Пульчинелла не верещал так пронзительно и черный пудель не таскал его так яростно за нос, как в этот раз.

То-то было смеху и ребячьих вскриков!

Наконец Пульчинелла поддел дубинкой бездыханного сбира, швырнул его за ширмы и в последний раз мотнул своим белым колпачком, прощаясь с публикой.

Я вышел из-за ширм и заиграл тирольский танец. От голода у меня сосало под ложечкой. Сейчас спляшет Нинетта, а потом, может быть, вкусная дымящаяся похлебка и кусок говядины вознаградят нас за труд. Я уже втягивал носом густой запах этой похлебki и косился на кухонное окно.

Вдруг вдоль улицы послышался конский топот. Всадник в красном кафтане скакал к постоялому двору. Гладкий конь резво выбрасывал вперед стройные ноги.

Маленькая Нинетта появилась в отверстии наших запыленных ширм и заплясала. Но никто, кроме малых ребят, на нее не смотрел. Взрослые, повернув головы, глазели на нарядного всадника. Он осадил лошадь перед крыльцом, придерживая рукой шляпу с перьями, и что-то сказал хозяину.

Хозяин всплеснул руками, выронил свою трубку, натянул колпак на нос, потом вовсе сдернул его и опрометью бросился в дом.

Не отрывая губ от гармоники, я видел, как сельский сторож вытянулся в струнку у крыльца. Всадник нахмурился и надменно указал сторожу на наши ширмы, сжимая хлыст желтой перчаткой.

— Разойдитесь! — крикнул сторож. — Сюда едет его святейшество господин епископ и будет здесь закусывать.

— Епископ! — ахнули в толпе.

Мужчины деловито разошлись в стороны. Женщины тащили от нас ревуших ребят. Стряпуха со всех ног бросилась в кухню, где уже орал потерявший голову хозяин. Конюх покатил телегу под навес. Поварята побежали по двору, ловя кур и гусей. Перед нашими ширмами не осталось ни души. Все на постоялом дворе метались, как очумелые. А я все еще играл, и маленькая Нинетта плясала. Сторож выбил у меня гармонику из рук.

— Вон отсюда, оборванцы! Чтобы вашего духа здесь не было, бродяги! — заорал он.

Нинетта замерла с поднятой ручкой. Испуганный Паскуале выглянул из-за ширм. Я кинулся складывать ширмы, оглядываясь на кухонное окно.

— Живее, убирайтесь! — крикнул сторож и дал мне по затылку.

Я чуть не упал.

— Ай! — взвизгнул Паскуале. — За что же вы нас гоните? Мы заработали себе обед!

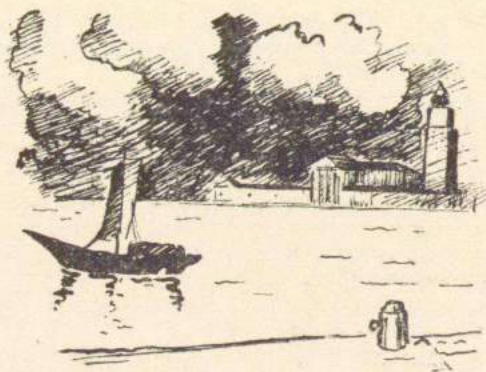
Вместо ответа, сторож схватил нас за шиворот, как щенят, и протащил так шагов тридцать по дороге. Потом, дав каждому пинка, он крикнул:

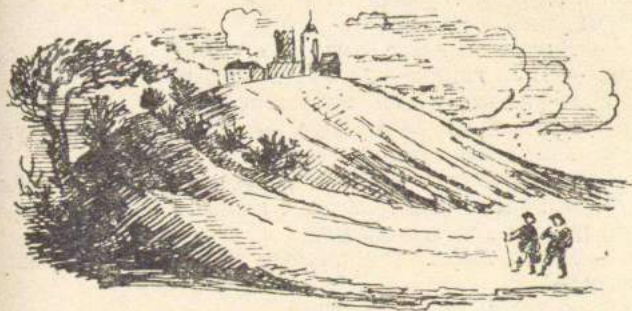
— Ступайте к чортовой бабушке, она вас накормит обедом! Посмейте только шататься здесь, я вам голову сверну! А что это? Господин епископ едет, а они всякую дрянь развесили! — И сторож, яростно ругаясь, сдернул с плетня дырявый горшок.

Мы пошли прочь из деревни. Сторож с развевающими-

ся фалдами сгонял с дороги свинью и поросят. В конце улицы показалась золоченая карета. Ее окружали всадники в красных кафтанах. Хозяин постоялого двора выбежал на середину улицы и стал низко кланяться, хотя карета была еще далеко.

— Они съедят наш обед, — пробормотал Паскуале и погрозил кому-то кулаком.

Часть вторая

КАШПЕРЛЕ

ВСТРЕЧА С МЕЙСТЕРОМ ВАЛЬТЕРОМ

Мы могли вернуться задворками и попросить хлеба у крестьянок. Но Паскуале твердил одно: «Мы не нищие...» — и упрямо шел прочь от деревни. Посреди улицы, выпятив грудь, как индюк, все еще торчал сторож. Скоро мы вошли в лес. Дорога вилась между холмами. К полудню весеннее солнце стало припекать. С голоду меня мутило, а Паскуале еле волочил ноги.

Мы присели отдохнуть на склоне горы, у весеннего ручейка.

Кусты закрывали нас со стороны дороги. Подснежники уже голубели в траве.

Вдруг из-за поворота дороги послышалось хлопанье кнута и крики: «Гей, гей, старый! Прибавь-ка шагу, гей, гей!» Из-под горы показалась голова серой лошади. Желтый бант качался между ее ушей. За ней вынырнула голова мужчины в рыжей шляпе, а потом показалась тележка, нагруженная сундучками и досками. На козлах сидела худощавая женщина в капоре, придерживая рукой большой узел.

Вдруг из узла выпросталась чья-то ручка и раздался

тонкий голосок. Мужчина снял шляпу, вытер лоб и взглянул на ручей.

— Ну что ж, дочка, можно и отдохнуть. Пора обедать. — И он повернул лошадь на лужайку.

Женщина недовольно затараторила.

— Ну, полно ворчать, Эльза, — и лошадка, небось, устала, — добродушно сказал мужчина.

Узел на тонких ножках соскочил на землю. Это была маленькая девочка, закутанная в платки и шали. Она сразу подбежала к подснежникам.

— Марта, Марта, набери сучьев для костра! — крикнула женщина.

Я дернул Паскуале за рукав.

— Пойдем, что ли?

— Постой, — ответил Паскуале, — посмотрим, что они будут делать.

Мужчина отпряг лошадь, снял два сундучка с тележки, потом скрепил три хворостины и зажег под ними костер. Девочка с жестяным котелком пошла к ручью. Она нагнулась над водой совсем против кустов, где мы сидели. Глядя на ее рыжую голову с пробором по середине, я нечаянно прижал локтем сухую ветку. Ветка треснула, как выстрелила. Девочка вздрогнула и, выронив котелок, испуганно уставилась на нас.

— Марта! — крикнула женщина.

Девочка нагнулась за котелком, но быстрые струйки уже тащили его по камешкам все дальше и дальше, туда, где у края дороги был маленький водопад. Там котелок застрял на сучке. Девочка всплеснула руками. Ругая себя за то, что не вовремя сломал ветку, я вылез из-за кустов и достал котелок. Девочка сделала книксен, взяла котелок и пошла к своим.

— Ну, пойдем, Паскуале! — сказал я, взваливая ширмы на плечо. Паскуале, прихрамывая, слез на дорогу.

— Гей, гей! — крикнул мужчина. — Вы что за птицы? Воробьи или синицы, а может — курицы? — Он шагал к нам, прикрывая глаза от солнца.

— Да уж, верно, не курицы! — задорно ответил Паскуале. — Курицы — во дворах, а мы — на горах!

— Вот это я люблю! Значит, птицы перелетные, люди беззаботные! Идемте с нами обедать! — И, схватив нас под руки, он потащил нас к костру. — Садитесь! — Он хлопнул рукой по сундуку. — Не люблю обедать без компании. Хо-

роший гость, что доброе вино, всякую жратву скрасит. Вот это — моя жена, фрау Эльза, вот это — фрейлейн Марта, а сам я зовусь мейстер Вальтер. Не слыхали про такого? — Он сощурил один глаз.

— Нет, мы не слыхали.

Из котелка шел вкусный запах. Фрау Эльза резала хлеб. Я не мог оторвать глаз от ножа, отсекавшего темные поздраватые ломтики от румяной краюхи.

— Ну, говорите, как вас звать? — не унимался мейстер Вальтер. — Джузеппе? Значит, по-нашему Иозеф. Паскуале — ох, какое длинное имя. Я буду звать тебя Пауль. А теперь берите ложки и не церемоньтесь!

Мы не заставили себя долго просить и набросились на похлебку.

Фрау Эльза обиженно поджимала губы. Марта бросала нам робкие сочувственные взгляды. Мейстер Вальтер то и дело подкладывал нам ломти хлеба, вынимал из золы печеный картофель и говорил:

— Веселей, веселей, ребята! Люблю, когда весело кушают! Паульхен, еще картошку! Иозеф, не зевай! А ну-ка, справимся с этим ломтем по-свойски!.. Так его! А вот еще один!

Наконец я был не в силах больше есть. Мне стало жарко.

— А теперь не грех и покурить, — сказал мейстер Вальтер. — Где же моя трубка? Вишь, чорт, трубка-то пропала! — Он рылся в карманах, оглядывался вокруг и вдруг подмигнул.

— А вот она где! — радостно воскликнул он, вытаскивая трубку с серебряным ободком из кармана Паскуале.

Паскуале покраснел, как рак.

— Я не брал вашей трубки! Это неправда! — У Паскуале даже глаза наполнились слезами.

Мейстер Вальтер смеялся.

— Не сердись, петушок, не сердись, голубчик!

Паскуале вскочил.

— Идем, Пеппо, мы не воры!

— Клох-клох-ку-ка-ре-ку! — вдруг закукарекал петух, неизвестно как попавший за ящик.

Мейстер Вальтер ловил бывшего крыльями петуха и приговаривал:

— Не сердись, петушок, скажи этим ребятам, что мы шутим!

— Клох-клох-клох! — раздалось примиренное кудахтанье.

— Мейстер Вальтер уже держал петуха на груди, прикрыв его полой куртки, и ласково разговаривал с ним. Вдруг он распахнул куртку, и мы увидели, что никакого петуха нет, а есть только шляпа мейстера Вальтера с петушиным перышком.

Он подбросил свою шляпу и, сказав: «А ну, посмотрим, что я нынче заработал», стал вынимать из нее круглые пряники и угощать всех.

Я ничего не понимал. У Паскуале от обиды все еще горели щеки. Он не взял пряника.

— Ну, возьмите, пожалуйста, — сказала девочка. — Отец всегда так, он всякие фокусы проделывает!

— Ты что про фокусы? — крикнул отец, осторожно взял ее за нос и, поверите ли, вытащил у нее из носа длинную-предлинную ярко-розовую ленту. Он вытаскивал кусок за куском, отбрасывая ленту рукой, и говорил:

— Фу, фу, какой срам! Такая большая девочка, а что у нее в носу!

Я приснул. Паскуале не мог удержаться от смеха. Девочка поправляла рыжие волосы и говорила:

— Ну, вот видите, я ведь не обижаюсь!

Она бережно собрала ленту и сматала ее.

— Помиримся, Паульхен! — Мейстер Вальтер протянул руку Паскуале. — Мейстер Вальтер еще не такие фокусы знает. Ему хорошо известно, что у тебя в мешке. Да, да, там сидит хорошенький Пульчинелла в черной масочке, а другой Пульчинелла, только поменьше, прячется у Иозефа за пазухой.

Я привскочил.

— Откуда вы знаете?

— Не бойтесь, ребята. Мы все время идем за вами следом. Вчера мы были на постоялом дворе, где вы представляли третьего дня. Нам все там рассказали. Я рад, что догнал вас. Я ведь сам кукольник-поппеншпэлер. Мы едем на ярмарку, в Тольц, а мой мальчишка-подручный вывихнул ногу и лежит дома у матери. Хотите работать у меня? Мне нужны помощники.

Мы с Паскуале переглянулись.

С мейстером Вальтером путешествовать будет и сытно, и не страшно, и весело.

— До ночлега пойдем вместе, — предложил мейстер Валь-

Кашперле.

Голо

тер, — а там вы подумаете и решите. Марта, покажи им своих кукол, а я пока вздремну. — И мейстер Вальтер влез на тележку, прикрыл лицо шляпой от солнца и захрапел.

Я вымыл посуду у ручья. Фрау Эльза посмотрела на меня приветливее. Марта и Паскуале уже стояли над открытым сундуком с куклами.

Наверху лежал горбоносый, улыбающийся человечек, похожий на Пульчинеллу.

— Кашперле! — сказала Марта и обдернула на нем красную курточку. — Доктор Фауст! — Из ящика появилась фигурка в черном бархате, с большими грустными глазами. — Голо! — Плосколикая, черноглазая кукла сверкнула парчовым жилетом. Потом Марта вынула мохнатых чортиков с закрученными хвостами, карликов, скелет с блестящей косой, дракона в зубчатой броне и еще много других кукол.

Наконец она развернула куколку, лежавшую отдельно, и тихо сказала:

— А вот моя Геновева! — И нежно расправила усыпан-

ную блестками фату и голубой атласный шлейф синеглазой Геновевы.

Все куклы были на немецких вагах, без железного прута. Рядом с нашими куклами они казались коротконогими, а в остальном были такие же, как наши.

Солнце уже скользило за горы, когда мы подошли к Тольцу. Босоногие ребяташки возились в пыли посреди дороги. Старый работник поил лошадь у колодца.

— Да это, кажись, мейстер Вальтер! — сказал он, заслоня глаза ладонью от закатного солнца.

— Он самый и есть. Здорово, старина! Да ты никак помолодел! Видно, сухое дерево не гнется, — весело ответил мейстер Вальтер.

Старик заулыбался во весь рот. Ребятишки молча устались на нас, потом один из них — самый шустрый — завертелся на одной ноге и пустился вдоль улицы, крича:

— Мейстер Вальтер приехал!

— Мейстер Вальтер приехал! — заорали остальные, и вся ватага помчалась впереди нас, вздымая пыль.

Сапожник с недошитым сапогом в руке высунулся из окна.

— Добрый вечер, мейстер Вальтер!

Выпачканный мукой парень выскочил на крыльцо пекарни и радостно завопил:

— Да это мейстер Вальтер со своим балаганом!

Из всех дверей и окон выглядывали приветливые лица. Кто махал рукой, кто здоровался, кто просто орал:

— Мейстер Вальтер приехал!

У мейстера Вальтера для каждого было припасено веселое словечко.

КАШПЕРЛЕ

На площади под островерхой колокольной строились ларьки, возводились качели и полосатые мачты для лазанья. Местечко готовилось к ярмарке.

Мейстер Вальтер с плотником стучали топорами, сколачивая балаганчик.

Марта, Паскуале и я чинили большую зеленую занавеску и проверяли кукол под навесом во дворе гостиницы.

На тополях наливались почки. Серый котенок, ловя кукольные нитки, смешил нас и мешал нам работать.

Мейстер Вальтер любовался им от души.

— Ай да ребята, вот это помощники, так помощники! — радостно воскликнул мейстер Вальтер, увидев, что я выпиливаю новую ножку для Вагнера, а Паскуале уже починил дракону сломанное крыло. — Ай да итальянцы!

Мейстер Вальтер чудесно управлял куклами. Стоило ему взять вагу в руки, как марионетка оживала. Так бывало лукаво повернет головку или важно выпятит животик, что все со смеху помирают. Но мейстер Вальтер не умел сам делать кукол. Он покупал их у одного резчика в Мюнхене или у итальянских кукольников, которых встречал на ярмарках.

— Ну-ка, Иозеф, — сказал мейстер Вальтер, — давно мне хочется иметь куклу, которая раскрывала бы рот. Попробуй улом, не сделаешь ли такую.

Мне тоже давно хотелось сделать, чтобы мой Пульчинелла раскрывал рот, да у меня все времени не было сделать это. Теперь я осторожно выпилил у Пульчинеллы подбородочек вместе с нижней губой, прикрепил его с боков проволочками к щекам и провел нитки. Если потянуть одну нитку, — подбородочек опускался вниз, и Пульчинелла раскрывал рот; если дернуть другую, — подбородочек становился на место. Издали казалось, что Пульчинелла и впрямь смеется.

Мейстер Вальтер любовался им от души.

— Кашперле! — вдруг воскликнул он. — Это будет самый чудесный Кашперле в Баварии! — И его ловкая рука живо содрала белый колпачок, закрывавший головку Пульчинеллы.

— Теперь его надо одеть в красную курточку и желтый колпачок. Марта, это твое дело! — И мейстер Вальтер обернулся к поджидавшему его плотнику.

Я снял с Пульчинеллы белый балахончик. Мне было грустно. Здесь никто не любит Пульчинеллу, здесь знают только своего Кашперле! Мне вспомнилось, как я выкраивал белый балахончик и пришивал широкую оборку к воротнику, сидя на чердаке у дяди Джузеппе. Голуби ворковали на площади Сан-Марко. Теперь я был на чужой стороне. Пульчинелла улыбался все так же беззаботно.

Бережно сложив колпачок и балахончик, я спрятал их в свой мешок. Марта быстро сшила красную курточку и желтый колпачок.

Так Пульчинелла превратился в Кашперле.

«Жизнь, деяния и гибель знаменитого доктора Иоганна Фауста в четырех действиях, с участием Кашперле и правдивой картиной подземного царства» — так было написано большими буквами на афише у входа в балаганчик. Паскуале перевел мне ее.

Кругом шумела ярмарка. Карусели вертелись. Качели взлетали со скрипом, взметая над толпой яркие юбки девушек. У ларьков шел торг.

Суровые крестьяне в толстых куртках, парни, девушки и светлоголовые, краснощекие ребята толпились у окошечка, за которым фрау Эльза получала деньги за вход.

— А будет очень страшно, мейстер Вальтер? — спрашивала быстроглазая девушка у входа. — Я страсть как боюсь чертей!

— А ты закрой глаза, чуть увидишь чорта, и сиди так. Только провались я на этом месте, если кто-нибудь не поцелует тебя в розовые губки! — отвечал мейстер Вальтер.

Девушка засмеялась, закрывшись рукавом. Подруги толкали ее в балаганчик.

— Ну полно вам, хохотуны! — заворчала старушка, протискиваясь за ними. — Люди в театр идут, а они хи-хи да ха-ха!

В балаганчике все сидели чинно и тихо. Я зажег свечи. Нынче я работал внизу, а Паскуале вытвердил свои роли на зубок со слов Марты и уже водил кукол. Фрау Эльза сняла коричневый чехол со своей арфы, и ее худые пальцы задержали струны.

— Иозеф! — крикнул мейстер Вальтер.

Я поднял занавес. Чуть слышный шопот пробежал по рядам.

Доктор Фауст печально сидел в кресле, подперев голову рукой. На столе стоял гло-

Фауст.

бус, лежали книги и горела малюсенькая свеча. Мейстер Вальтер говорил за Фауста что-то грустное. Потом Паскуале вывел белобрысого, длинноногого Вагнера, и, поговорив, Вагнер и Фауст ушли.

Тут послышалось знакомое верещанье, и на сцену припрыгивая выбежал мой Пульчинелла в желтом колпачке, с котомкой за спиной.

— Кашперле! — восторженно ахнули ребята.

Кашперле уселся в кресло и, стуча деревянным кулачком, стал кричать, чтобы ему подали жареную колбасу с луком. Прибежал испуганный Вагнер.

— Эй, малый, подавай колбасу, а то я все разнесу! — кричит Кашперле.

— Здесь не трактир, — говорит Вагнер, — здесь кабинет ученого!

— Моченого? Ну, давай мне гороху моченого с колбасой.

— Да ты кто такой?

— Я — парень молодой, Кашперле удалой, по свету шагаюсь, колбасой питаюсь!

— Поступай к моему доктору на службу!

— Ладно! — И Кашперле принялся плясать, подбрасывая котомку и вскрикивая «ю-хе!»

— Ю-хе! — радостно отозвались ребята.

Представление шло. Я то влезал под сцену и выставлял в люк чортиков, то напускал на сцену дыму так много, что передние ряды чихали, то жег красный бенгальский огонь, когда появлялся Мефистофель в красном плаще, то гремел железным листом, изображая гром.

Наконец Кашперле вышел на сцену с маленьким фонариком, как ночной сторож, и запел:

— Добрые люди, ложитесь спать, закрывайте ставни! Скоро черти унесут доктора Фауста!

В балаганчике стало так тихо, что я слышал сквозь занавеску громкое дыхание ребят.

Я ударил в железный лист двенадцать раз, будто часы пробили полночь, и зажег красный огонь.

Тогда декорации взвились кверху, открылось подземное царство, освещенное красным светом, и отовсюду полезли мохнатые чертенята, а Марта и Паскуале завывали, и... в публике поднялся такой вой и плач, что уже больше ничего не было слышно. Дети вопили, как поросята, женщины рыдали и всхлипывали, мужчины громыхали сапогами.

Я еще погрел железным листом и опустил занавес. У меня на сердце стало тоскливо.

Зрители, толкаясь, выходили на улицу. Матери унимали ревуших ребят. Быстроглазая девушка была совсем бледная, и, наверное, у нее тряслись колени.

— Чего они испугались? Неужели они не знают, что это просто деревянные куклы, которых мы дергаем за нитки? — сказал я Паскуале. — Помнишь, как бывало веселились зрители, когда выходили из театра Мариано?

— Те ходят в театр, чтобы смеяться, а эти — чтобы дрожать и плакать, — ответил Паскуале.

Мы давали представления каждый день, и каждый день бывало то же самое.

Чортик.

В КАБАЧКЕ

— Ну, старый воробей, рассказывай, где летал, что видал, какие вести на хвосте принес? — говорил седой бочар, хлопая мастера Вальтера по плечу.

Друзья угощали мастера пивом. Дым от их трубок клубами застилал низкие своды подвального кабака. Мы с Паскуале тоже сидели за столом.

— Ах, друзья сердечные, тараканы запечные, — смеялся мастер Вальтер, — много мы видали, много слышали, есть что порассказать, кабы знать, что никто мне соли на хвост не насыплет!

— Брось, мастер! Мы — свои люди! — говорил худощавый сапожник, отхлебывая пиво.

— Пойдите, пускай мастер расскажет сначала, как его

чуть не изжарили, — вмешался парень из пекарни, хохоча во весь рот.

— Тебя чуть не изжарили? Да какая же сковородка выдержит такого здоровенного быка? — лукаво подмигнул высокий молодой слесарь. — Кстати, куда девался твой Руди?

— Руди с вывихнутой ногой лежит дома у матери. А дело было вот как, — начал рассказ мейстер Вальтер. — Бродили мы с Руди по разным глухим деревушкам. Хорошо еще, что фрау Эльза с дочкой дома остались. Вот пришли мы в одну деревню, поставили театр перед постоянным двором и объявили, что будем представлять «Фауста». Народ собрался не только деревенский, а с гор, из лесов пришли люди с котомочками. Никогда они кукол не видали. Народ все строгий, рожи у них постные, на каждом перекрестке — распятие, а в деревне всем пастор верховодит. Вот сыграли мы первое действие. Зрители молчат, будто воды в рот набрали, даже над Кашперле не посмеются. Только бабы изредка охают. Пастор стоит позади всех и наших кукол глазами буравит. Пора нам второе действие начинать, а тут Руди сплоховал. Задел он локтем веревку, на которой висели куклы позади тропы, — веревка оборвалась, куклы попадали в кучу, все нитки перепутались. Фауст с драконом так между собой переплелись и замотались — прямо хоть плачь!

«Сидим мы с Руди, нитки распутываем. Я его сквозь зубы на чем свет стоит ругаю, а зрители орут: «Начинай, давно пора! А то деньги давай обратно!» Тут я сплоховал. «Подождите, — кричу я в сердцах, — никак мне не распутаться! Мне тут один чертенок все нитки запутал!» Это я про Руди говорю, а они как завопят: «У него чорт нитки запутал! Сам говорит — колдун!» Женщины завывли, убегают. Мужчины беснуются. Пастор говорит что-то и указывает на театр. Древние старухи машут костлявыми кулаками и вопят: «Колдун! На костер его! У него все куклы — чертенята!» Гляжу я, вся толпа с палками, с ножами прет на меня, впереди пастор с распятием, бледный, глаза как у волка. «Удирай, — говорю, — Руди!» И сам хочу улизнуть. Куда там! Окружили, повалили наземь, руки мне связали моей же веревкой... Руди догнали, приволокли. А старухи уже сцену ломают, костер складывают, пастор над моими куклами что-то бормочет, а сам боится до них пальцем дотронуться. Зажгли костер...»

Мейстер Вальтер выколол свою трубку.

— А дальше? — спросил парень из пекарни, выпучив глаза.

— Лежу я, как бревно. Руки и ноги скручены веревкой. Лежу и думаю: «Пропадайте мои куколки, лишь бы нам с Руди отсюда живыми выбраться». Вижу: бежит кто-то с постоянного двора. Бежит проезжий — важный господин. Развевается серый кафтан, кудри бьются по ветру, — видно, забыл впопыхах свою шляпу. Я так и обмер. «Ну, — думаю, — пропали наши головушки! Уж этот-то нам спуска не даст!» Не к добру это, когда господа опрометью бегают, — того и гляди, кого-нибудь прибьют! Подбежал проезжий, остановился, повернул голову к пастору и белой рукой показывает на костер. Свысока, через плечо говорит проезжий с пастором. «Стыдно, — говорит, — вам, образованному человеку, укреплять суеверие в народе и побуждать его к жестокости!» Нос у проезжего с горбинкой, подбородок кверху. Пастор залопотал невесть что, глаза у него забегали. Проезжий руку чуть-чуть приподнял — довольно, мол, разговаривать... На нас кивнул: «развяжите!» — а сам моих кукол с земли подбирает, Фауста рукавом обтер и бормочет: «Бедный маленький Фауст! Бедный мой друг!»

— А ты не врешь, мейстер? — ахнул пекарь. — Признайся, выдумал ты этого проезжего?

Мейстер покраснел.

— Если не верите, нечего просить меня, чтоб я рассказывал... Я вам не сказочник!

— Рассказывай, рассказывай, мейстер, что дальше было? Не слушай пекаря! Дальше-то как? — наперебой заговорили слесарь и бочар.

— Дальше — повел нас проезжий на постоянный двор. Смотрим мы в окно. Театр догорает. Пастор над ним проповедь говорит. Потом все запели псалом и разошлись. А проезжий на лавку положил Руди, — у Руди нога разболелась, после того как его по земле волокли, — а сам со мной допоздна за столом сидел, все про наши кукольные дела расспрашивал, куда мы едем да какие представления даем... Прямо скажу: такого господина я отроду не видал!

— А кто же был этот проезжий?

— Хороший человек, даром что дворянин. Он всего «Фауста» наизусть знает и кукол очень любит. А зовут его тайный советник фон-Гёте из Веймара. Если бы он за нас не вступился, пропали бы мы с Руди! Эх, плохо нам, кукольникам, там, где попы верховодят и мешают честным людям веселить народ! Ну, хозяйка, еще кружку пива!

И мейстер Вальтер залпом осушил кружку за здоровье

тайного советника фон-Гёте, который всего «Фауста» знает наизусть.

— Ну, мейстер, расскажи теперь, что ты видел на Рейне? — сказал высокий слесарь, когда смех и шутки замолкли.

— На Рейне? — мейстер Вальтер понизил голос. — На Рейне видел я Ганса Шульца. Его повесили на воротах замка за то, что он не отработал барщину барону... И пятерых детей Ганса я видел тоже...

Мейстер говорил глухо, отрывисто. Бочар, нахмурившись, кусал усы. Пекарь замер с открытым ртом.

— Еще я видел в Шварцвальде виселицы. Висят на них храбрые охотники, крестьяне, что с голоду стреляли дичь в княжеском лесу. Встречал я и вербовщиков в синих мундирах. Они охотятся за рослыми парнями и продают их прусскому королю в солдаты...

— А хорошего ты ничего не слышал? — дрогнувшим голосом спросил сапожник.

— За Рейном, в Эльзасе, свежий ветер дует. Горят там зарева — пылают замки помещиков... На деревьях, как груши осенью, висят сборщики податей... Собираются мужики с косами, с вилами, громят в городах хлебные склады, а хлеб раздают голодным...

Собеседники забыли свои кружки с пивом. Они ловили каждое слово мейстера.

Вдруг что-то блестящее мелькнуло в окне подвала. Я взглянул. Высокие колеса нарядной кареты катились мимо окна по улице. С запяток соскочили чьи-то ноги в туфлях с пряжками, и шаги затопали по лесенке в подвал. Мейстер замолк.

— Эй, который тут поппенишэлер? Выходи! — крикнул лакей в рыжей ливрее, появляясь на пороге. Высокий воротник подпирал его сытые щеки.

Все молчали.

— Вот хамье! Долго мне спрашивать? Отвечайте живо, который из вас кукольник? — грубо крикнул лакей, щелкнув по двери хлыстом.

— Шапку долой, барская обезьяна! — вдруг взревел бочар, стукнув кулаком по столу.

Все повскакали с мест. Лакей забегал глазами, отступил и сдернул треугольную шляпу.

— Да я что ж? Я могу шляпу снять, если люди хорошие... — забормотал он.

— Ну, то-то. А теперь, если тебе нужен кукольник, так

вот он здесь, а зовут его мейстер Вальтер, заруби себе это на носу! — Бочар ткнул пальцем в мейстера.

Лакей робко подошел.

— Мейстер Вальтер, баронесса фон-Гогенау приказывает, чтобы ты приехал с театром в замок. В будущее воскресенье. Играть велено «Геновеву». Дорогу тебе каждый укажет, — торопливо сказал он и ринулся в дверь.

— Стой! — гаркнул мейстер Вальтер. Лакей обернулся. — Скажи своей баронессе, что мейстер Вальтер в ее замок не поедет ни с «Генововой», ни с «Фаустом», ни с самим сатаной! — отчеканил мейстер.

Хохот грянул в кабачке. Лакей вздрогнул и зайцем пустился по лестнице.

— Ха-ха-ха! Вот это ловко! Ай да мейстер Вальтер! Ай да отбрил! — Бочар хохотал, схватившись за бока.

Пекарь, перегнувшись пополам, взвизгивал от восторга. Сапожник закашлялся в припадке неудержимого смеха, а слесарь крикнул:

— А ну, еще пивца за здоровье мейстера Вальтера!

И все-таки пришлось нам с мейстером тащиться в Гогенау. Сам местечковый судья пришел в балаганчик. Он поднес здоровенный кулак к носу мейстера и сказал:

— Слушай, мейстер. Если ты не поедешь в замок, так собирай свои пожитки и отправляйся вон отсюда. А если сунешь сюда нос, посидишь в кутузке. Ни места на ярмарке, ни позволения играть бродягам и бунтарям мы не даем! Понял?

Мейстер Вальтер хмуро кивнул головой. Лишиться места на ярмарке значило потерять заработок.

— Да ты что — белены объелся? Ты должен госпоже баронессе ножки целовать за то, что она твой грязный балаган в свой замок зовет! Верно я говорю, фрау Эльза?

Фрау Эльза пробормотала что-то о баварском пиве, ударившем в голову мужа.

— Ну то-то! Пускай протрезвится! — наставительно сказал судья и пронес в дверь свой толстый живот, обтянутый зеленым мундиром.

Мы стали готовить «Геновеву». Марта сшила новый бархатный плащ своей синеглазой любимице. Она водила в пьесе Геновеву, говорила и пела за нее.

В субботу с вечера, разобрав сцену, мы сложили доски и сундуки с куклами на тележку, а ночью тронулись в путь, чтобы с рассветом прийти в Гогенау.

Окна замка ослепительно блестели, освещенные восходящим солнцем. Праздничный флаг весело плескался на золотом шпиле. Привратник ворча открыл узорные чугунные ворота. Мы вошли в просторный двор с каменными конюшнями. Сколько золоченых карет, экипажей, обитых бархатом, легких лакированных шарабанов стояло там под навесом и посреди двора! В замок съехалось много гостей. Поварята в белых колпаках уже разводили на кухне огонь.

— Поезжайте в парк! — сказал привратник и махнул рукой направо.

Каштановая аллея уходила вдаль. Посыпанные желтым песком дорожки вились среди подстриженных кустов. Здесь сирень подымала свои лиловые свечи, там ранние розочки усыпали алыми звездами сквозную беседку. В зеркале пруда отражался серебряный домик. Черный лебедь выплыл из домика, протягивая красный клюв.

— Лебедь! — ахнула Марта.

— Куда прешь? Черти тебя несут! Все дорожки испортишь. Поезжай лугом! — раздался крик.

Нас догонял заспанный лакей, натягивая на бегу зеленую куртку. Он схватил нашего Гектора под уздцы и повернул его на луг. Мы пошли по траве. Роса холодила нам ноги.

На крыльце замка встрепанные слуги без жилетов скоблили мраморную лестницу.

Мы миновали рощицу. Миновали фонтан.

— Здесь, — сказал лакей, указывая на павильон с четырьмя колоннами. — Ставьте здесь ваш театр. А если ваши ребята выпачкают ступеньки или цветы порвут, будет им порка на конюшне!

Он ушел.

Мы выпрягли Гектора и пустили его пастись. Солнце только всходило. Было свежо. Паскуале жался от холода, стуча зубами, а мне ужасно захотелось есть. Фрау Эльза, зелено-бледная от бессонной ночи, дала каждому из нас по печеному яйцу. Мы запили его водой из бассейна, где плавали красные рыбки. И тут на Марту вдруг напала икота. А за ней стал икать и Паскуале. Я помирал со смеху, глядя на них.

— Я не знаю... ик! — говорила Марта, — отчего это... ик!

— Надо... ик! выпить... ик! воды... ик! — отвечал Паскуале.

Они пили воду горстями из бассейна, мейстер Вальтер тряс их за плечи и даже перевернул каждого в воздухе вверх ногами. Ничто не помогало!

— Ик! — чуть не плакала Марта. — Как же я... ик! буду говорить за... ик! Геновеу?

— Но, Вальтер, детям надо выпить горячего! — озабоченно сказала фрау Эльза.

— Ребята, собирайте сучья и шишки! — Мейстер Вальтер вынул огниво.

Едва дым от костра голубой струйкой потянулся вверх, как опять прибежал лакей в зеленой куртке.

— Ты что? Очумел? Костер в парке раскладывать? Что здесь, цыганский табор, по-твоему? — Он затапывал костер, злобно глядя на нас маленькими глазами и ругался: — Навязались тоже... цыганские хари... чтоб вас!

По дорожке к павильону шел еще один лакей, тот, который приходил в кабачок. Мейстер Вальтер покраснел.

— Никто не навязывался. А нам нужно горячее. Мы всю ночь шли, дети озябли... — отрывисто сказал он.

Лакей прыснул:

— Слыхал? Горячего им подавай! Господа какие нашлись! Может быть, еще воду для бритья подать в серебряном тазу?

— А, да это его величество мейстер фон-Бродяга с помойной ямы! — загорланил подошедший лакей. — Здравствуйте, ваше голоштанное величество, над блохами король, над вишами пастух!

Лакеи захохотали.

— Молчи, барская обезьяна! Давно ли ты в кабачке, как овечий хвост, дрожал? — Тут мейстер Вальтер загнул такое крепкое словцо, что парень оторопел, а другой покатился с хохоту.

— Э, да что мне с барской челядью ругаться! — в сердцах сказал мейстер Вальтер. — Иозеф, Пауль, запрягайте, едем отсюда прочь.

— Но, Вальтер!... — простонала фрау Эльза.

Марта и Паскуале сразу перестали икать. Я бросился запрягать Гектора.

— Ах, мейн готт! Да что же это? Куда вы уезжаете? — раздался женский крик.

По дорожке к нам бежала какая-то толстуха в белом

чепце, звеня ключами. Мейстер Вальтер угрюмо прилаживал постромки.

— Нам нечего здесь делать!

— А что скажут фрау баронесса и маленькая Шарлотта? Нельзя, нельзя уезжать! — Толстуха схватила Гектора под уздцы своей пухлой рукой.

— Михель, Эрик, это ваши штуки? Вон отсюда, бездельники! Почему скамейки еще не принесены? Живо, за работу! — Толстуха прогнала лакеев и завертелась перед фрау Эльзой. — Голубушка, да уговорите вашего мужа! Охота ему обижаться на этих лодырей? Да они у меня пикнуть больше не посмеют! Разве можно оставить маленькую баронессу и всех маленьких господ без представления? Скажите, что вам нужно, — я все достану.

Толстуха, звеня ключами, побежала в кухню.

Через минуту судомойка принесла нам кувшин горячего молока и корзину с колбасой и хлебом.

— Кушайте, кушайте! — тараторила толстуха в сбитом набок чепце. — Голубушка, фрау Эльза, да мы с вами землячки! Я тоже из Шварцвальда. Только вот уже одиннадцать лет не была на родине, с тех пор как покойный барон взял меня в кормилицы к маленькой баронессе. А теперь я — ключница, зовут меня тетя Эмма, да, да! Это ваша дочка? А мальчики тоже ваши? Вот расскажете в деревне, в каком доме меня повидали!

Лакеи приносили скамейки и ставили их рядами перед павильоном.

Напившись молока, мы сложили сцену на крыльце павильона между двух белых колонн и натянули перед сценой нашу зеленую занавеску.

— Это не годится! Это некрасиво! — воскликнула тетя Эмма. — Снимите ее, снимите сейчас!

Правда, наша занавеска годилась кое-как для полутемного балаганчика, но здесь, на свету, возле мраморных колонн, все ее заплатки, все линялые пятна так и лезли в глаза.

Тетя Эмма притащила тяжелую синюю материю с разводами.

— Мальчики, за работу!

Стоя на плечах мейстера Вальтера, я прилаживал эту синюю материю над нашим театром вместо зеленой занавески. Мейстер Вальтер потихоньку поддразнивал Марту:

— А ну, покажи, как ты будешь говорить за... ик! Геновеву.

Тетя Эмма принесла две корзинки с нарезанными хвойными ветками и велела нам плести венки.

— О, я сделаю так, что будет красиво! Здесь венок, там венок, а посередине пустим гирлянду! — говорила тетя Эмма, подпрыгивая перед театром.

Проклятые ветки кололи нам пальцы, пока мы вязали гирлянды, мне хотелось спать, а тетя Эмма трещала:

— Ведь сегодня день рождения маленькой баронессы Шарлотты. Да, да, сегодня ей ровно одиннадцать лет. Я всю ночь убирала цветами комнату с подарками. Ах, какие подарки! Как подумаю, что вот она, моя баронессочка, встанет с постельки и войдет в эту комнату в своем белом атласном платье, — ну, сущий ангелочек! Прямо плакать хочется! — Толстые щеки тети Эммы прыгали от волнения. — Сначала все пойдут к обеду, потом будет завтрак (на пятьдесят кувертов), потом — детский праздник в парке и ваше представление, а вечером — фейерверк и танцы. Сам герцог обещал приехать!

Фрау Эльза устало кивала головой и вздыхала:

— Бывают же богатые люди!

— Да, голубушка, уж вам такого праздника не увидеть больше... Долго будете нашим в деревне рассказывать... Ну, все готово? А где еще венок? Ах ты соня, соня!

Марта, выронив из рук венок, сладко спала в складках старой зеленой занавески.

— Марта! — Фрау Эльза в отчаянии всплеснула руками.

— Оставь девочку, — строго сказал мейстер Вальтер. — Пускай отдохнет. Ведь она водит сегодня Геновеву! — И он прикрыл Марту краем занавески.

Мы опять влезали на плечи мейстера Вальтера, развешивая хвойные гирлянды по синей материи. Театрик стал нарядным. Потом мы вынули кукол и проверили нитки. Паскуале зевал так, что у него хрустели челюсти. Тетя Эмма убежала в замок.

— А ну, ложитесь спать, ребята! — сказал мейстер Вальтер. — Еще успеете вздремнуть, время раннее.

Мы влезли на сцену и уснули, как убитые.

Меня разбудила болтовня тети Эммы.

— Идите, идите, я проведу вас по галерее, вы увиди-

те комнату с подарками и накрытый стол! Идите, все уехали к обедне!

Заспанная Марта, кутаясь в платок, уже бежала за фрау Эльзой по дорожке. Мы с Паскуале пустились вдогонку. Мейстер Вальтер остался один курить свою трубку на ступеньках павильона.

Мы взошли по боковой каменной лестнице, мимо белых безглазых статуй. Вдоль второго этажа шла крытая галерея, уставленная деревьями в кадках. Дикий виноград вился по решетке вдоль стены.

— Уж вы расскажете нашим в деревне, какую роскошь видели! — твердила тетя Эмма. Ей очень хотелось, чтоб ее земляки знали, у каких знатных господ она служит. — Ах, мейн готт! Ребята наследят на полу, какие у них грязные башмаки! Снимите их, снимите сейчас!

Башмаки у нас, правда, были мокрые и грязные. Мы сняли их, взяли в руки и пошли на цыпочках в одних чулках. Круглая дырка, как маленькая луна, засверкала на пятке Марты.

— Вот здесь спальня баронессочки! — говорила тетя Эмма, подводя нас к открытому окну, выходившему на галерею.

Там в занавесках розового тюля блестели витые колонки кровати. Розовый диван, розовый ковер — все было розовое...

— А вот здесь — подарки! — Толстуха спешила к другому окну. — Красиво, правда?

Запахом тепличных цветов пахнуло из окна. Гирлянды цветов свешивались даже с потолка.

— Вот там, на кресле, голубая парча на платье, подарок фрау баронессы. А там — подарок бабушки, серебряный туалет. Смотрите, какое зеркало! А вот на столике — сервиз из саксонского фарфора, весь в позолоте, чего только он стоит! Это подарила графиня Мисбах, она уже сейчас сватает нашу баронессочку за своего сына, графа Морица, вы увидите его на празднике... — не умолкая трещала ключница.

— Пеппо, — прошептала Марта, — взгляни, какие там куклы... ох! — Марта захлебнулась от восторга.

Их было пять. Они сидели в маленьких креслах вокруг столика с маленькой фарфоровой посудой. Их высокие прически были украшены бантами и цветами. Узорные блестящие робы топорщились вокруг неподвижных рук.

— Глаза, ты посмотри глаза — даже с ресницами! — шептала Марта. — А туфельки! А веер в руках у той — в желтом! Даже сережки в ушах! А личики какие нежные!

— Из чего они? Верно, не из дерева, — сказал Паскуале.

— Из лайковой кожи, — решил я. — Знаешь, внутри набиты трухой, а сверху раскрашены. Только для театра они не годятся...

— Почему не годятся? Подвяжи нитки — и будут годиться, — заспорил Паскуале.

— Да нет, они ведь мягкие, — значит, ходить плохо будут, — возразил я.

— А вот здесь будет завтрак! — говорила тетя Эмма.

Тут послышался во дворе стук колес и звон бубенчиков.

— Едут, едут! — закричала тетя Эмма. — Ступайте, ступайте отсюда!

Во двор уже въезжала маленькая голубая карета, запряженная рыжими лошадками, а за ней, громохвая и блестя, катились другие экипажи.

Мы опрометью бросились с галереи. Паскуале на бегу толкнул меня локтем. Один башмак вырвался у меня из рук и упал в кусты сирени. Я не сразу нашел его в густой листве, а когда нашел и оглянулся, на лестницу пестрой толпой уже всходили гости. Тетя Эмма низко приседала перед ними.

Я сунул ногу в свой мокрый башмак и побежал к павильону.

ГЕНОВЕВА

— Иозеф, погляди, которая из них баронессочка? — шептала Марта. — Мне кажется, вон эта, хорошенькая!

— Да нет же, — спорил Паскуале, — эта — в розовом, а толстуха говорила, что та — в белом. Вон, вон, какая-то важная пришла, — верно, эта!

— Ох, Пауль, она такая некрасивая! — огорчилась Марта.

В узкую щелку между синей материей и каменной колонной мы разглядывали зрителей.

Никогда еще не видал я таких ребят! У девочек на

головах, как копны сена, высились прически, приплюснутые сверху шляпкой вроде блюдечка. Их атласные юбки были похожи на бочонки.

На мальчиках топорщились бархатные и парчовые кафтанчики, а на затылках мотались косички, совсем как у взрослых дворян.

— Мсье Дюваль! Мне отсюда не видно! Мсье Дюваль, Фрицци толкается! — кричали они на разные голоса.

Их рассаживал по скамейкам бледный молодой человек с черными волосами и высоким лбом.

Впереди вертелась девочка в белом атласном платье. У нее прическа была выше всех, нос длиннее всех носов, а подбородок торчал, как у Пульчинеллы. Это была баронессочка.

— Смотри, смотри, она ущипнула ту в розовом и веер у нее отбирает! — волновалась Марта. — Ой, они дерутся! Неужели баронессочка дерется?

Баронессочка вырвала из рук подружки перистый веер и била ее по рукам.

— А этот черный подошел, смотри, уговаривает... Учитель он, что ли... — шептал Паскуале.

— Да, уговоришь ее! Видишь, плечом дернула и пошла, а веер не отдала... вот злока!... — рассуждал я.

— А та, хорошенькая, плачет, — вздохнула Марта.

Лакеи принесли бархатные кресла и поставили их в первый ряд. Баронессочка побежала навстречу высокому старику с лентой через плечо. Он вел под руку маленькую худую даму с зеленым пером на голове. В ушах у нее болтались длинные серьги, а на морщинистой шее сверкало ожерелье.

Старый дворецкий в рыжей ливрее бросился поправлять подушки на кресле.

Старик с лентой уселся, скривил снисходительной улыбкой губы и приложил лорнет к глазам. Толстая дама в красном, волоча за собой бархатный шлейф, подвела к нему длинного, прыщавого мальчика.

— Мой сын Мориц! — сказала она.

— Этот с лентой — сам герцог! — сказал мейстер Вальтер, глянув в щелку.

— Ой, — ахнула Марта, — сам герцог! Ой, мне страшно, как я буду водить перед ним Геновеву. — Она побледнела и прижала руки к щекам.

Мейстер Вальтер нахмурился.

— Трусиха! стыдно тебе! Ты знай свое дело делай, все равно кто перед тобой: герцог или сам сатана!

Шелка шуршали, перья колыхались, баронессочка обмахивалась веером.

— Начинай! — громким шопотом сказал дворецкий, просунув голову к нам за занавеску, и, вытянувшись, стал в сторонке.

Геновеа.

Зигфрид.

Фрау Эльза ударила по струнам арфы. Я поднял занавес.

— Не уезжай, Зигфрид! Не оставляй меня одну в этом суровом замке! Как я буду тосковать без тебя!

Голос Марты звучал нежно и жалобно. Синеглазая Геновеа простирала руки к рыжебородому Зигфриду в серебряном шлеме. А Зигфрид отвечал ей голосом мастера Вальтера:

— Я иду на войну. Я веду на врагов мое храброе войско. Не грусти, прекрасная Геновеа! Мой лучший, мой верный друг Голо будет твоим защитником без меня.

— Клянусь быть рыцарем Геновевы! — воскликнул плосколицый, черноглазый Голо, подняв ручки. Оранжевая подкладка плаща образовала позади него огненный треугольник.

Я вывел белого коня с золотой уздечкой. В последний раз Зигфрид обнял Геновеву и вскочил в седло.

— Ах, сердце мое чует недоброе! — тоскует Геновева и с маленькой башни машет ручкой уезжающему Зигфриду. А коварный Голо уже зовет своих сообщников и замышляет погубить Геновеву.

Марта разошлась. Голос ее окреп. Вот Геновева топает ножкой, гордо откинув голову. Геновева сердится, Геновева негодует. Геновева проклиняет Голо за его вероломство. У зрителей, наверное, мурашки бегают по коже, но этого пройдоху Голо ничем не проймешь. Зигфрид далеко. Вот уже палачи ведут в лес Геновеву, чтобы отрубить ей голову.

Геновева плачет, упав на колени. Голубой шлейф тащится за ней по земле. Она протягивает руки к палачам, умоляет пощадить ее. Бедная маленькая Геновева, беззащитная в темном лесу! Палачи уже приготовили мечи...

Девочки завсхлипывали все разом. Какой-то малыш заревел в голос:

— Домой! Ай-ай-ай-ай, хочу домой!

Черноволосый взял его на колени и утешает. Баронессочка сидит, выпучив глаза, и слезы капают с ее длинного носа.

Палачи пожалели Геновеву! Они тоже утирают слезы и отпускают ее на все четыре стороны.

В перерыве Марта спешно привязывала маленького ребеночка в белой рубашке к ручкам Геновевы. Мейстер Вальтер переставлял деревья на сцене. Паскуале готовил охотников.

— Угодно печенья? Угодно лимонаду? Угодно конфет? — бесстрастно спрашивали лакеи, скользя между скамеек с подносами в руках.

Герцог лениво жевал конфетку, прыщавый мальчишка набил полный рот леденцами, а баронессочка рылась длинным носом во всех подносах, выбирая сласти. Я поднял занавес.

Одна в глухом лесу, Геновева качает своего ребеночка, напевая грустную песню.

Но вот трубят охотничьи рога. Мчится охота. Зигфрид

гонится за белой ланью в чащу леса. Куда мчится белая лань? Лес все глуше и глуше, и вот открылась полянка. Геновева сидит на срубленном дереве и качает на коленях своего ребеночка, а белая лань лежит у ее ног.

Зигфрид нашел Геновеву. Бедная маленькая Геновева, как она радуется, какие счастливые слова говорит! Трубят рога, скачут кони, все довольны — и представление окончено.

— Ну, дочка, ты сегодня отличилась! Дай-ка я расцелую тебя за Геновеву! — сказал мейстер Вальтер, снимая Марту с тропы.

Марта обняла отца за шею и прижалась головой к его щеке.

— Я сегодня хорошо водила?

Перед театром хлопали и орали ребята.

— Геновеву, еще Геновеву! Еще! Еще! — кричали они и, оттянув синюю материю, заглядывали на сцену.

Мы подняли занавес и вывели кукол.

Ребята теснились к нам со всех сторон. Девочки тянулись к Геневе. Мальчики полезли на тропу.

— Дай-ка мне! — крикнул один толстощекий, выдергивая у меня из рук вагу Зигфрида. Другой уже ухватил Кашперле и трепал его по всей сцене, гикая и вопя. Малыш усаживался на белого коня, висевшего позади тропы. Нитки оборвались, конь упал, ломая свои хрупкие суставы. Малыш шлепнулся и заревел благим матом.

— Эй, не трогайте кукол! Это не игрушки! Пошли отсюда вон! — грохотал мейстер Вальтер.

Черноволосый юноша метался среди ребят и, надрывая горло, уговаривал их не трогать кукол. Его никто не слушал. Пока он удерживал одного, другие озорничали еще пуще. А мы с Паскуале бросались от одного барчука к другому, не зная, которую из кукол прежде спасти. Только прыщавый мальчишка, запустив обе руки в поднос с леденцами, сидел на месте.

— Бей, бей его! — кричал один мальчуган, мотая Голо на нитках по сцене и ударяя им Зигфрида. У Зигфрида раскололся шлем. Другой волочил Кашперле с вывернутой рукой, с ножкой, подпернутой выше плеча. Картонное дерево рухнуло, обрывая у Кашперле нитки. Его сломанный подбородочек жалобно повис набок.

Я вырвал вагу у барчука и спихнул его с тропы. Паскуале дрался с толстощеким из-за охотника. Малыш про-

давил ногой картонную башню и орал, завязив в ней ногу.

Жалобный голос Марты доносился из толпы девочек.

— Не тяните так, ах, вы порвете! Нельзя так! — говорила Марта, а девочки тормозили Геновеву, дергали ее рыжий паричок, отгибали атласный подол и щипали блески на фате. Вдруг баронессочка растолкала их всех.

— Дай! — крикнула она и рванула Геновеву к себе. — Это будет моя кукла!

— Нет! — Марта крепко зажала в руке вагу и все нитки Геновевы. Баронессочка ударила ее по рукам.

— Пусти!

— Нет!

— Ах, так? Глупая девчонка! — Баронессочка цепко ухватила Геновеву одной рукой, а другую сунула в карман своей атласной юбки, вынула золоченые ножницы и, поверите ли, одним махом перерезала все нитки Геновевы.

— Ой! — вскрикнула Марта, с ужасом глядя на пучок ниток, оставшийся у нее в руке.

А баронессочка уже убежала с Геновевой.

— Мейстер Вальтер! — заорал я не своим голосом. — Геновеву украли!

Мейстер Вальтер захлопнул сундук, куда он впопыхах бросал кукол. Марта шла к нему бледная, с отчаянием в глазах, протягивая вагу с пучком ниток...

— Взяла... взяла... отрезала... Геновеву! — Крупные слезы полились у Марты по щекам. — Мама!

Марта рыдала, уткнувшись в колени растерянной фрау Эльзы. Мейстер Вальтер шагнул к гостям. Там перед герцогом уже кривлялась баронессочка, оправляя синий плащ Геновевы, и сюсюкала:

— Это будет моя доценька! Моя любимая куклочка!

— Фи, Шарлотта, она вся в нитках! — сказала дама с зеленым пером и принялась обрывать остатки ниток на Геновеве. Геновева беспомощно мотала головой.

— Ваше сиятельство! — Перед дамой, сняв шляпу, стоял мейстер Вальтер. Она удивленно подняла брови. — Пускай ваша дочка вернет Геновеву! Мы не раздаем кукол! Это — не игрушки, это — наш хлеб! — одним духом выпалил мейстер.

— Ай! — взвизгнула баронессочка, отскочив за кресло герцога, и злобно выставила вперед подбородок.

Герцог оглянулся на нее.

— Не отдам! Не отдам! — вдруг заревела она, топая ногами. — Это моя Геновевочка!

— Постыдитесь, фрейлейн Шарлотта, у вас так много кукол, вы забавляетесь с ними, а эта девочка зарабатывает хлеб своей куклой. Этой девочке Геновева нужнее, чем вам! — тихо заговорил черноволосый юноша, стараясь взять Геновеву.

— А-а-а-а! — завизжала баронессочка. — Не отдам, не отдам, пусть она плачет!

— Да не кричи так, Лохтен! — Баронесса заткнула себе уши. — Зачем вы дразните ее, мсье Дюваль?

— Но, баронесса, это несправедливо... — волнуясь ответил мсье Дюваль.

— Справедливо или нет, молодой человек, а я не допущу, чтобы моя племянница плакала в день своего рождения, — высокомерно сказал герцог и, опираясь на трость, встал с кресла.

— Прошу вас отдать марионетку! Это — не игрушка! Не всякий мастер сделает такую марионетку! Нам без нее представлять нельзя! — твердил мейстер Вальтер, наступая на баронессу. А та все затыкала уши.

— Потише, любезный... — Герцог прикоснулся к его плечу своей белой рукой. — Вот получи и ступай... больше никаких разговоров...

Герцог порылся в кармане камзола и двумя пальцами протянул мейстеру червонец.

Мейстер Вальтер не протянул руки. Червонец выскользнул из герцогских пальцев на песок дорожки.

— Мы не продаем кукол! — гаркнул мейстер, сжав кулаки.

Но герцог уже повернулся спиной и, взяв под руку баронессу, шествовал по аллее. Гости потянулись за ними, шурша шелками. Впереди бежала баронессочка с Геновевой в руках.

— Мы не продаем кукол! Возьмите ваши деньги и отдайте мне Геновеву! — кричал мейстер Вальтер и, подняв червонец, бросился за ними вслед.

Старый дворецкий, расставив руки, преградил ему дорогу.

— Молчать! Свое получил и молчи! А не то, знаешь, и шею наkostenять можно! — внушительным шопотом сказал он и оттеснил мейстера к павильону.

— Пусти! Да что я в шуты им дался, что ли? Говорю, пусть вернут Геновеву!

— Ну, а плетей не хочешь? У нас живо выдерут! — рявкнул дворецкий. — Собирай свои пожитки и очисти площадку. Здесь танцы будут!

Мейстер Вальтер швырнул шляпу оземь. Лакеи, ухмыляясь, уносили кресла и скамейки.

— Ну, складывайся, складывайся, а то мы тебе поможем! — торопил дворецкий.

Марта все еще рыдала на коленях у фрау Эльзы.

КТО ПОЗВОЛИЛ?

— Ну какая же она у вас капризница! Есть о чем плакать? Перестань сейчас же! Твоя Геновева сидит в замке и пьет чай с красивыми куклами. Ты должна гордиться, что ее взяли в замок. Ну, перестань реветь и взгляни, какой вкусный пирожок. — Тетя Эмма совала Марте в руку кусок сладкого пирога.

Марта его отпихнула.

— Не хочу я вашего пирога! — вдруг быстро заговорила она, подняв голову. — Не хочу! А ваша баронессочка — совсем не ангелочек... а... знаете, кто она? Воровка! Да, воровка! Она украла у меня Геновеву! — И Марта опять залилась слезами.

— Ах, дрянная девчонка, да как ты смеешь так говорить! — Тетя Эмма всплеснула руками и с негодованием взглянула на родителей. Фрау Эльза молча укутывала Марту платком. Мейстер Вальтер с недоброй усмешкой посмотрел на тетю Эмму, а Паскуале высунул язык.

— Бывают же такие... неблагодарные... свиньи... — пробормотала тетя Эмма и, вся красная, гордо пошла от нас по дорожке, звеня ключами.

Мейстер Вальтер щелкнул бичом. Тележка тронулась. У ворот нас догнал мсье Дюваль.

— Подождите минутку! — кричал он издали.

Мейстер Вальтер угрюмо посмотрел на него.

— Простите меня, я тоже виноват... я должен был удержать детей, как гувернер... но я не справился с ними. Они испортили ваших кукол. Вот, возьмите, тут немножко денег — мои сбережения... — Он протягивал

мейстеру Вальтеру горсть монет. Его губы подергивались от волнения.

Мейстер Вальтер покачал головой.

— Денег твоих я не возьму. А если ты честный человек, так зачем служишь у подлецов? — И мейстер Вальтер дернул вожжи.

Мсье Дюваль стал еще бледнее и схватился за ограду. Мы прошли мимо него в ворота.

— Мсье Дюваль! Мсье Дюваль! Идите играть в фанты! — издалека кричали ребята.

Солнце садилось. Коровы, звеня колокольчиками, возвращались с полей. Паскуале шагал рядом с тележкой, положив на нее руку, и ласково уговаривал Марту:

— Мы сделаем тебе новую Геновеву, Марта. Еще лучше. Спроси Пеппо, он даже ресницы ей сделает.

— Нет, — говорила Марта, — мне другой не нужно. Я ту очень любила... а теперь... вдруг...

Марта сжала руки и заговорила с такой тоской, что у меня сердце свернулось в клубок.

— Разве так можно? Разве можно? Ведь я все на ней сама сшила, и фату вышивала, и косы плела... ведь все, все я сама сделала... Я ее водить умела, а та — ничего, ничего не делала, водить не умеет, сразу все нитки остригла... испортила... Почему моя Геновева у нее? Кто это позволил?

У мейстера Вальтера лицо посерело, как камень. Мне стало прямо нехорошо от слов Марты. Кто позволил?

Да не я ли стоял, как дуралей, выпучив глаза, пока баронессочка стригла нитки Геновевы? Эх, вырвать бы ее тогда и бегом из парка, ищи свищи тогда Геновеву! Подождал бы я где-нибудь в придорожной канаве, пока наши с тележкой выйдут из замка, и отдал бы Марте Геновеву.

Дурак я был, что время упустил. Чего бы я не дал, лишь бы вернуться в замок...

Я догнал мейстера Вальтера и спросил его, где мы будем ночевать.

— Вот дойдем до Нейдорфа, там есть корчма. А тебе что? — ответил мейстер Вальтер.

— Я вернусь в замок, мейстер Вальтер, только не говорите никому... — шопотом сказал я.

Мейстер Вальтер в упор взглянул мне в глаза и кивнул головой.

— Ступай, сынок!

Я отстал, будто поправляя башмак. Тележка скоро скрылась за поворотом. Наступали сумерки. Я пошел обратно.

Я знал, что добуду Геновеву, и даже не раздумывал, как я это сделаю, — добуду, и все тут.

Каменная стена парка встала передо мной первой преградой. Она была высокая — не перелезть. Я побрел по-лем вдоль стены, приглядываясь, не увижу ли дерева, с которого можно было бы на нее взобраться. Каштаны за стеной качали свои молодые лапчатые листья. Выходила луна.

Вдруг я услышал журчанье. Ручей? Ну да, ручей вы-бегал из дыры под стеной сквозь железную решетку. Если бы снять эту решетку и пролезть в дыру!

Острым обломком камня я подкопал боковые прутья, врытые концами в землю. По колено в воде, я расковырял камни на дне ручья, в которые упирались средние прутья. Вода была холодная, руки и ноги заныли.

Обозлившись, я стал изо всех сил трясти решетку — она подалась. Еще, еще немножко — и я пролез в дыру, ободрав себе куртку и плечо, одной ногой в ручье, но я все-таки пролез!

Под каштанами было темно. Замок загораживали де-ревя. Издали слышалась музыка. Оглядываясь по сторо-нам и держась в тени, я пошел на звуки музыки. Лягуш-ка выпрыгнула у меня из-под ног, — я вздрогнул. Су-чок, упавший мне на плечо, тоже немало напугал меня. Но вот вдали загорелись огоньки — красные, зеленые, голубые. Гирлянды фонариков висели кругом площадки, где танцевали дети. Я подошел поближе и залег в кусты.

Свечи к канделябрах горели на крыльце павильона. Там восседали гости, вздымались высокие прически, колы-хались веера. На площадке посреди танцующих метался мсье Дюваль и надорванным голосом командовал:

— Становитесь в круг! Дамы, выбирайте кавалеров!

А вот и баронессочка танцует с прыщавым Морицем. Они то ходят на цыпочках, то кружатся, то приседают. Ну сущие обезьяны оба! В руках у баронессочки перистый веер, а Геновевы не видать. Куда же она дела Гено-веву?

— Ах я остолоп! — чуть не вскрикнул я. — Ведь

толстуха говорила, что Геновева пьет чай с куклами. Значит, она в комнате с подарками. Вот бы пробраться туда, пока все танцуют! Скорее!

Позабыв осторожность, я пополз к замку прямо через лужайку. У бассейна играли музыканты. Заливались скрипки, флейта выводила разные коленца, дирижер спиной ко мне размахивал руками, как марионетка. Вдруг звук флейты оборвался. Флейтист, выпучив глаза, смотрел прямо на меня. Я замер.

— Не зевай! — крикнул дирижер, ударив его палочкой по руке.

Флейтист схватил свою флейту, но глаза у него так и лезли на лоб, чуть не выскакивали из орбит. Ну, ничего, пока у него рот занят, он никому слова не скажет. Я пополз дальше.

Вот лестница на галерею. Направо — темные комнаты баронессочки, налево — освещенные окна залы. Слуги шныряют взад и вперед. Звенят тарелки. Слышен лепечущий голос тети Эммы. Гудит бас дворецкого. Сейчас на галерею не проберешься. Там, верно, накрывают стол к ужину. Я притаился за кустом, куда утром уронил башмак. Как давно это было!

Вдруг музыка смолкла, и ребята рассыпались по дорожкам. Ах ты горе, — сейчас флейтист поднимет тревогу! Но нет, музыкантам не дали отдохнуть, они снова заиграли — уже не танец, а концерт, итальянский концерт. Сколько раз эта самая музыка доносилась до меня из светлых окон над каналами или с проплывавших вдали гондол! Тоска защемила мне сердце. Я был далеко от Венеции, я лежал под чужим домом, как вор, дрожа от холода, в мокрой куртке. Я был на чужой стороне.

— Тетя Эмма, я пить хочу! Хочу пить! — капризно крикнула баронессочка из темноты.

— Сейчас, сейчас, моя милочка, несем лимонад! — откликнулась с галереи тетя Эмма и, шурша юбками, торопливо спустилась по лестнице с подносом в руках. За тетей Эммой, быстро семеня ногами, пробежали лакеи с бокалами на подносах и ринулись в темноту по разным дорожкам. На галерее все стихло.

Эх, забраться бы туда, пока они разносят лимонад!

Я стал взбираться по лестнице. Полоски света из окон залы падали на нее сквозь перила. Мне оставалось четыре ступеньки до верха, как вдруг...

— Его светлость желает морсу! Морсу его светлости! — крикнул кто-то внизу.

— Ах, мейн готт! Сейчас, сейчас несу морс! — басом отозвался дворецкий с галереи (а я-то про него забыл!) и с подносом в руках устремился по лестнице. Бац! — он наскочил на меня.

Бокалы взлетели, как фейерверк, обдавая меня морсом. Дворецкий завопил от страха и скатился по лестнице, не выпуская из рук дребезжащего подноса. Я одним прыжком очутился на галерее и махнул в открытое окно. Это была комната с подарками. Схватить Геновеву и бежать, пока старик не опомнился! Где же Геновева? Я метался в полутемной комнате, опрокинул столик с кукольной посудой... Вот они, куклы! Где же Геновева? Я злобно швырял кукол на пол, они падали мягко, как подушки, чуть шурша шелком, и вдруг — легкий деревянный стук, знакомый стук упавшей на пол марионетки. Я стал шарить на полу, — Геновева! Маленькая деревянная Геновева среди мягких кукол! Я сунул ее за борт куртки и выскочил в окно. Теперь бежать!

— О, Теодор, вы сломали себе ногу? — услышал я испуганный голос тети Эммы.

— О-ох, дюжину их, целую дюжину сломал... — плакался дворецкий

— Ангелы небесные! дюжину ног!

— Венецианских бокалов, фрау Эмма. Но не в том дело. Зовите людей — в замке разбойники!

— Ай! — взвизгнула тетя Эмма.

— Они сшибли меня с ног и скрылись в комнате с подарками... грабят... я сторожу их здесь... — страшным шопотом говорил дворецкий.

— О-о-о! Вору, разбойники! Помогите! — завопила тетя Эмма.

Я пригнулся и побежал в конец галереи. К лестнице уже со всех концов сбегались лакеи, и кто-то кричал: «Несите факелы! Эрик, тащи ружье!» Лакеи, видно, струсили.

Я перемахнул через перила. Еще утром я видел, что дикий виноград вьется по деревянной решетке с той стороны замка. Нашупав ногами решетку, я стал быстро спускаться, держась за шаткие лозы. До земли уже недалеко... Я повис на руках, болтая ногами, и взглянул вниз — куда бы мне спрыгнуть. Взглянул и чуть не за-

орал от страха. Прямо против меня в открытом окне стоял кто-то черный... Мы молча глядели друг на друга.

— Ну, прыгай же скорее, мальчик... — негромко сказал черный, и я узнал мсье Дюваля.

Я прыгнул и, не удержавшись на ногах, упал на четвереньки. Какая-то слабость вдруг нашла на меня. Все пропало, сейчас он схватит меня и отберет Геновеву. Но мсье Дюваль не шевелился. Отвернув бледное лицо, он глядел на звезды.

На галерее гремели шаги. Слуги с факелами и ружьями гурьбой шли на разбойников. Я бросился в кусты и задал стрелка в каштановую рощу.

Гости у павильона, должно быть, не слышали переполоха. Играла музыка. Над прудом вертелись огненные и зеленые колеса, взлетали ракеты и сыпались золотистые брызги.

Прижимая к груди Геновеву, чтобы не замочить ее в ручье, я пролез в дыру под оградой.

НОЧНОЙ ПУТЬ

Небо было синее, звездное. В вышине плавала большая светлая луна. Дорога совсем побелела от лунного света. Я бодро шагал вперед. Мне хотелось поскорее добраться до Нейдорфа.

Наверное, мейстер Вальтер ждет меня на крылечке корчмы и курит свою трубку. Я увижу издали его темно-красный огонек и крикну:

— Мейстер Вальтер, я добыл Геновеву!

— Молодец, Иозеф! — ответит мейстер Вальтер и отнесет куклу Марте.

Марта уже, верно, спит, досыта наплакавшись. Мейстер положит ей куклу на подушку. Утром проснется Марта, а Геновева — тут она!

Я вошел в темную рощу. Вдруг мне показалось, что я сбился с дороги. Нет, вот она, дорога, — под ногами, а вдали сквозь деревья просвечивают залитые луной поля. Над пригорком мелькнула колокольня. Я прибавил шаг. Вот плетни, овины, колодец посреди улицы.

За плетнем залаяла собака. Ей визгливо ответила другая, и громким басом отозвалась третья. Я припустил по улице, но все собаки в деревне уже проснулись, и лай несея со всех дворов. Справа над забором показалась черная морда, свер-

кая глазами. Собака прыгнула на улицу, а за ней, взмахнув хвостом, выскочила другая. Слева из подворотни на меня бросился лохматый пес. Я помчался сломя голову, собаки стаяй неслись за мной. Догонят — разорвут на клочки! Сейчас они схватят меня зубами за ноги. Где же корчма?

Вдруг из-за угла выскочил какой-то человек и бросился мне наперерез. С размаху я налетел на него. Он крепко обхватил меня руками и заорал:

— А, голубчик, попался! Сам прибежал! Да цыц вы, проклятые!

Собаки рыча остановились. Я узнал толстого сельского сторожа с носом луковицей, который когда-то оставил нас без обеда. Он схватил меня за шиворот и потащил на крыльцо. Я не сопротивлялся, — уж очень был рад, что избавился от собак.

Втолкнув меня в сени, сторож снял фонарь со стены. На лавке дремал безусый стражник, держа ружье между колен.

— Вот! — торжествующе крикнул сторож. — Я поймал его, пока ты сны видел! Тот?

— Тот! — отвечал стражник, протирая глаза. — Рожа черномазая, — видать, что итальянец.

— Ну? — грозно крикнул сторож, выпятив грудь. — Признавайся, малый, где она у тебя? Отвечай добром, а то мы с тебя семь шкур спустим!

Я невольно прижал к себе Геновеву. Неужто они уже знают?

— Куда ты ее запрятал?

— Я не украл ее, это Мартина кукла... — забормотал я.

— Э, да чего там разговаривать! Его надо обыскать! — И сторож стал стаскивать с меня куртку. Стражник лениво помогал ему. Я как волчок бился и вертелся в их руках, локтями и зубами защищая Геновеву, но сторож все-таки вырвал ее у меня. Стражник поднес фонарь.

— Кукла! — воскликнули они оба в один голос и замолчали.

Я тоже молчал. Свет от фонаря золотил деревянное личико Геновевы.

— Тыфу! — сказал наконец стражник. — И на чорта ты, малый, таскаешь с собой куклу?

— Постой, друг! — Сторож поднял вверх толстый палец, похожий на сосиску. — Меня не проведешь! Я недаром служил на границе и контрабандистов вылавливал! Эта кукла у него неспроста! Он в нее что-нибудь запрятал.

И сторож стал трясти многострадальную Геновеву.

— Не трогайте куклу! Вы ее испортите! — кричал я.

— Да ну тебя, брошка чуть не с ладонь, где она уместится в кукле-то? — сказал молодой и отобрал Геновеву у сторожа.

— Знаем, знаем, он, может быть, брильянты повыковыривал и в куклу спрятал. . . Знаем мы эти штучки! — И сторож, выхватив Геновеву у стражника, продолжал ее теревить.

— Какая брошка? Какие брильянты? Отдайте мне куклу, меня мейстер Вальтер ждет! — орал я.

Сторож бросил Геновеву и почесал за ухом.

— Ну что ж, посадим его в холодную, а завтра отправим в Тольц, там разберутся. . . — зевая сказал стражник.

Он толкнул меня в темный чулан и запер дверь. Я упал на охапку соломы и, сжимая в руках растрепанную Геновеву, раздумывал: за что они меня схватили?

МАЛЬЧИК С ОБЕЗЬЯНОЙ

Я проснулся на заре. Сквозь маленькое оконце брезжил свет. За дверью слышались голоса.

— Как, еще один? — спросил стражник.

— Ну да, тот самый. Я поймал его, когда он кур воровал у старого Штрумпфа, — ответил незнакомый голос.

— А это кто? Суший чертенок!

— Обезьяна. Видишь, он ее за деньги показывает. Ну и народ! Вчера одного с куклой поймали, сегодня другого с обезьянкой. . . оба черномазые. . .

— Такое уж их дело. . .

Дверь отворилась, и стражник втолкнул в чулан оборванного мальчишку. Он с размаху упал на солому рядом со мной и захныкал, размазывая грязь по лицу. На его плече, крепко уцепившись за рванный ворот, сидела серая обезьянка. Матросы привозили таких из дальних стран и разгуливали с ними по докам Венеции. Обезьяна смотрела на меня блестящими, как пуговички, глазами, хлопала красноватыми веками и маленькой темной ручкой поправляла свой ошейник. Потом она тоже захныкала и полезла к мальчишке под куртку. Он оттолкнул ее и сказал по-итальянски:

— Пошла прочь, Бианка!

Я взглянул в измазанное лицо мальчишки и ахнул:

Пьетро! Да, это был Пьетро из театра Мариано, лукавый Пьетро, наш вечный обидчик, — но как же я обрадовался ему на чужой стороне!

— Пьетро, миленький, откуда ты? Куда идешь?

У меня даже голос оборвался от радости. Пьетро взглянул на меня и усмехнулся. Он, казалось, ничуть не удивился нашей встрече. Потом он отвернулся и заворчал:

— Черти... Привязались ко мне с какой-то брошкой... Дурак я, что ли, брошки воровать, — за это и повесить могут...

— Да как ты сюда попал? Мариано тоже здесь? Почему вы не подождали нас в Падуге? Знаешь, мы хотели вас догнать по дороге в Тироль, мы везде про вас спрашивали... Куда вы пошли из Виченцы? — засыпал я Пьетро вопросами.

Пьетро презрительно подернул губами.

— Мы вовсе не заходили в Виченцу. Мариано нарочно соврал на постоялом дворе, будто мы идем в Виченцу, чтобы след запутать.

— Чтобы след запутать? — ахнул я.

— Ну да. Ты думаешь, нам больно хотелось с вами связываться? Мариано то и дело говорил: «Как бы мне избавиться от этих щенят!» Денежки вашего синьора Гоцци он еще в «Белом Олене» прокутил! — с удовольствием рассказывал Пьетро, насмешливо поглядывая на меня.

— Куда вы пошли потом?

— Мы жили в одной деревне у брата Мариано, поджидали, пока из Венеции придет старый Якопо со своей скрипкой. Ведь без музыки нельзя давать представление. Ну, когда Якопо пришел, мы тронулись в путь. Были в Швейцарии — хорошо заработали.

— Значит, театр Мариано здесь теперь?

Пьетро сразу помрачнел и выругался.

— Почем я знаю, где его черти носят! Мариано бросил меня, как собаку. Хорошо еще, что обезьяну мне оставил!

Тут Пьетро рассказал, как он заболел горячкой и Мариано оставил его у одной старухи, а сам уехал. Пьетро выздоровел и пошел по деревням, показывая свою обезьянку. Ему хочется вернуться на родину. Ему надоела до смерти чужая сторона. Обезьянка пляшет, кувыркается, представляется пьяной и умеет притворяться, что умерла. Но им мало подают. Живут они впроголодь.

— Вчера одна важная барыня с маленьким барчуком

смотрела-смотрела на обезьянку, заставляла ее кувиркаться целый час, а знаешь, что подала? — медный грош! А Бианка любит сахар. . . — Обезьянка глухо закашляла, поглаживая себя по мохнатой груди.

— Я про вас обоих слыхал. Знатно живете, у немца работаете. . . — прибавил Пьетро и с недоброй усмешкой оскалил зубы. — А уж твоя сестра. . . — Он махнул рукой.

— Моя сестра? — удивился я. — Ты слышал про мою сестру?

Передо мной встали бледное лицо и черное платье Урсулы, какой я видел ее в последний раз. Это был праздничный день. Урсула пришла навестить меня. Я плакал, побитый теткой Теренцией. «Не плачь, Пеппо, потерпи еще, — сказала Урсула, — а потом я возьму тебя к себе, и мы будем жить вместе». Тетка Теренция крикнула ей, чтобы она замолчала. Она — сама нищая, и пусть лучше не ходит сюда и не говорит глупостей! Урсула ушла, и с тех пор я ее не видел.

— Что? Что ты знаешь про мою сестру? — уцепился я за Пьетро.

— Якопо рассказывал. . . — нехотя сказал Пьетро.

— Ну, ну, что рассказывал?

Пьетро вдруг обозлился.

— Да что ты пристал? Ничего я не знаю. . .

Тут дверь распахнулась, и вошел молодой стражник, а за ним другой, бородатый и угрюмый, с шрамом на щеке. Они связали нам руки за спиной и вывели нас на улицу. Там уже сутился толстый сельский сторож.

— Ведите их, не спуская глаз. Вы мне ответите, если они убегут. Да не забудьте сказать господину судье, что одного преступника я сам поймал своей рукой, я — отставной капрал Вурцель! — кричал он, прыгая вокруг нас.

— Да замолчи ты, старый хрен! — сказал бородатый, и сторож замолчал. — Ну, ребята, шагом марш! Между собой не разговаривать!

Мы пошли по дороге. Я раздумывал: знает ли Пьетро что-нибудь про мою сестру, или он соврал? Мне вспомнилось, как мы с ней сидели на пороге и ели вареные бобы, когда еще отец был жив. Урсула пела и смеялась. От домов падали густые, прохладные тени. Я любил мою сестру. Я был на чужой стороне, вокруг меня все были чужие люди. Как бы мне попытаться, что знает Пьетро?

Я не очень беспокоился о нашей участи. Геновеву у меня не отобрали, а это было самое главное, все остальное — пу-

стяки. Я придерживал подбородком ее деревянную головку, торчавшую из-за борта моей куртки, и думал о моей сестре.

Озябшая Бианка, спрятавшись на груди у Пьетро, выглядывала из-за его плеча и смотрела на меня жалобными глазами.

Мы прошли мимо постоянного двора с резным крыльцом. На его вывеске было написано: «Альтдорфская гостиница». Значит, я ночью забрел в Альтдорф вместо Нейдорфа.

ЗА РЕШЕТКОЙ

— Батюшки, никак это мальчишку мастера Вальтера ведут! — воскликнул веселый пекарь, месивший тесто у окна пекарни. Оглянувшись, я увидел, что он тихонько пошел за нами следом по пустынным улицам Тольца.

— Не оглядываться! — гаркнул бородатый стражник.

Нас привели в арестный дом и посадили в узкую мрачную камеру. Ее решетчатое окно выходило на площадь. Ярмарка кончилась. Только полинявшие мачты для лазанья уныло торчали вверх, да на месте нашего балаганчика виднелись четыре колышка.

— К окну не подходить! — сказал бородатый стражник и развязал нам руки.

Мы сели на гнилую солому в углу. Стражник принес два куска хлеба и две кружки с водой.

Мы хотели накормить Бианку. Но она не стала есть хлеба, только жадно попила воды и, вся дрожа, уселась в углу на соломе. Тогда я снял с Геновевы бархатный плащ, который и так держался на одной ниточке, и надел на бедное, дрожавшее тельце обезьянки, завязав вокруг ее шеи серебряные тесемочки. Обезьянка, нахохлившись, спрятала под плащ свои озябшие черные ручки.

— Откуда у тебя эта кукла? — спросил Пьетро, хищно сверкнув глазами.

— Это не моя кукла. Это кукла... мастера Вальтера.

— Отдай ее мне. Я подвяжу ее на нитки и буду показывать вместе с Бианкой! — сказал Пьетро.

— Это не моя кукла!

Но Пьетро уже взял Геновеву, и Бианка, протянув лапку, уже обнюхивала ее паричок.

— Отдай куклу, я расскажу тебе все про твою сестру. Я все знаю, — заговорил Пьетро.

Сердце у меня встрепенулось.

— Ох, расскажи, Пьетро! — Но тут я вспомнил отчаянные глаза Марты, когда она, сжав руки, говорила: «Кто это позволил?» — и выхватил Геновеву из рук Пьетро. — Это не моя кукла! — сказал я.

— Ну, тогда ничего не узнаешь...

— Пьетро, у меня есть другая кукла, хорошая — Пульчинелла, который раскрывает рот, — я отдам его тебе, только расскажи.

— Хороший? И рот раскрывает?

— Да, да. Самый хороший. Самый чудесный в Баварии... — повторил я слова мастера Вальтера. — Я отдам его тебе, когда нас выпустят.

— Ладно. Когда отдашь, тогда расскажу. — Пьетро улегся на соломе, подложив руки под голову. Бианка равнодушно спряталась под его куртку. Больше я ничего не мог от него добиться.

Часы тянулись медленно. Я следил, как тень от колокольни переползла площадь. Солнце шло к закату, когда безусый стражник принес нам горшок с похлебкой.

— Ну, а ты, зверь заморский, сахару, небось, хочешь? — спросил он и дал Бианке кусочек сахару. Она отправила его за щеку и радостно зачмокала.

— За что нас посадили сюда? — спросил я у стражника.

— Вот вечером приедет судья, тогда узнаете, — ответил он и, пощекотав на прощанье ушко Бианки, ушел.

На площади послышался какой-то шум. Выглянув в окно, я увидел кучку смеющихся людей, а посреди них верхом на Гекторе возвышался — кто бы вы думали? — мастер Вальтер!

Зеленый лопух залихватски торчал на его шляпе. Венки из одуванчиков покачивались над покорными ушами Гектора. Взяв свистульку в рот, мастер верещал голосом Кашперле. Пекарь, громко хохоча, вел Гектора под уздцы. Со всех сторон бежали ребята и подходили взрослые.

Пьетро вылавливал из горшка с похлебкой вкусные косточки для Бианки, а я, забыв голод, прилип к окну. Что дальше будет? Неспроста мастер валяет дурака, — наверное, пришел ко мне на выручку!

— Здравствуйте, голубчики, толстые купчики, худые слесари, веселые пекари, девушки красивые и тетушки свар-

ливые! — верещал мейстер Вальтер. — Вчера прощались, сегодня увидались. Пособите моему горю!

— Да какое у тебя горе, мейстер? — нарочно громко, так, что его было слышно на всю площадь, спросил пекарь.

— Хлопот полон рот, гостил я у господ, угостили меня пинками, наградили тумаками, в замке Гогенау свалился я в канаву! — болтал, как горох сыпал, мейстер.

— Ха-ха-ха! — раздалось в толпе.

— Уж мейстер Вальтер расскажет — животики надорвешь!

— А ну, Расскажи еще!

— По дорожке я бежал — все добро порастерял... — продолжал мейстер Вальтер.

— Что же ты потерял? — спросил пекарь.

— Подручного мальчишку, веселого парнишку, волоса кудрявые, сапоги дырявые, собой лупоглазый, лицом черномазый, — признавайтесь, кто его видал?

— Да неужто мальчишку потерял?

— Которого? Два у тебя их было?

— Без подручного как без рук! — раздались сочувственные голоса.

— Началось мое мученье — не могу играть представление! Мои куклы плачут, на нитках скачут, грозят мне пальчиком: что ты сделал с мальчиком? — трещал мейстер Вальтер, а сам беспокойно оглядывал стену и окна арестного дома.

— Хо-хо! — захохотал седой бочар. — У него куклы бунтовать затеяли!...

— Подавай, говорят, подручного, а то играть не станем! Вот так штука! — взвизгнул вынырнувший из толпы сапожник.

Пекарь подводил Гектора все ближе к моему окну.

— Я здесь, мейстер Вальтер! — крикнул я что было мочи, ухватившись за железные прутья.

— Ах, вот он где! Не думал, не гадал — за решетку попал! — крикнул мейстер Вальтер, весело махнув шляпой.

— А что, служивый, у тебя другого дела нет, как малых ребят в тюрьму таскать? — вдруг спросил он выскочившего на шум молодого стражника.

В толпе опять засмеялись.

— Вишь какого преступника нашли, — скоро грудных младенцев в тюрьму сажать будут! — крикнула какая-то тетка в цветном чепчике.

— Разбойники все на свободе, а честных ребят под замок запирают! — гаркнул незнакомый парень.

Вся толпа была на моей стороне.

— Что их обижать — люди веселые, всех забавляют. А тут в арестный дом! — подзуживал соседей сапожник.

Тогда я набрался духу и, высунув Геновеву в окно, крикнул:

— Вот какой арестный дом — плачет кукла под замком!

Хохот так и покатился по рядам. «Вот какой арестный дом — плачет кукла под замком...» — запели многие. Мейстер Вальтер перехватил у меня Геновеву и, потрясая куклой над толпой, закричал:

— Вот до чего мы дожили! Мало того, что ребят — еще кукол под арест берут!

— Да что они, в самом деле? Чего мальчика морят! Мы все мастера знаем! — взвизгнула тетка.

— Будет дурака валять, служивый, отпирай замки! — крикнул бочар.

Толпа смеясь напирала на стражника.

— Стыдно! А еще стража! Правосудие! Ребят да кукол арестовывают.

— Да я что ж? Что приказано, то и делаю... — оправдывался молодой стражник, красный, как рак, под градом насмешек. — Я сам вижу — парнишки не плохие.

— А, сам видишь? Так снимай замок!

Еще минута, и стражник уступил бы напору толпы, но тут послышался конский топот, и на рыжей лошаденке подскочил судья в зеленом мундире, а за ним два стражника. Толпа сразу отхлынула и замолчала. Молодой стражник вытянулся в струнку на крыльце.

— Почему тут толпа? — спросил судья, спешившись и вытирая пот с лица красным платком. Он окинул толпу орлиным взглядом и приосанился. — Что вам нужно?

— Мальчишку моего забрали, господин судья! — ответил мейстер Вальтер. — А мне без подручного никак не обойтись. Отпустите его, чего зря держать?

— Как? — сказал судья, с важностью выпятив нижнюю губу. — Как отпустить? Он у госпожи бургомистерши бриллиантовую брошь украл. Это настоящий разбойник!

В толпе ахнули. Мейстер Вальтер даже покачнулся.

— Какую брошь? — спросил он охрипшим голосом.

— А вот какую. — Судья, довольный тем, что его, затаив дыханье, слушает вся толпа, стал наставительно рассказы-

вать: — Вчера госпожа бургомистерша каталась в коляске с маленьким сыном. В Альтдорфе какой-то мальчишка показывал обезьянку на улице. Госпожа бургомистерша с маленьким сыном вылезла из коляски и долго забавлялась обезьянкой. Приезжают домой — хватъ, пропала брильянтовая брошка, которой госпожа бургомистерша закалывает кружево на груди. Мальчишка пойман и будет наказан.

— Смею сказать, господин судья, — вмешался молодой стражник, — пойманы двое мальчишек. Один — с обезьянкой, другой — с куклой.

— Оба будут наказаны кнутом и посажены в тюрьму, чтобы воры и бродяги не шатались по нашим дорогам! — твердо и отчетливо сказал судья.

У меня подкосились ноги. Я так и сел на пол под окном. «Оба будут наказаны кнутом». Пьетро ничего не понял и спокойно вылизывал горшок из-под похлебки. Я прислонился головой к шершавой стене. Как сквозь сон, я услышал крик мейстера Вальтера:

— Это неправда! Я пойду к бургомистру!

— Идем к бургомистру! — крикнул еще кто-то, и шаги протопали под окном.

Мы будем наказаны кнутом!

Я очнулся, когда молодой стражник потряс меня за плечо.

— Эх, малый, раскис... — сочувственно сказал он. — Пойдем к судье... Оставьте обезьянку здесь, идем на допрос.

— Нет! — закричал я. — Не пойду! Не пойду! Нас будут бить!

— Да не бить, а на допрос... Ступай, ступай, — судья, может быть, по правде рассудит! — ответил стражник.

Пьетро покорно шел впереди. В сводчатой комнате за столом сидел судья. Я видел его рыжий парик и серебряные очки на крючковатом носу, но не понял, что он спрашивает. Стражник толкнул меня в плечо и сказал:

— Да отвечай же, куда ты сплавил брошку?

— Я не брал брошки... — еле пролепетал я.

— Так. Запирается... — сказал судья и записал что-то на бумаге гусиным пером. Потом он стал спрашивать Пьетро.

Пьетро сначала не понимал, а когда понял — закричал, замахал руками, клялся и божился, что он не брал брошки, потом упал на колени, бил себя в грудь и плача просил судью отпустить его к больной матери.

— Так. Запирается... — повторил судья. — Наказать их обоих кнутом и заключить в тюрьму!

Сводчатый потолок пошел вокруг меня колесом. Пьетро громко рыдал... Вдруг с треском распахнулась дверь, и, отталкивая дюжих стражников, в комнату ворвался мейстер Вальтер. Он размахивал над головой каким-то листком и тащил за рукав курносого детину в голубой ливрее. За ними, крича и топая, вперлась толпа.

Судья застыл, разинув рот. Мейстер хлопнул на стол листок.

— Вот! — крикнул он. — Письмо от господина бургомистра, а вот его камердинер!

— В чем дело? — пробурчал судья, глядя поверх очков.

Курносый детина подошел к столу.

— Господин бургомистр свидетельствует свое почтение господину судье и сообщает, что брошка нашлась за подушками коляски.

— Ура! — заорали все, кто вперся за мейстером.

Меня и Пьетро схватили на руки и вынесли на улицу. От свежего воздуха у меня перехватило дух. Все махали шапками, голосили, качали мейстера Вальтера так, что его подбитые гвоздями сапоги взлетали над крышей. Пекарь, радостно хохоча, хлопнул меня по спине.

— Отстояли мы тебя, парнишка!

Молодой стражник, улыбаясь во весь рот, вынес обезьянку в синем плаще. Она проворно забила за пазуху Пьетро. Мейстер пожимал руки друзьям и собирался влезть на Гектора. Я дернул его за рукав.

— Можно Пьетро пойти с нами, мейстер?

— А это кто? Твой земляк? Пускай идет, накормим его ужином. Вишь как осунулся.

Мы сели на Гектора — я впереди, за мной мейстер Вальтер с Геновевой в кармане, а позади Пьетро с обезьянкой. Так поехали мы впрягом по улицам Тольца, а веселая толпа провожала нас, распевая песни.

ЦЕНОЙ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ

В полях поднимался густой туман. Меня знобило. Гектор бежал бодрой рысцой, и каждый его шаг отзывался болью у меня в голове.

Мейстер Вальтер бранился:

— Подумаешь, велика беда — брошка пропала у госпожи бургомистерши! Да и не пропала вовсе, а они — совесть у них нет! — уже ребят в тюрьму тащат! Перед знатью так трясутся, что разом теряют, окайнные!

— А нас наказали бы кнутом, если бы ты не пришел? — спросил я, с трудом поднимая горевшие веки.

Мейстер Вальтер ничего не ответил, только причмокнул губами, торопя Гектора.

Я дрожал все сильнее. На холме показались огоньки Нейдорфа.

Вдруг по дороге с холма побежали две темные фигурки. Одна прихрамывала, у другой за плечами развевался платок. Это Марта и Паскуале бежали нам навстречу.

— А, птички-невелички по небу летят — перышки блестят, — заверещал мейстер и, переменив голос, запел басом: — а на Гекторе верхом едут гости впятером. Марта, угадай, кто у нас пятый?

Марта, запыхавшись, вглядывалась в сумерки.

— Иозеф! — радостно крикнула она и протянула руки.

— Нет, Иозеф сегодня первый. Он у нас — герой. А кто пятый?

Паскуале тоже подбежал и ласково хлопал меня по ноге.

— Вернулся, Пеппино!

— Пауль, кто у них пятый?

Марта осторожно вглядывалась в Пьетро.

— Пьетро! — крикнул Паскуале. — Откуда ты взялся?

— Пьетро — третий, его обезьянка — четвертая, а пятый — вот кто! Держи! — И мейстер Вальтер протянул Марте Геновеву.

— Геновева! — Марта прижала к себе куклу.

— Мы взяли у Геновевы плащ, Марта, потому что обезьянка замерзла... — начал говорить я, но в горле у меня так запершило, что я закашлялся.

Мы подъехали к корчме и взошли на высокое крыльцо. Огонь пылал в очаге просторной кухни. Фрау Эльза поставила на стол сковородку с жареной колбасой, и все сели ужинать. Мне не хотелось есть, я забрался на сундук и подобрал ноги.

— Иозеф болен, смотрите, какой он бледный! — воскликнула фрау Эльза.

Она напоила меня горячим молоком, растирала мне заочевенные руки и рассказывала:

— Мейстер Вальтер всю ночь сидел на крылечке, все тебя поджидал. А Марта, как узнала утром, что Иозеф не вернулся, давай плакать. Бедный Иозеф, говорит, верно, он попался лакеям, его, верно, побили! Лучше бы, говорит, Геновева пропала, чем Иозеф!

Я постарался улыбнуться Марте. Геновева сидела у нее на коленях. Марта и Паскуале наперебой угощали серую Бианку, а она гримасничала и радостно причмокивала на плече у Пьетро. Пьетро жадно ел, поглядывая на всех исподлобья.

После ужина мейстер Вальтер вышел на крыльцо покурить. Фрау Эльза убирала посуду, а Марта, порывшись в сундуке, сняла зеленые бархатные штанишки и теплую курточку с одного охотника, у которого была поломана нога, и надела их на Бианку. Бианка сразу стала нарядная и важная. Суший егерь!

Тогда я попросил Паскуале достать мне того Кашперле, который прежде был Пульчинеллой. Паскуале принес мне его.

— Пьетро, взгляни, вот какой Пульчинелла. У него подбородочек сломался, но ведь это только проволока погнулась. Завтра я исправлю ее, и он будет раскрывать рот, вот так! — сказал я.

Пьетро взял вагу, заставил Пульчинеллу походить, побегать, ощупал и осмотрел его со всех сторон.

— Ну, даешь мне его? — спросил он наконец.

— Даю, только Расскажи, что обещал.

Паскуале молча прислушивался. Марта играла с Бианкой.

— Так вот, когда Якопо пришел к нам из Венеции, он говорил, что встретил на набережной... этого, как бишь его... резчика?

— Дядю Джузеппе? — подсказал я.

— Вот, вот, его самого. Он сказал: если увидишь мальчишку — Джузеппе, — который у меня работал, скажи, что ко мне приходила его сестра... Она плакала...

— Плакала?

— Да. Она тебя разыскивала. Тетка Теренция послала ее к резчику...

— Ну, ну?

— Она хотела взять тебя к себе... Она вышла замуж за стекольного мастера и стала теперь важная, богатая — твоя сестра. И они уехали совсем из Венеции...

— Куда же они уехали?

— Важный барин дал ему много денег — этому стеклоделу, — чтобы он устроил ему стекольную фабрику на чужой стороне. Они и уехали...

— Но куда же, куда?

— А я почему знаю... Якопо знал, да забыл...

Я сидел, как одурманенный. Урсула разыскивала меня, Урсула хотела взять меня к себе... Если бы я не ушел тогда из Венеции, я жил бы теперь у моей сестры, а не скитался бы один-одинешенек по чужим людям... Тоска защемила мне сердце.

— Везет тебе! И всегда везло! — вдруг злобно сказал Пьетро. — Там, в Венеции, за тебя сумасшедший синьор деньги платил ни за что ни про что... Тут ты живешь у кукольника — как сыр в масле катаешься... И еще сестра тебя разыскивает, хочет к себе взять... Счастливчик, — видно, в сорочке родился!

Я посмотрел на него. Злые слезы стояли у него в глазах. Мне и в голову не приходило, что я счастливчик... Но Пьетро... Пьетро был уж совсем один, на чужой стороне. Пускай он возьмет моего Пульчинеллу. Я протянул ему куклу...

— А где же колпачок? — спросил Пьетро.

Паскуале достал колпачок и балахончик Пульчинеллы, отвязал нитки и стал переодевать куклу. Он без слов понял, за что я заплатил Пьетро своим Пульчинеллой.

— Это еще что? — вдруг загремел над нами голос мастера Вальтера. — Чьи это шутки? Зачем ты переодеваешь Кашперле?

— Я отдал его Пьетро... — заговорил я.

— Отдал Кашперле? Да ты с ума сошел? Чтоб я позволил... — Мастер Вальтер выдернул куклу из рук Паскуале. — ...лучшую куклу отдать из театра? Дудки!

Я хотел рассказать мастеру обо всем, но вдруг все немецкие слова вылетели у меня из головы... Я схватил его за руку, он оттолкнул меня, и я заорал так, что сам испугался своего голоса. Тут перед мастером очутилась Марта.

— Дай, дай сюда Кашперле, отец! — крикнула она. — Иозеф должен отдать его этому мальчику! — У Марты сверкали глаза, а голос был такой настойчивый, что мастер выпустил куклу из рук.

— Я слышала, я поняла... этот мальчик принес им

вести с родины... — говорила Марта. — А Кашперле все не наш, Иозеф сам его сделал... Иозеф заслужил это, отец... — Тут Марта заплакала.

— Ну, ладно, дочка, будь по-твоему. Не сердись, Иозеф. Кукла по праву — твоя, а не моя. Уж очень мне жаль было выпускать из театра такого славного актера. — Мейстер Вальтер положил мне на плечо свою широкую ладонь.

— Я сделаю вам другого Кашперле, мейстер Вальтер, — собрав последние силы, сказал я. Потом темнота хлынула мне в глаза, и я забылся.

... Баронессочка в паре с Бианкой танцевала менуэт. Я шарил по полу, ища Геновеву. Из темноты выплыло лицо мсье Дюваля. «Я знаю, куда уехала Урсула! Пойдем!» сказал он. Я уж хотел было итти, как вдруг крючконосый судья в серебряных очках поволок меня на виселицу. Я знал, что надо накинуть ему на шею петлю, а самому удрать, как делает Пульчинелла, когда сбир тащит его на виселицу, и для этого я превратился в Пульчинеллу. Сломанный подбородок ужасно болел у меня. Нитки больно дергали руки и ноги, особенно меня мучила спинная нитка. Она вонзилась в спину, как раскаленное железо. Я старался задрать голову и посмотреть, кто держит мою вагу и безжалостно треплет меня. Наверное, это кто-нибудь из маленьких гостей баронессочки так озорничает. А я должен был узнать, куда уехала Урсула.

— Эй, полегче там! Не дергайте! Это вам не игрушки! — крикнул я.

— Пеппо, миленький, лежи спокойно... скоро приедем, — жалобно ответил Паскуале.

Открыв глаза, я видел над собой зеленые ветки и ясное небо, а потом опять наступала темнота. Толчки и дерганья терзали меня. Наконец боли унялись, — я очутился в гондоле и тихо поплыл в сияющую даль лагуны.

Я был долго болен горячкой. Закутанного в платки, меня повезли на тележке в Фридрихсталь, где наш театр собирался играть. Дорога была неровная, тележку трясло и подбрасывало, а мне казалось, что меня дергают за нитки. Зато как хорошо было потом выздоравливать!

Лето наступило теплое. Липы шелестели вокруг хорошенького домика, где мы остановились у родных фрау

Эльзы. Я лежал в маленькой каморке на чердаке. В мое оконце пахло сеном и жужжа залетали пчелы. Фрау Эльза ухаживала за мной, добрая и спокойная, как Урсула. Марта не уставала слушать мои рассказы о том, как я добывал Геновеу из замка, как попался сельскому сторожу и как мейстер Вальтер освободил меня из арестного дома. Ее восхищенные глаза говорили мне, что я — герой. Паскуале прибегал ко мне с полевыми цветами в руках, а однажды притащил даже маленького скворца с помятым крылом. Скворец ел хлебные крошки и скоро стал совсем ручной.

Мейстер Вальтер шутил:

— А ну, посмотрю я, кто скорее поправится — скворушка или Иозеф? Не отставай от пичужки, Иозеф, гляди, как она весело прыгает. А без тебя у нас дело стоит.

Я и сам знал, что без меня дело стоит. Надо вырезать нового Кашперле и починить всех кукол, сломанных ребятами в замке, а то нельзя играть «Геновеу».

Мейстер Вальтер звал Пьетро работать в театре, но тот не захотел. Он взял Бианку, взял Пульчинеллу, прихватил лакомства, которые Марта припасла для Бианки, и ушел своей дорогой, пока я еще был без памяти. Говорил, что пойдет на родину.

Когда все уходили на представление, а я оставался один на чердаке, мне бывало грустно. Я все думал о моей сестре.

Скворец выздоровел и улетел раньше, чем я встал с постели.

НОВЫЙ ЗНАКОМЕЦ

— Ума не приложу, о чем вы вечно шушукаетесь с Мартой? Какие у вас могут быть секреты? Если про кукол, так я наверняка больше понимаю в куклах, чем Марта. Знаю, какой кукле надо набить свинец на подошвы, чтобы она хорошо ходила... Для любого движения могу нитки провести... — горько упрекал я Паскуале.

— Не про кукол, не про кукол, Пеппино, а про что — скоро узнаешь! — рассмеялся Паскуале и убежал с Мартой в село покупать на базаре лоскутки для кукольных платьев.

Я опять остался один. Мейстер Вальтер тоже ушел в село. У фрау Эльзы болели зубы, и она, завязав щеку, прилегла отдохнуть. Еще слабый после болезни, я с трудом сполз с чердака и, взяв свою работу, уселся на крыльчке. Был тихий летний вечер. Мошки танцевали в теплом воздухе, суля ясные дни. В палисаднике перед крыльчком адели штрокрузы.

Мне было обидно. Пока я болел, у Марты с Паскуале завелись секреты. Даже язык свой, особый появился. Вот сегодня услышали мы почтовый рожок; Паскуале зачем-то выскочил на улицу, а когда вернулся, Марта давай хохотать. Скажет «журица», и они оба помирают со смеху, а я ничего не понимаю. Или вчера за обедом Паскуале вдруг спросил, кого называют «уважаемый»: одних лишь дворян или простого человека тоже можно назвать «уважаемый»?

— По мне, если человек хороший и честный, так он и есть «уважаемый», а дворянство тут ни при чем, — ответил мейстер Вальтер, отправляя в рот картофелину.

— Ага! — Паскуале подмигнул Марте, а она почему-то покраснела и заерзала на стуле от смущения.

Раздумывая об этом, я подвязал уже одетую в новое платье Геновеву на новые нитки и повесил вагу на ветку отцветшей сирени.

«Пускай Марта посмотрит, как красиво сидит Геновева среди темной зелени, будто в гроте!» подумал я и принялся гнуть проволоку, чтобы прикрепить ножки новому Кашперле.

— Эй ты, черномазый! Что ты тут делаешь? — послышалось вдруг.

Я вздрогнул.

Какой-то парнишка глядел на меня из-за забора. Зеленая суконная шапочка лихо сидела на его белокурой голове. Голубые глаза задорно блестели.

— Эх, ты, чучело-чумичило, чего глазищи выпучило! — запел он и сел верхом на забор. — Что ты делаешь?

— А тебе какое дело? — нехотя ответил я и подумал: «Еще привяжется, а я от слабости даже тумака хорошего дать не могу».

— Спрашиваю, значит, есть дело. Что ты ковыряешь?

— Проходи своей дорогой.

— Вот моя дорога! — Парнишка соскочил с забора и пошел прямо ко мне.

Он был выше меня и шире в плечах. За спиной у него висела дорожная котомка. Над короткими грубыми чулками виднелись загорелые колени.

— Уходи! — крикнул я и невольно поднял к плечу руку с острым ножиком.

— Вишь как ошетинился! — рассмеялся парнишка. — Крылечко, небось, не твое. Нечего меня прогонять. — Он спокойно снял котомку и сел на ступеньки рядом со мной.

Я сделал вид, что мне на него наплевать, и продолжал работу, а сам злился.

— Ну, и дурак же ты! — вдруг сказал он.

— Ты сам осел! Уходи отсюда! — рассердился я.

— Осел я или нет, это мы еще посмотрим. А что ты дурак — сразу видно. Гляди, как ты ему ножки приделал!

Я взглянул и ахнул. Злясь на мальчишку, я и не заметил, что приделываю ножки Кашперле пятками вперед, а носками назад. Мне стало стыдно, даже щекам горячо стало. Забыв огрызнуться, я поспешно разогнул проволоку. Парнишка беззаботно насвистывал песенку.

— А, Геновева! — Он подошел к кусту и снял вагу с ветки.

Этого я уже не мог стерпеть! Он испортит Геновеву или, чего доброго, украдет ее! А я даже не могу догнать его, потому что у меня от проклятой слабости ноги не слушаются.

— Не смей трогать куклу! Ты ее испортишь! — крикнул я.

— Я-то испорчу? — усмехнулся парнишка и ловко повел Геновеву по дорожке.

Он украдет ее! Я вскочил. Геновева, шурша маленькими ножками по песку, бежала впереди парнишки, как будто он век управлял куклами. Я побрел к нему, держась рукой за стенку.

— Выйдем, душенька, гулять, на лугу цветочки рвать... — напевал парнишка, заставляя Геновеву приплясывать.

На улице слышались знакомые голоса. Сквозь щели забора мелькнула красная юбочка Марты. Этого еще не доставало! Сейчас придет Марта и увидит свою Геновеву в руках у чужого бродяжки! Я опять не защитил Геновеву!

— Оставь куклу! — крикнул я еще раз и, собрав силы, бросился на него.

Он ловко отскочил. Калитка скрипнула. Парнишка повернул голову. Сейчас войдет Марта...

— Руди! — крикнула Марта и бросилась к нему на шею. — Руди!

Марта смеялась, целовала парнишку в обе щеки и тормошила воротник его куртки. Он тоже смеялся и, выпустив из рук Геновеву, хлопал Марту по плечу.

— Руди пришел! Мама, наш Руди пришел! — ликовала Марта.

Паскуале запрыгал, как воробей, и тоже завопил:

— Руди пришел!

Фрау Эльза с завязанной щекой выбежала на крыльцо. Руди сдернул свою шапочку и крепко обнял ее.

— А, Рудольф! Здорово, дружище! Да как ты вырос! Молодец — хоть под венец! Нога выздоровела? — покрывая все голоса своим басом, загудел подошедший мейстер Вальтер.

Он тряс Руди за руку. Марта, сияя глазами, висела у Руди на другой руке. Руди не успевал отвечать на радостные вопросы.

Я подобрал забытую всеми Геновеву и присел на ступеньки. От слабости у меня кружилась голова.

Руди развязал свою котомку и затараторил:

— Хозяйке угощение — вишнее варенье, сладкое, что мед, в рот само ползет, моя матушка варила, поклониться вам просила.

Руди с низким поклоном подал фрау Эльзе горшочек, туго завязанный бычьим пузырем.

— Спасибо, вот спасибо! Уж Кристина всегда вспомнит старую подругу, — улыбнулась растроганная фрау Эльза.

— Нашему мастеру — сверточек кнастеру, мелко протерт, крепкий, как чорт! — Руди протянул ошеломленному мейстеру сверток с табаком и торопливо повернулся к Марте.

— Птичке-невеличке — теплые рукавички, тоже матушка посылает на зиму... А от меня ленточку в косу, не знаю, понравится ли... — прибавил Руди.

— Ах! — Марта, покраснев до ушей, держала в руке узорные рукавички и голубую ленту с вышитыми розами. Концы ленты трепетали, как крылья бабочки.

— Какая красивая! Верно, дорогая? Откуда ты достал ее, Руди? — восхитилась фрау Эльза.

— Купил в Мюнхене. Марта, а тебе нравится?

— Ох, нравится! — счастливо вздохнула Марта.

— Руди — шалопай! — Мейстер Вальтер хлопнул Руди по плечу. — Полгода прогулял, не работал, а на ленту деньги истратил.

— Честное слово, мейстер, я все время зарабатывал! Я из дерева научился вырезать, пока у меня нога бодела... Ложки, вилки, ящички — все вырезывал, матушка потом продавала их на рынке, а я деньги копил, — весь красный, оправдывался Руди.

— Полгода копил, чтобы на ленту для девчонки ухlopать? Ах, ты, сорвиголова!

— Я теперь буду кукол вырезать. Смотрите, мейстер. — Смущенный Руди торопился заговорить зубы мейстеру и вытащил из котомки четыре кукольных головки.

— Вот это дело! Значит, у нас теперь два настоящих резчика — Иозеф и Руди! Можем новое представление сделать, — обрадовался мейстер Вальтер. Руди быстро и недружелюбно взглянул на меня.

За ужином он рассказал, как шел пешком из Шварцвальда, и передал мейстеру поклоны от разных друзей. Марта не спускала с Руди блестящих глаз. Фрау Эльза накладывала ему лучшие куски на тарелку. Мейстер Вальтер советовался с ним, куда идти с театром, какие пьесы играть.

— Я встретил старого Петера Штольпе с его театром, он говорит — в Саксонии сейчас хорошо. В самом Лейпциге можно снять балаган для театра, и каждый день будет полно народом, — рассказывал Руди с набитым ртом. — Сделаем новое представление, мейстер, и пойдем в Саксонию!

— Идет! Сделаем «Удивительные приключения Меншикова», давно мне хочется «Меншикова» представить!

— Нет, мейстер, «Меншикова» полиция не позволит играть. Там ведь русский царь Петр показывается — русские обидятся могут, а саксонцы их боятся. Ах, мейстер, сейчас в городах больше всего любят «Дон Жуана» и французские комедии! Вот мне Штольпе дал одну... животики надорвешь от смеха, называется «Мнимый больной»... Кукол всего двенадцать надо... — Руди вытащил из котомки смятую, исписанную кругом тетрадку.

В тот же вечер решено было сделать кукол для «Мнимого больного» и подновить старых, которых мы выпускали отдельными номерами — жонглеров, акробатов, карликов, скелет с косой и плясунов. Наутро мы вышли из Фридрихс-таля.

Все в театре плясали под веселую дудочку Руди, даже мейстер.

Паскуале скоро подружился с Руди. Только меня Руди сразу невзлюбил и частенько называл «черномазым».

Он передразнивал меня и перевирал все мои слова.

— Иозеф, ты не знаешь, куда мама пошла? — спрашивает Марта.

— Она пошла на базар, — говорю я.

— На пожар? Где горит? — кричит Руди. — Фрау Эльза, вы были на пожаре? — спрашивает он вернувшуюся с базара фрау Эльзу.

Все смеются.

Я работаю на сцене, пристраиваю новые перильца к тропе.

— Не помочь ли тебе, Иозеф? — лукаво спрашивает Руди.

— Помоги, — угрюмо ствечаю я, — поддержи рейку вот тут, надо мной, пока я закреплю ее нижний конец.

— Сейчас! Сейчас! — кричит Руди и выбегает в палисадник.

Я стучу молотком и думаю: «Хорош помощник! Сам назвался и сразу же улепетнул!»

Вдруг холодная струя льется мне за шиворот. Я весь мокрый. На тропе стоит Руди и поливает меня водой из садовой лейки.

— Да ты что? Очумел? — кричу я, отряхиваясь от брызг.

— Но ведь ты сам, Иозеф, попросил меня поддержать над тобой лейку!

— Лейку? Рейку, дурья твоя голова!

— Ах, рейку? Ну, прости, голубчик, мне послышалось «лейку»!

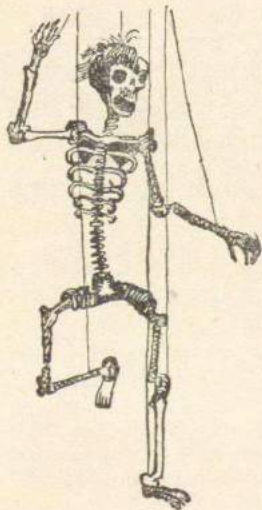
Все опять смеются.

«Постой же, — думал я, — уж я тебе покажу, кто лучше вырезывает кукол!»

Я кончил делать нового Кашперле и отдал его мейстеру. Новый Кашперле не только разевал рот, но и глазами вертел во все стороны.

Руди презрительно сморщил нос и пожал плечами — подумаешь, невидаль.

Руди починил скелет и подвязал его на нитки так, что

Кукла-скелет.

он, танцуя, распадался на отдельные косточки. Каждая косточка плясала сама по себе, а потом они опять собирались вместе, и скелет был как целый. Тогда я провел новые нитки Кашперле. Теперь Кашперле мог есть свою любимую колбасу на глазах у зрителей. Кусочки колбасы сами прыгали в его разинутую глотку. Этот номер очень понравился зрителям.

— А ну, угости его колбаской! Пускай ест! — кричали они, завидев Кашперле.

Еще я сделал старичка, который закуривал трубку и клубами пускал дым из рта.

Руди не мог перещеголять меня в деланье кукол. Зато он побивал меня во всем другом. Он знал все: в какой деревне стоит представлять, а в какой не стоит; куда надо спешить к базарному дню; как упро-

сить упрямого сельского сторожа, чтобы он позволил нам поставить на площади балаганчик; где найти ночлег... Он писал декорации, распевал, как чиж, и водил кукол не хуже самого мастера. Марта и Паскуале захлебывались от восторга, когда Руди вел Кашперле и молил такую смешную ерунду, что весь балаганчик стонал от хохота.

— Не смейся меня, Руди, — умоляла Марта, — а то я уроню куклу и забуду, что надо говорить!

Но Руди все-таки смешил ее.

Однажды, когда я совсем выздоровел, мастер Вальтер велел мне водить старого Вольфа в «Геновеве». Вольф был верный друг Зигфрида и ходил с ним на войну. Я в первый раз говорил по-немецки перед публикой и старался чисто выговаривать слова. И вот в последней сцене, когда Зигфрид уже нашел Геновеву в лесу и вместе с ней любит ее сыночком, я дернул Вольфа за ручные нитки и растроганно сказал, как полагалось:

Взгляните, как прекрасна Геновева,
Когда с малюткой тешится она.

— Чешется! — громким шопотом сказал Руди. — Малюткой чешется!

— Пфф... — Паскуале прыснул и чуть не уронил охотника.

Геновева дрогнула и подогнула колени, потому что Марта затряслась от смеха. Голос Зигфрида выдал, что и мейстеру смех забрался в горло. Руди заставил своего Кашперле подскочить к Вольфу и громко взвизгнул:

— Чешется! Малюткой чешется? Ты стал итальянцем, старый Вольф? У тебя каша во рту?

Зрители захохотали. Я совсем растерялся. Мейстер и Марта, давась от смеха, еле довели сцену до конца. Фрау Эльза поспешила опустить занавес.

— Чешется! Ой, не могу! — всхлипывала от смеха Марта, приткнувшись головой к тропе. Мейстер то вытирал смешливые слезы, то опять хохот сотрясал его широкую грудь:

— Ох, Иозеф, беда нам с тобой!

Марта, смеясь, рассказывала фрау Эльзе, что их так рассмешило.

— Разве неправда, что у всех итальянцев каша во рту? — дерзко взглянул на меня Руди, сматывая нитки.

— Неправда! Я сказал «тешится!» — крикнул я.

— Сказал, да никто не слышал! Эх, ты, чумазая обезьяна!

У меня сердце упало и руки похолодели. Я бросился к Руди и вцепился в его плечо. Руди крепко схватил меня за руки.

— Хочешь драться? — спросил он шопотом, глядя мне прямо в глаза. — Бери палку, идем на пустырь. Кто будет побит, тот уйдет совсем от мейстера Вальтера.

Паскуале и Марта убирали кукол. Мейстер возился за сценой. На нас никто не смотрел. Мы схватили рейки, приготовленные для новых декораций, и побежали через площадь на пустырь, поросший лебедой и репейником.

«Хорошо! — думал я, перелезая плетень. — Кто будет побит, тот уйдет из театра навсегда...» И я знал, что скорее умру, чем попрошу пощады.

— Готовься! — крикнул Руди, выставив ногу вперед и занося рейку над головой.

Я стиснул зубы и размахнулся. Трах! — Наши рейки ударились одна о другую. И пустырь, и заходящее солнце, и колокольня — все завертелось вокруг нас.

— Го-го! Петухи! — донесся откуда-то голос мастера.

— Держись! — крикнул Руди, наступая на меня.

Я увернулся и в свою очередь напал на него.

— Это что за глупости? Руди! Иозеф! Очумели вы оба! Да я вас обоих вздую! — грозно кричал мастер Вальтер. Он перебежал пустырь и, не боясь ударов, стал между нами.

— Волчата! Давайте мне палки! Вот я вас! — Мастер схватил нас за шиворот и встряхнул так, что в глазах потемнело. Он вырвал у нас рейки и сунул их под мышку.

— Полюбуйтесь, как хороши! У одного — губа как слива, у другого — фонарь под глазом! Ступайте умойтесь и больше не драться!

Мы молчали и не смотрели друг на друга. Мастер, ухватив нас под руки, тащил обоих на площадь к водоему, где крестьяне поили лошадей, и бранился.

— Я уже давно вижу, что у вас руки чешутся друг другу бока намять! Да все думал: опомнятся ребята, не маленькие, небось. А они — палками друг друга... Ах, вы, петухи безмозглые! Ты, Рудольф, смотри у меня! Я твои шутки знаю. Если попрекнешь еще раз Иозефа, что он итальянец, я тебе прямо скажу: убирайся, нам таких злых дураков не надо! Я не посмотрю, что сам собирался под старость тебе с Мартой театр оставить... Я не погляжу, что у нас с твоей матушкой все сговорено. Какой же из тебя выйдет хозяин театра, если ты мастеров ценить не умеешь? Да такого резчика, как Иозеф, нигде не найдешь. Его любить, его беречь надо! Иозеф не виноват, что итальянцем родился!

Я вздрогнул и взглянул в загорелое лицо мастера. Его последние слова полоснули меня, как ножом. «Не виноват, что итальянцем родился!» — значит, я все-таки хуже их обоих, хотя и не виноват в этом? Значит, меня можно любить и беречь только потому, что я хороший резчик и без меня дело станет? А итальянцы все-таки хуже немцев? Я опять взглянул на мастера, ища глазами его добрую усмешку, но мастер расходилась не на шутку.

— Нечего тебе глазами сверкать, Иозеф! Ты эти глупости брось! Я вашу итальянскую дурь знаю. Чуть что — за ножи хватаетесь. Подумаешь, гордец какой! Невелика беда, если над тобой разок посмеялись! Живо, умывайтесь!

Руди нагнулся под струю воды из жолоба и обливал себе голову. Я стоял, ошеломленный своими новыми мыслями. Ведь я привязался к мастеру, и к фрау Эльзе, и

к Марте, совсем не думая, что они — немцы. Полюбил их просто потому, что они хорошие.

Когда я умылся, мейстер скомандовал:

— А теперь дайте друг другу руки и помиритесь! В театре все должны дружно жить.

Повеселевший Руди с прилипшими ко лбу светлыми кудрями протягивал мне руку.

— Будем друзьями, Иозеф! Я виноват и больше тебя дразнить не стану.

— Молодец, Рудольф! — воскликнул мейстер. — А теперь живо, сцену складывать. Завтра выходим в путь!

Я сидел в темных сенях, забравшись с ногами на кукольный сундук, и все припоминал слова мейстера Вальтера и его сердитое лицо, когда он говорил об итальянцах. Мы были здесь чужие. Нас ценили потому, что мы хорошо работали. Но если бы Руди работал плохо, в десять раз хуже, чем я, — мейстер Вальтер и Марта все равно любили бы его больше, чем меня. Ведь он для них был свой, а я — чужой.

В кухне кончали ужин, и мейстер Вальтер, рассказывая что-то, раскатисто хохотал.

— Пеппо! Пеппо, ты где? — крикнул, вбегая в сени, Паскуале.

Я не отозвался. Но зоркие глаза Паскуале, привыкнув к темноте, разглядели меня на сундуке.

— Пеппино, что ты? Зачем ты сидишь здесь? — встревоженно спросил он и сел ко мне на сундук.

Мне было стыдно плакать, но от ласкового голоса Паскуале я все-таки чуть не заревел.

— Что с тобой, Пеппо, миленький? — обнял он меня.

— Мне хочется уйти отсюда, Паскуале, — заговорил я. — Я пойду разыскивать мою сестру, а ты, если хочешь, оставайся здесь.

Паскуале задумался.

— Слушай, Пеппо, что я тебе скажу! До Регенсбурга уже недалеко. А ведь там живет синьор Манцони. Синьор Гоцци, наверное, написал ему письмо для нас; может быть, он написал, куда уехала Урсула. А так — где ты ее найдешь? Потерпи еще немного. Мы скоро придем в Регенсбург.

— Хорошо, Паскуале, — сказал я, — пойдем в Регенс-

бург. Ты останешься там учиться музыке, если захочешь, а я пойду искать сестру.

Паскуале развеселился.

— Знаешь, Пеппо, о чем мы секретничали с Мартой? Помнишь, ты обижался? Я написал дяде Джузеппе письмо, когда ты был болен. Я спрашивал его, не знает ли он, куда уехала Урсула? Я так плохо написал адрес на конверте, что почтмейстер даже глаза вылупил и говорит: «Тут у вас, видно, курица наследила!» Мы с Мартой тогда много смеялись. Я попросил Марту написать адрес, и мы не знали, как пишется на конверте: уважаемому или почтенному? Я тогда ждал ответа от дяди Джузеппе с каждой почтой. Но ответ не пришел, — вздохнул Паскуале. — Может быть, мы все-таки плохо написали адрес. Ну, ничего, мы скоро придем в Регенсбург. Знаешь, мне очень хочется поучиться музыке и пению.

Я слушал его веселую болтовню, и мне захотелось поскорее добраться до Регенсбурга.

РАССТАВАНЬЕ

Мейстер Вальтер сначала и слышать не хотел, что мы уйдем из его театра.

— Бросьте, ребята, — говорил он. — Вы уже привыкли к вольной жизни, вы — птицы перелетные, вам в городе не усидеть за книгой. Какие там книги? Вот лучшая книга, я ее всю жизнь читаю и мудрее не видал! — Мейстер Вальтер, переложив вожжи, указал своей широкой ладонью на дорогу, шедшую среди полей. — Сколько городов, сколько людей перевидал я на своем веку. Побольше иного профессора о своей стране знаю. Где ему, профессору, с мейстером Вальтером тягаться? Сидит он в своей конуре да глаза слепит над старыми, пыльными книгами. А у нас с вами, ребята, весь мир как на ладони! Да и скучать вы будете без театра. Не было еще такого человека, который раньше работал с марионетками, а потом, занявшись другим делом, забыл бы своих деревянных актеров. Все равно, рано или поздно вы к этому делу вернетесь!

Но мы не отступали от нашего решения идти в Регенсбург.

Я спешно вырезывал куклы для «Мнимого больного».

Дракон.

Я работал каждую свободную минутку — то в перерыве между представлениями, то на привале в лесу, то на ночлеге, когда Руди и Паскуале уже спали. Я сделал толстого Аргона, который здоров, как бык, а воображает себя больным, его хорошенькую дочку Люсинду, веселую служанку Туанетту, ученого доктора Диафуаруса и его глупого сына. Остальных кукол взялся сделать Руди. Мы больше не ссорились. Руди не задирает носа, а, наоборот, просил меня, чтоб я помог ему собирать кукол.

Так мы дошли до Штаубинга, где должны были расстаться с театром. Мастер Вальтер не захотел идти в Регенсбург.

— Там попов много, — сказал он, — того и гляди, заpretят нам представлять или с позором выгонят из города. Ну их...

В Штаубинге мы опять представляли «Фауста». Я работал внизу. Зажигая бенгальский огонь и подавая Марте на тропу дракончика, на котором во втором действии улетает Кашперле, я подумал, что работаю в театре мастера Вальтера последний раз. Никогда я не влезу больше на тропу, никогда запыхавшаяся Марта не попросит меня распутать нитки перед тем, как я подниму наш дырявый занавес. Никогда я не услышу, как грохочут и хлопают зрители в ответ на острое словцо мастера Вальтера. Никогда не будет и наших веселых привалов в дороге, собирания сухих веток для костра и беготни за водой с железным котелком. Мне взгрустнулось.

Марта слезла с тропы с дракончиком в руках.

— Ты знаешь, Иозеф, — болтала она. — Было бы так хорошо, если бы наш дракончик разевал пасть. А то он только головой и хвостом вертит... Руди рассказывал: у мастера Штольпе дракон даже огонь из пасти пускает. Я взял у нее из рук вагу дракончика.

— Жаль, что ты мне раньше не сказала этого, Марта. До завтра я не успею уже ничего сделать. Пускай уж Руди сделает тебе нового дракона.

Марта с минутку удивленно посмотрела на меня и вдруг вспомнила, что ведь мы с Паскуале завтра уходим. Она замигала, а рот поехал у нее куда-то вкось!

— Прости, Иозеф, я все поверить не могу, что ты и Паскуале уходите из театра. Мне будет так скучно без вас...

Мейстер Вальтер щедро расплатился с нами за работу в театре и за кукол для «Мнимого больного».

— Ну, ребята, соскучитесь сидеть в городе или просто нужда придет, знайте, что старый мейстер Вальтер всегда вас возьмет на работу! Авось мы с вами еще увидимся.

Мы подарили фрау Эльзе теплую косынку, купленную на рынке в Штаубинге. Она со слезами расцеловала нас. Марте я подарил маленький ящичек для булавок, ленточек и других мелочей. Этот ящичек я начал вырезать для нее, еще когда лежал больной в Фридрихстале. Среди завитков и листьев я вырезал на его крышке немецкие буквы М. и Б. — Марта Буш.

Рано утром мы в последний раз погрузили на тележку доски и сундуки. Фрау Эльза и Марта сели в тележку. Мейстер Вальтер взял вожжи. Я поцеловал Гектора в его теплые влажные ноздри, и тележка тронулась. Марта махала нам рукой, а Руди — своей зеленой шапочкой, пока тележка не скрылась за деревьями.

Мы молча повернули на дорогу в Регенсбург.

Часть третья

ПОЛИШИНЕЛЬ

МЭТР МИНЬЯР

Мы шагали по дороге в Регенсбург. После полудня небо закрылось тяжелыми синеватыми тучами. Сразу похолодало. Налетел бешеный ветер, закрутил дорожную пыль воронками и, сгибая ивы, вывернул листья на серебристую изнанку. Крупная капля упала мне на нос.

— Бежим скорее под крышу. Сейчас дождь польет! — крикнул я.

Дождь хлынул яростный и холодный. Мы побежали, взявшись за руки, к хижине в стороне от дороги. Вдруг дождь стал больно сечь нам лица. Крупные беловатые градины запрыгали по потемневшей от дождя земле. Мы вбежали в распахнутую дверь хижины.

Это была заброшенная сторожка. Град оглушительно барабанил по крыше. Ветер завывал в ветках старого дуба. Я старался притянуть к косяку разохшуюся дверь, когда увидел на дороге двух путников. Они ковыляли, согнувшись под косыми ударами града.

— Эй, — крикнул я, — идите сюда, под крышу!

Мужчина махнул мне рукой, а его спутница, бежавшая мелкими шажками, вдруг поскользнулась на сырой глине

и упала. Мужчина бросился к ней, но тоже упал, и ветер вздул его плащ, как черный парус, над ящиком, привязанным к спине. Я кинулся к ним на помощь.

У мужчины вместо правой ноги была деревяжка. Он встал с трудом, ухватившись за мое плечо. Мы помогли встать его спутнице и повели ее к хижине. Она чуть-чуть прихрамывала, но смеялась и лепетала что-то на непонятном языке.

Паскуале нашел охапку хвороста в углу и уже свалил его в очаг.

— Пеппо, дай мне огниво! — крикнул он по-итальянски, чуть мы переступили порог.

Я стал высекать огонь. Мужчина усадил свою спутницу на валявшийся в углу чурбан и снял ящик с плеч, тревожно спрашивая ее о чем-то.

Она нагнулась, развязывая мокрые башмаки. Ее капюшон свалился, и мы увидели блестящие волосы и большие черные глаза. Ее спутник, присев на земляной пол, помог ей стащить башмаки и озабоченно растирал ей левую щиколотку. Девушка вытянула вперед ногу в белом чулке, повертела ступней во все стороны, поднялась, встала на носки и вдруг рассмеялась, захлопав в ладоши. Она прошла несколько шагов на самых кончиках пальцев и помахала одной ногой в воздухе; ее спутник довольно кивнул головой. Потом он обернулся ко мне.

— Благодарю за помощь, синьор, — сказал он по-итальянски. — Мадемуазель Розали чуть не сломала себе ногу. К счастью, это только ушиб, а мы уже перепугались. Ведь ножки мадемуазель Розали — это наш хлеб!

Я взглянул на его смуглое лицо с длинным тонким носом, обезображенное оспой. Его черные глаза приветливо блестели.

— Вы не итальянец, синьор? — робко спросил я.

— Увы, я только француз — Марсель Миньяр, или мэтр Миньяр, как зовет меня публика, или Пти-Миньяр, как звали меня в полку, к вашим услугам! — весело раскланялся он. — А это — моя племянница, мадемуазель Розали!

Дым клубами валил из очага прямо в хижину. Девушка сняла мокрый плащ и повесила его к огню. На ней было сиреневое газовое платье, все в серебряных блестках. Ее плечи закрывал зеленый шарф. Никогда еще не видел я такой красавицы.

Она подбежала к ящику и открыла дверцу в проволочной решетке. Тотчас же по ее голой руке к плечу побежала белая мышка, а за ней другая и третья. Девушка целовала их и ласково уговаривала. Мэтр Миньяр тоже нагнулся к ящику и вынул из него двух мышек.

— Они испугались града, бедные крошки! — сказал он, опять обращаясь ко мне.

Я погладил мышку, сидевшую на его плече. Мышка встала на задние лапки, быстро-быстро шевеля белыми усиками и розовым носом, обнюхала мой палец, и вдруг юркнула в карман своего хозяина. Только тонкий хвостик, как бело-розовый шнурочек, остался снаружи на потертом бархате куртки.

Дождь лил как из ведра. В открытую дверь он нахлестал целую лужу. Вместе с мэтром Миньяром нам удалось прикрыть дверь. Тогда сучья в очаге затрещали, дым потянулся в трубу, в хижине стало уютнее.

Паскуале, сидя на полу, глазел на мышек. Их было двенадцать. Они шустро бегали из верхнего этажа своей клетки в нижний, по пути отгрызая крошки от хлебных корочек, засунутых между прутьями клетки.

Скоро мы узнали, что мышки эти дрессированные, — мэтр Миньяр дает мышинные представления, а мадемуазель Розали ходит по канату.

— О, мадемуазель Розали — большая артистка! — воскликнул мэтр Миньяр, подняв плечи и зажмурив глаза. — Мы идем сейчас в Регенсбург, а наши вещи отправлены вперед на тележке. А вы, мои маленькие друзья, куда идете?

Мы сказали, что тоже идем в Регенсбург и будем учиться музыке и пению у синьора Рандольфо Манцони.

Мэтр Миньяр высоко поднял свои брови.

— О, у самого Манцони? Это знаменитый музыкант! Мы слушали его новую оперу в Мюнхене. Так, так... — Он покачал головой и задумался. — А чем вы занимались до сих пор, мои друзья? — вдруг спросил Миньяр, приветливо улыбаясь.

Мы ответили ему, что работали в марионеточном театре мейстера Вальтера.

Мэтр Миньяр пришел в восторг.

— Значит, вы тоже артисты! Мы с вами товарищи! О, театр марионеток — ведь это настоящее искусство! — И он пожал нам руки.

Мы развязали мешки и вынули наших кукол. Мэтр Миньяр тотчас же надел маленького Пульчинеллу на одну руку, пуделя — на другую и смеясь стал разыгрывать тут же придуманную комедию. Он подносил Пульчинеллу к мышинной клетке. Пульчинелла сначала лукаво выглядывал из-за угла, потом, приложив палец ко рту, подкрадывался к дверце и старался ее открыть. Тут пудель набрасывался на него сзади и оттаскивал его прочь за край балахончика. Пульчинелла дрался с пуделем, опять открывал дверцу и падал в испуге навзничь перед выглянувшей мышкой. Мадемуазель Розали заливалась смехом.

— *Polichinelle! Qu'il est beau, ce petit Polichinelle!* — говорила она.

— Она говорит, что ваш Полишинель очень хорошенький! — сказал мэтр Миньяр.

Тогда мы показали им, как пляшет Нинетта, старая подруга наших странствий. Они хлопали в ладоши и кричали «браво». Мадемуазель Розали сама попробовала водить Нинетту, а потом спросила что-то по-французски.

— Мадемуазель Розали спрашивает, можно ли сделать куклу, которая ходила бы по канату, размахивая флажками? — перевел нам мэтр Миньяр.

Я задумался, вспоминая канатных плясунов, виденных еще в Венеции. Я старался представить себе канат и вагу с нитками — и вдруг сообразил, как это можно сделать.

— Можно, можно! — закричал я, смеясь от радости. У меня даже руки зачесались поскорее сделать марионетку, такую же гибкую и красивую, как мадемуазель Розали, которая ходила бы по канату.

Мадемуазель Розали весело схватила меня за руки, и мы закружились по хижине. Потом она опять сказала что-то.

— Она просит, чтоб вы сделали ей такую марионетку, — сказал мэтр Миньяр.

Я кивнул головой. Паскуале дернул меня за рукав.

— Пеппо, ведь мы завтра идем к синьору Манцони.

— Ничего, я успею сделать, — ответил я.

Дождь кончился. В разрывах туч виднелось зеленоватое вечернее небо. Мы собрали наши пожитки и весело двинулись в путь.

Еще не затихший ветер обдавал нас хрустальным дождем с дубовых веток.

— Знаешь, Пеппо, лучше нам сначала купить себе новые куртки и башмаки, а потом уже пойти к синьору Манцони. Вдруг ему не понравится, что мы такие оборванцы. Я думаю, синьор Гоцци был бы недоволен, если бы узнал, что мы явились к его другу чуть ли не в лохмотьях. У нас хватит денег, чтобы купить новое платье, — говорил Паскуале, осматривая свои обтрепанные локти, на которых едва держались заплатки, положенные Мартой.

Мы вышли из ворот гостиницы, где ночевали.

Утреннее солнце сияло на островерхих куполах Регенсбурга. Мы нашли лавку старьевщика, но она была на замке, хозяин открыл ее только в полдень.

Пока мы ждали, я начал вырезать головку канатной плесуны.

Дряхлый старьевщик с лицом, изборожденным такими же морщинами и складками, как неглаженое тряпье на его прилавке, перерыл для нас весь запас своих курток и башмаков. Наконец я выбрал себе зеленую куртку с позументом, чуть поеденную молью, а Паскуале — коричневый кафтанчик с потертым бархатным воротничком. Кафтанчик был очень велик Паскуале, но мы загнули слишком длинные рукава, и тогда вышло хорошо. Еще мы купили себе козловые полусапожки на толстых подошвах. Старьевщик указал нам улицу, где жил синьор Манцони.

Паскуале вынул из сумки письмо синьора Гоцци, от которого зависела наша судьба. Серый пакет поизмялся, его уголки обтрепались за время нашего долгого пути. Бисерные строчки адреса стерлись и побледнели. Паскуале бережно положил письмо в карман нового кафтанчика и пригладил свои белокурые волосы. Чувствуя себя необыкновенно важными, мы пошли через мост в предместье.

Мы шли по тихой улице мимо осенних лип. Хорошенькие домики прятались в кустах бузины. В палисадниках цвели огненные настурции. Паскуале заглядывал во все калитки. Из одного окошка донеслись звуки клавесина. Кто-то разучивал гамму нетвердой рукой.

— Сюда! — крикнул Паскуале и распахнул калитку.

Молодая простоволосая женщина сидела на крыльце и чистила румяные яблоки. Она удивленно посмотрела на нас.

— Здесь живет синьор Манцони? — смело спросил Паскуале.

Женщина покачала головой.

— Нет, не здесь. Что это вам вздумалось?

— Нам сказали, что он живет на этой улице, мы услышали музыку — подумали, что он живет в этом доме, — смущенно объяснил Паскуале.

— А вы кто такие?

— Мы... мы земляки синьора Манцони, — ответили мы в один голос.

— Ах, земляки!? — усмехнулась женщина. Она нетопливо стряхнула яблочную кожуру с передника и вышла за калитку.

— Вон за чугуниной оградой дом герра Манцони! — сказала женщина и указала рукой вдоль улицы.

Мы поблагодарили ее и побежали к большому, красивому дому. Колонны из белого камня украшали его фасад. Широкие каменные ступени вели на крыльцо. Перед крыльцом желтели дорожки палисадника. Бронзовый дельфин над каменным бассейном пускал из глотки две тоненькие струи.

Перед чугуниной оградой стояла богатая коляска.

На серых лошадях блестела серебряная сбруя. Кучер в ливрее, сидя на высоких козлах, важно переговаривался с толстым привратником у ворот. Мне стало не по себе. Как мы пройдем в дом мимо этих важных особ?

— Здесь живет синьор Манцони? — тонким голосом спросил Паскуале.

Привратник даже не повернул голову.

— А вот у князя Флемминга была карета — вся в зеркалах, я тебе доложу... Ее из Англии привезли... — рассказывал кучер.

Я набрался храбрости и дернул привратника за рукав.

— Синьор Манцони дома?

Привратник замолк на полуслове и сердито оглядел нас обоих с головы до ног. Паскуале вытащил из кармана заветное письмо и совал его привратнику в руку.

— У нас письмо к синьору Манцони! — бормотал он. — Пустите нас в дом!

— Э, нет, шалишь, в дом я тебя не пущу! — сказал привратник. — Подождешь здесь. Вы что, земляки герра Манцони?

— Земляки... — ответил я,

— Так я и знал. Вижу: оборванцы пришли, — ну, думаю, земляки! — Привратник подмигнул кучеру. — У нас этих земляков как собак нерезаных...

Кучер громко захохотал, но вдруг поперхнулся, сжал челюсти и выпрямил спину. На крыльце показалась дама в серебристых шелках. За нею, почтительно склонив парик, шел широкоплечий и коротконогий немолодой господин, а позади, волоча тонкие ноги, выступал юноша в огромном кружевном воротнике. Юноша тащил под мышкой сверток нот.

— Пошли с дороги, земляки! — шепнул сторож, оттолкнув нас, и широко распахнул калитку.

— Ах, маэстро, ваша опера божественна... Сама герцогиня говорит, — лепетала дама, играя золотым лорнетом.

Маэстро блестел черными, как вишни, глазами на мясистом лице, покрытом мелкими красными жилками, кланялся и говорил густым голосом:

— Ваше сиятельство, вы очень милостивы ко мне...

— Мой сын Мориц в восторге от своего учителя! Не правда ли, Мориц?

Юноша хмыкнул. Я узнал в нем прыщавого Морица из замка Гогенау. Дама, шурша шелками, уселась в коляску. Мориц неловко взгромоздился вслед за матерью. Маэстро кланялся, выставив вперед короткую ногу и прижимая руку к сердцу.

Коляска тронулась. Маэстро повернулся на каблуках и пошел к дому.

— Синьор Манцони! Синьор Манцони! — закричал Паскуале, ухватившись за прутья решетки. — Мы принесли вам письмо!

Маэстро оглянулся и, не двигаясь с места, протянул полную, белую руку с блестящими перстнями. Привратник выхватил у Паскуале серый конверт и с поклоном поднес его маэстро. Тот быстро распечатал конверт, пробежал глазами несколько строк, криво усмехнулся и пожал плечами. Его правая рука опустилась в карман.

— Возьми, отдай моим «землякам»! — сказал синьор Манцони, высыпая на ладонь привратника несколько мелких монет.

— Уж очень вы балуете землячков, ваша милость! — подобострастно сказал привратник. — Кто ни придет, никому отказа нет, смею сказать!

Синьор Манцони рассмеялся, аккуратно изорвал на мел-

кие клочки письмо Гоцци и, проходя мимо бассейна, бросил клочки в воду. Они поплыли, как маленькие белые кораблики.

Мы не взяли у привратника денег, которые дал синьор Манцони.

— Эй, земляки, да вы никак обиделись? — смеялся привратник нам вслед.

Мы молча пошли прочь, опутив головы. Паскуале шел сгорбившись, и длинные рукава его кафтанчика висели до колен. Он забыл, что их надо подвернуть.

«Я не сомневаюсь, что ваше благородное сердце обрадуется случаю совершить доброе и полезное дело...» — писал синьор Гоцци.

Как видно, сердце синьора Манцони было уже вовсе не такое благородное.

Мэтр Миньяр стоял на углу и, макая малярную кисть в ведро, намазывал клеем забор. Мадемуазель Розали, закутанная в плащ, обеими руками прикладывала к забору афишу и хлопала розовой ладонью по ее краям. Мальчишки стояли кучкой и читали по складам:

«Сегодня в доме купца Гинца знаменитый дрессировщик мэтр Миньяр покажет своих ученых мышей. И как мыши танцуют, стреляют из пушек и качаются на качелях. Там же мадемуазель Розали Намора будет ходить по канату на высоте шести футов над землей и прыгнет в бумажный обруч с пирамидой из тридцати трех рюмок на голове».

— А, синьоры! — радостно крикнул мэтр Миньяр. — Где вы гуляли? Приходите к нам на представление. А почему синьор Паскуале такой грустный? Случилось что-нибудь?

Паскуале отвернулся и заплакал.

— Синьор Манцони нас не принял! — выпалил я и почувствовал, что краснею.

Мэтр Миньяр не спросил ни слова больше. Он бросил кисть в ведро и хлопнул Паскуале по плечу.

— Ну, ну... не надо грустить, мой мальчик, побольше бодрости!

Паскуале прижался головой к забору и рыдал, кусая свой длинный рукав.

Мадемуазель Розали чирикнула, как птица, всплеснула руками и, оторвав голову Паскуале от забора, крепко при-

жала Паскуале к себе. Она закрывала его плащом от глазевших мальчишек, гладила его по волосам и говорила что-то ласковое. Паскуале перестал плакать.

— Надо смеяться, мальчик... Кто смеется, тому легче живется... — сказала она, смешно коверкая итальянский язык, и Паскуале засмеялся.

ТРИДЦАТЬ ТРИ РЮМКИ

Дом купца Гинца был просто-напросто сараем. На его земляном полу стояли длинные скамейки. Протянутая бечевка отделяла сцену от зрительного зала. По углам шныряли крысы.

Мы помогли мэтру ввинтить стальные кольца в стены и натянуть между ними канат на высоте шести футов над землею. Потом я влез на стремянку и ввинтил такое же кольцо в поперечную балку крыши. Мы продернули в нее веревку с привязанным к ней бумажным обручем и подтянули обруч к потолку. По сторонам сцены мы повесили две малиновые занавески и зажгли масляные лампы.

Народу собралось немного — пять-шесть бюргеров, приведших за руку своих толстощеких ребят, да компания веселых подмастерьев и молоденьких работников. Зато уличные ребятишки толпой заглядывали в дверь и, верию, мечтали пролезть в сарай зайцами.

— Впусти их, Жозеф, — шепнул мне мэтр Миньяр. — Мадемуазель Розали не любит представлять перед пустыми скамейками... — Таинственно подмигнув, он позвал Паскуале и проковылял за малиновую занавеску.

Я распахнул дверь. Шумная орава ребят хлынула в сарай, рассаживаясь на пустых скамейках. Я запер дверь на щеколду. Паскуале позвонил в колокольчик, и на сцену вышел мэтр. Короткий плащ из малинового бархата топорщился на его спине. Спереди из-под черного кафтана виднелся голубой атласный камзол. На его левой ноге лоснился белый чулок и блестя туфля с пряжкой. Если бы не деревяжка вместо другой ноги, чеканившая его шаг деревянным стуком, я бы не узнал мэтра в таком великольном обличье.

Он раскланялся, прижимая руки к сердцу, и поставил на большой стол клетку с мышами. Потом он положил

перед клеткой шесть красных кубиков, открыл дверцу и пискнул, смешно сложив губы.

Тотчас же шесть белых мышек выбежали из клетки и расселись на кубиках. Мэтр поднял серебряную дудочку, — мыши встали на задние лапки и уморительно поклонились. Мэтр поднес дудочку к губам и засвистал мелодию, — мышки попарно закружились по столу, будто танцевали. Потом из клетки вышли еще четыре мышки с блестящими касками на головах. Они несли маленькие ружья на плечах и маршировали по столу, как солдаты.

Ребятишки кричали от восторга. Мэтр снял с мышек ружья, поставил на стол две маленькие зеленые пушки и скомандовал:

— Артиллерия, пли!

Мышки попарно бросились к пушкам, дернули какие-то веревочки, и над столом сразу хлопнули два выстрела с огнем и дымом.

— Еще, еще! — кричали ребята.

Мэтр опять зарядил пушки, и опять стреляли маленькие хвостатые артиллеристы. Они уже не отходили от своих пушек и, смешно шевеля мордочками, глодали сало, привязанное к веревочкам, пока две мышки в голубых юбочках и бумажных шляпках качались на маленьких качелях.

Потом все двенадцать мышек взяли в зубы цветные флажки, влезли друг другу на спины и сделали пирамиду. На верхушке ее сидел самый маленький мышонок с трехцветным флажком в зубах.

Под рукоплескания зрителей мэтр унес клетку. Паскуале убрал стол. Потом мэтр вышел со скрипкой и заиграл медленный вальс. Справа шевельнулась малиновая занавеска, а из-за нее на высоте шести футов выступила белая туфелька. Мадемуазель Розали плавно заскользила по канату, помахивая флажками, розовым и зеленым. Все затаили дыхание. Ее легкая светлая фигура двигалась в воздухе между землей и потолком. Позади темнела глубь сарая.

Мэтр заиграл быстрее. Мадемуазель Розали с безмятежной улыбкой на губах чаще замахала флажками. Еще бешенее заиграла скрипка, и вдруг мадемуазель Розали исчезла с наших глаз. Вместо нее, по канату плыло радужное облако. Она так быстро махала флажками вокруг себя, что ее не стало видно. Только ноги в белых чулках упруго ступали по канату.

Радужное облако скрылось за портьерой, и через миг

мадемуазель Розали выбежала на земляной пол сцены и поклонилась, одной рукой придерживая газовое платье, а другой посылая поцелуи.

— Теперь опасный номер! — сказал мэтр Миньяр. — Прошу вас, медам и месье, сидите тихо!

Все насторожились. Мадемуазель Розали шла по канату, балансируя руками. На ее черной голове лежала узкая дощечка, а над дощечкой высилась пирамида из тридцати трех рюмок. Было тихо, только поскрипывал канат. Рюмки, отражая ламповые огни, метали хрустальные искры. Мадемуазель Розали дошла до конца каната и повернула обратно. Мэтр Миньяр стал медленно спускаться с потолка бумажный обруч. Когда мадемуазель Розали дойдет до середины каната, обруч станет прямо перед ней. Сквозь него она должна прыгнуть...

Вдруг громкий стук раздался в дверях сарая. Я опрометью бросился к дверям. Кто-то колотил сапогом в нижнюю доску и кричал:

— Отвори! Именем закона — отвори!

— Тише! Сейчас опасный номер! — шепнул я, поднимая щеколду.

Рослый полицейский дал мне по подбородку и шатаясь протопал в узкий проход между скамьями. Он был вдребезги пьян.

— Где они, бродяги? Я им покажу! Без разрешения... Вот я вас!.. — кричал он.

На высоте шести футов над землею перед бумажным обручем стояла мадемуазель Розали, мелко шевеля простертыми в стороны руками. Ее лицо под сверкающей пирамидой рюмок было бледно. Полицейский брел прямо к сцене.

Тогда я прыгнул ему на плечи сзади, и мы оба упали в проход. Он брыкался и мычал, но я крепко навалился на него и заткнул ему рот полкой своей куртки.

Когда я поднял голову, мадемуазель Розали уже шла по канату по другую сторону от еще трепетавшего обруча. Она скрылась за портьерой. Все захлопали, закричали, вскочили с мест. Я отпустил полицейского и юркнул в толпу ребят.

— Полезай под скамейку! — шепнул мне один из них. Я скорчился на земляном полу.

— Это что? Сопротивление в-в-власти?... — ревел бас полицейского. — Я им покажу! Я вздерну их на виселицу! Пойдем в кутузку!

Я слышал испуганный голос мэтра. Полицейский орал и топал ногами.

Бюргеры поспешно уводили своих детей.

— Да что ты пристал к нему, дядя Оскар? — крикнул кто-то из подмастерьев. — Пойди протрезвись, ты пьян!

— Кто? Я пьян? Я вам покажу! Где разрешение у этого бродяги? Подавай сюда твои бумаги!

Я выглянул. Мэтр судорожно рылся в карманах старой бархатной куртки и доставал какие-то листки.

— Где у тебя разрешение от бургомистра? Ага, нету? Ступай сейчас со мной! Бродяга!

Полицейский волочил за шиворот мэтра в блестящем наряде. Подмастерья шли за ними гурьбой, громко ругая дядю Оскара. Он остановился у дверей.

— Постой! Где тот чертенок, что мне дверь открывал? Он напал на меня и чуть не удушил. Подавай его сюда! Я ему покажу!

Вдруг огрызок яблока просвистел в воздухе и сочно шлепнулся в щеку полицейского. Потом градом полетели мотки бечевки, пуговицы, орехи, деревянные ложки — словом, вся дрянь, которую мальчишки таскают в карманах. Чья-то рваная туфля плюхнулась в плечо полицейского и оставила на нем свой пыльный след... Это ребята, которых мы пустили даром, стали на мою защиту.

— Тыфу, бездельники! — выругался дядя Оскар, закрыл лицо рукавом и отступил за дверь, таща за собой мэтра. Мальчишки, улюлюкая и свистя, пустились за ним.

— Жозеф! — позвала меня мадемуазель Розали. Паскуале, бледный и огорченный, уже отвязывал канат. — Vite! Vite! ¹ — говорила мадемуазель Розали и швыряла в корзину канат, занавески, флажки и кубики.

Я взял корзину на плечо. Паскуале — мышиную клетку и обруч. Мадемуазель Розали завернула в платок рюмки, и мы пошли в гостиницу по узким улицам Регенсбурга.

Мадемуазель Розали накрыла стол к ужину, зажгла свечу и села к столу, подперев щеку рукой. Мы с Паскуале дремали у очага. Мэтр Миньяр вернулся в полночь.

— Пришлось-таки заплатить штраф этим канальям! — воскликнул он. — Завтра надо убираться отсюда, а пока давайте ужинать!

¹ Скорее! Скорее!

За поздним ужином мы все развеселились, вспоминая, как я затыкал рот дяде Оскару и как мальчишки обстреливали его всякой дрянью. Мэтр называл меня «mon brave garçon»¹ и пожимал мне руку за то, что я не пустил полицейского на сцену.

— Ходьба по канату — опасное искусство. Испуг или маленькое, совсем маленькое неверное движение — и канатоходец падает с каната, — говорил он.

— Мэтр Миньяр, — спросил я, — почему нас, артистов, так гоняют отовсюду? Разве мы делаем что-нибудь дурное, когда развлекаем людей.

— Мой мальчик, не забудь, кто нас гоняет, — ответил мэтр Миньяр. — Разве веселые подмастерья не восхищались сегодня искусством мадемуазель Розали? Разве честные ребята не стали на твою защиту, Жозеф? Разве баварские ремесленники и крестьяне не любят всей душой остроумного мэтра Вальтера, про которого вы мне рассказывали? У нас — множество друзей. Кто же наши враги? Посчитай, Жозеф.

Мэтр Миньяр загибал пальцы на левой руке и говорил:

— Священники — раз, полицейские — два, сельские сторожа — три, бургомистры — четыре, аристократы — пять. Пять загнутых пальцев образуют кулак. Этот кулак — правительство. Этот кулак нас бьет. За что он нас бьет? За то, что мы — свободные люди. Сегодня — здесь, завтра — там. Мы не копим богатств. Чины нам не нужны. Любовь народа — лучшая нам награда. Мы веселим народ, и народ смеется вместе с нами над великопостной рожей священника, над глупостью полицейского, над чванством аристократа. О, правительству не нравится, когда народ смеется! Кто смеется, тот уже не боится, а правительству нужно, чтобы его боялись. Правительству нужно, чтобы народ безропотно терпел нужду, голод, непосильную работу, пока во дворцах аристократов царят обжорство, роскошь и безделье. Но скоро все будет иначе. Во Франции народ уже теряет терпенье. Простые люди отказываются быть рабами господ дворян. Народ восстанет. Он уничтожит старое правительство. Он устроит новую, счастливую жизнь. Все люди станут свободными гражданами, и нас, артистов, никто не будет притеснять!

¹ Молодчина.

Глаза мэтра сверкали, голос его звенел. Мы, затаив дыхание, слушали речи мэтра. Я начал рассказывать ему про священника, который сломал наши ширмы, про приключения в замке Гогенау, про судью, который судил меня за пропажу брошки... Мэтр с интересом слушал меня, попыхивая трубочкой. Он одобрительно кивал головой, вставлял свои замечания. Мы просидели бы за разговорами до утра, если бы хозяин гостиницы не просунул к нам в дверь заспанную голову в ночном колпаке и не проворчал:

— Долго вы будете полуночничать? Добрые христиане все спят, а вы знай себе языки чешете — чертей тешите! — И он исчез.

На нас напал смех. Паскуале чуть не свалился под стол от хохота, я поперхнулся, мадемуазель Розали спрятала голову в подушки. Мэтр Миньяр, смеясь глазами, взял свечу со стола и сказал:

— Ну, пора спать. Поговорим завтра.

МАЛЕНЬКАЯ РОЗАЛИ

Гектор, потряхивая ушами, увозил от нас театр мейстера Вальтера все дальше и дальше по саксонским дорогам. Нам было его не догнать. Я не знал, куда идти, где разыскивать мою сестру. Когда мэтр Миньяр предложил нам работать вместе с ним, мы с радостью согласились.

Мы снова сделали ширмы и показывали Пульчинеллу. Теперь у Пульчинеллы был новый номер. Он приносил хорошенькую коробочку в подарок своей женушке, а оттуда выскакивала белая мышка, за ней другая и третья... еще и еще... Они пробегали по краю ширм и скрывались за ним. Старушка от испуга падала в обморок. Пульчинелла, громко вереща, гонялся с дубинкой за мышами, а мыши непрерывно выскакивали из коробочки, как будто их были сотни (коробочка была без дна, мы снизу подсаживали мышек, снова ловили их и снова подсаживали).

Мы сделали новых марионеток и прежде всего маленькую Розали. Она ходила по канату. Я привинтил колечки к подошвам ее хрупких ножек, к этим колечкам привязал нитки и пустил их вдоль маленького каната. Паскуале стоял на тропе, держа вагу, а мы с мэтром, работая внизу, по сторонам сцены, тянули по очереди нитки, привязанные

к ножкам. Маленькая Розали скользила по маленькому канату, помахивая флажками в такт вальса.

Мадемуазель Розали сама сшила кукле сиреневое газовое платьице и украсила его блестками. Она отрезала прядь своих черных волос, и Паскуале сделал из них паричек кукле. Маленькая Розали была точь-в-точь похожа на мадемуазель Розали.

Бывало большая мадемуазель Розали отработает свой номер, пошлет зрителям поцелуй и убежит за занавеску, утирая крупные капли пота со лба.

— Bravo! бис! бис! — кричат зрители.

Тогда мы с Паскуале подвигаем наши ширмы, расставляем их створки — и в отверстии вдруг появляется маленькая мадемуазель Розали. Она идет по канату и бисирует свой номер.

Зрители не верят глазам, теснятся к ширмам, шумят, и не раз слышится крик:

— Это колдовство! Колдунья!

Мэтр Миньяр объясняет, что это не колдовство, а искусство. Большая мадемуазель Розали выбежит на сцену, ведя на ваге маленькую Розали, дернет ее за ниточку и заставит чуть-чуть угловато поклониться зрителям... И зрители, качая головами, хвалят искусно сделанную итальянскую марионетку...

Мы делали хорошие сборы и обошли всю Баварию, Вюртемберг и Шварцвальд. Весной мы пришли в Страсбург. К тому времени мы уже изрядно болтали по-французски.

ВЕСТИ ИЗ ПАРИЖА

Однажды, вернувшись с дневного представления, мы увидели у крыльца гостиницы ветхий почтовый дилижанс. Из его облупившегося кузова высаживались французские актеры.

Не отряхнув пыль с помятых платьев, свалив на крыльцо как попало свои сундучки, узлы, гирлянды бумажных цветов и клетки с попугаями, они обступили хозяина и громко требовали ужина.

— Мне пулярдку с белым вином! — вопил безбровый тенор в голубой шляпе.

Охрипший бас с вязанным шарфом на шее заказывал яичницу. Молоденькая актриса визгливо требовала жареную колбасу, да пожирнее.

— Да поскорее! — кричали все.

— Розали! Какая встреча! — воскликнула толстая актриса в зеленом капоре, бросаясь на шею Розали.

— Откуда вы, мадам Клодина? — спросил мэтр Миньяр.

— Мы бежали из Парижа, — всхлипнула она, тяжело опускаясь на табурет. — О, что творится в Париже!

— Что же там творится? — оживился мэтр Миньяр.

— Ужас! Ужас! Я не нахожу слов! Люсьен, Филидор, идите сюда! Познакомьтесь, — мой старый друг, мэтр Миньяр! Расскажите ему про Париж.

Тенор и бас пожали руку мэтру и стали наперебой рассказывать, пока служанка, звеня посудой, накрывала стол.

— В Париже голод. Народ бунтует. Толпы оборванцев бродят по улицам и горланят дерзкие песни про королеву, — говорил тенор.

— На площади Дофина они пускали ракеты и жгли чучела министров и графини Полиньяк, — хрипел бас, тараща белки, а тенор перебивал его:

— Это пустяки! Вот в предместье Сент-Антуан было дело! Там голодные рабочие потребовали хлеба у фабрикантов. Ревельон (вы знаете, у него фабрика обоев) сказал им: «Белый хлеб не для вас, довольно с вас чечевицы». И, подумайте, озверелая толпа разнесла по щепочкам дом Ревельона! Они разбивали зеркала и выбрасывали из окон его прекрасную мебель.

— Король приказал войскам стрелять в толпу... Двести рабочих было убито... Бунтари носили их тела по улицам и призывали парижан отомстить королю, — снова вмешался бас.

— Они ненавидят нашу прекрасную королеву, — простонала молоденькая актриса.

Мадам Клодина горестно подняла начерненные брови.

— О, Париж теперь — невеселый город!

Тут подали ужин. Актеры бросились к столу. Застучали ножи, заработали челюсти, зачавкали губы. Мэтр, присев на подоконник, жадно читал привезенную актерами газету. Розали наклонилась над его плечом.

— Нет! — воскликнул мэтр, отбрасывая газету. — Долг каждого француза — быть сейчас в Париже и помогать народу в борьбе за его права. Мы едем в Париж!

Розали радостно засмеялась. Мы с Паскуале подпрыгнули.

— Не будьте безумцем, мэтр Миньяр, — сказала мадам Клодина, набивая рот пирогом. — В Париже голод. По всей Франции голод. Мы не могли купить ни кусочка хлеба за семь дней дороги.

— Мы видели умерших с голода людей. Мертвецы валяются на деревенских улицах, — подхватила молоденькая актриса, утирая жирные от колбасы губы.

Мэтр выпрямился, и голос его стал звонким, как медь.

— Мадам, я потерял правую ногу, сражаясь в Америке за свободу чужого народа. Я не боюсь смерти. Я пойду к герою освободительной войны Лафайету и скажу ему: «Генерал, пора повернуть оружие против тех, кто душит свободу Франции, кто расстреливает французский народ!» И генерал послушает своего старого солдата.

— Да замолчите вы, сумасшедший! — закричал бас. — Вас только нехватало в Париже!

— Какое дело артисту до политики? Артист развлекает сытых, веселых людей! — вопил тенор. — Мрачные бунтовщики Парижа рады все театры закрыть, и если бы не двор...

— Довольно, мсье! — загремел мэтр Миньяр. — Довольно артистам потешать жирных придворных обезьян! У артиста есть лучшие цели. Стыдно вам, убежавшим из Парижа, чтобы набивать здесь свои желудки! — И мэтр Миньяр гордо вышел из комнаты.

Актеры недовольно ворчали ему вслед.

— Мэтр Миньяр, я ваш старый друг и поэтому не обиделась на вас, — говорила толстая мадам Клодина, сидя в комнате Розали. — Как сейчас, помню я тот день, когда вы привели ко мне малютку Розали, чтобы я выучила ее танцевать. Вот уже семь лет прошло с тех пор... — Толстуха всхлипнула. — Как друг, я говорю вам: отпустите Розали с нами в Италию. Там люди живут спокойно, там всего вдоволь. Там богатые дворяне покровительствуют театру. Розали сделает блестящую карьеру...

Мэтр Миньяр ходил по комнате, стуча своей деревяжкой. Он хмурил брови и, заложив руки за спину, хрустел пальцами. Потом он остановился, глядя в окно.

— Розали свободна, мадам. Пускай она едет куда хочет. Когда я вернуся из Америки, где мы дрались за

свободу молодой республики, я нашел моего брата в тюрьме, а его малютку-дочь — в приюте королевы. Там ее били, морили голодом и заставляли плести кружева для придворных модниц по шестнадцать часов в день. Я взял Розали из приюта и сделал ее свободной артисткой. Я не отниму у нее свободы, которую сам ей дал.

— Ты, конечно, поедешь с нами, малютка? — спросила мадам Клодина, обняв Розали.

Розали расхохоталась.

— Конечно, не поеду, мадам. Я пойду с дядей в Париж.

Мэтр Миньяр все еще смотрел в окно. Плечи его вздрагивали, и я не знал, плачет он или смеется.

ПОЛИШИНЕЛЬ

Актеры уехали. Для нас с Паскуале наступила горячая пора. Мэтр рисовал углем на картоне фигурки новых кукол, а мы вырезывали их из дерева. Мадемуазель Розали шила им платица. В чердачное окошко виднелась стрельчатая колокольня Страсбургского собора и далеко за рекой синели леса.

Король.

Мы с Паскуале больше не спорили по пустякам. Говорили только самые нужные слова. Мы знали, что делаем теперь настоящее, важное дело, потому что наши куклы были совсем особенные. Я сделал по рисунку мэтра толстолицего длинноносого человека в богатом охотничьем костюме.

— Это — король Франции Людовик XVI, — сказал мэтр. — Он только и знает, что охотится в своих поместьях, пока страна нищенствует и бедняки с голоду едят мох.

Паскуале прилаживал кудрявый парик другому толстяку с орденской звездой из

Министр.

золотой бумаги на груди. Это был королевский министр.

— Он каждый день придумывает новые налоги, чтобы королю жилось роскошно, — говорил мэтр. — Чего только он не придумал! Умрет у тебя дедушка — плати налог за то, что он помер. Родится у кого ребенок — дерут налог за то, что он родился. Соберет крестьянка корзину грибов — и за грибы надо платить.

Мадемуазель Розали ловкими пальцами пришивала кружевной воротник розовому молодчику с глупым узеньким ртом и мушкой на щеке.

— А это дворянчик. Живет он припеваючи, никаких

налогов не платит. Танцует на балах, играет в карты, а приедет в свое поместье — деревенские ребята должны всю ночь сторожить под окнами его замка и пугать лягушек, чтобы они, квакая, не мешали спать синьору.

— Неужто должны пугать лягушек? — ахнул Паскуале.

— Да, мой мальчик, мне самому приходилось делать это в детстве... — грустно ответил мэтр Миньяр.

Он надел себе на руку горбоногого кардинала в пурпурной мантии, обшитой кружевом, заставил его сложить ручки и загнусавил:

— Покайтесь, грешники! Отдайте свое добро церкви, будьте нищими и голодными! За это вы попадете в царство небесное. А я буду есть и пить, во дворце роскошном жить, буду я ходить в шелках, вас оставляю

Дворянчик.

Кардинал.

в дураках! Тру-ля-ля, тру-ля-ля, небо — вам, а мне — земля!

Кардинал уморительно плясал на руке мэтра, шурша своим атласным нарядом.

Мадемуазель Розали одела нашего маленького Пульчинеллу в желто-зеленую курточку, стянутую ремешком. Сзади мы приделали ему острый горб. Зелено-желтый колпачок с бубенчиком на макушке украсил его головку.

— Ступай, храбрец, покажи французам, как Полишинель расправится с врагами народа! — воскликнул мэтр.

Так Пульчинелла превратился в Полишинеля, и мне ничуть не было грустно.

Еще мы сделали придворную даму и генерала. Мэтр пробовал нарисовать длинноносую красавицу, но рисунок не удавался. Однажды он вернулся из города, весело размахивая каким-то листком.

— Вот она, наконец, — королева Франции, Мария-Антуанетта! — воскликнул он.

На листке была нарисована длинноносая дама с гордо закинутой головой в большом парике. Под картинкой стояла подпись: «Австрийская пантера»,¹ а на обороте было напечатано:

Коварство, злобу и парок
Лелеет в сердце королева.
Пора! Тиранам даст урок
Народ, трепещущий от гнева.
Пора! Дворяне и попы,
Глупец-король, министр без чести
Узнают бешенство толпы
И торжество народной мести.

Трепещите, тираны! Ваше царство nonchautся!

¹ Мария-Антуанетта была австриячка по происхождению.

Мэтр прочел эти стихи вполголоса. У меня по спине пробежали мурашки.

— Этот листок тайно напечатали друзья народа, — сказал мэтр. — Я не скрою от вас, мальчики, что идти с нашим театром в Париж — дело опасное. Королевская полиция охотится за всеми, кто хочет свободы. Если у нас найдут куклу Марии-Антуанетты, нас всех могут вздернуть на виселицу. Но война — это война. Мы идем воевать против королев, против министров, против дворян... Хотите — идите с нами, хотите — возвращайтесь на родину, я дам вам денег на дорогу.

На миг передо мною мелькнули залитые солнцем дороги Италии, оливы, кипарисы и синее-синее небо... Но я знал, что пойду с мэтром. Все, что я видел прежде, священник, разломавший нашу ширму, замок Гогенау, судья, который чуть не повесил меня из-за брошки госпожи бургомистерши, — все стало мне понятно по-новому с тех пор, как я встретился с мэтром. Я тоже хотел бороться за то, чтобы все люди были равны и свободны.

— Мы пойдем с вами, мэтр! — крикнул Паскуале, сдвинув свои светлые брови.

Мэтр просиял.

Я принялся вырезать головку Марии-Антуанетты, поглядывая на картинку.

Полициеель.

Королева.

Мэтр купил рыжую лошадку с белой отметиной на лбу. Он назвал ее Брут-тираноубийца в честь древнего героя. Мы погрузили в новенькую одноколку наши ширмы, доски, козлы для тропы, клетку с мышами и двинулись в путь по лесистой равнине Эльзаса.

Весеннее половодье затопило луга. Солнце сверкало на поверхности лесных озер. Нежно-зеленые кустарники поднимали из воды свои ветки. На размытых дорогах мы встречали усталых путников. Их тощие лошаденки везли убогий скарб. Это были беглецы от голода. Голод свирепствовал по ту сторону Вогезов. По ночам вдалеке вставали зарева.

— Прибавим шаг, ребята! Кажется, деревня близко! — сказал мэтр, бодро стуча своей деревяжкой по каменистой дороге.

Мы были среди Вогезов. Их округлые вершины, поросшие буковым лесом, казались ржавыми в лучах заходящего солнца. В долинах стояла синеватая мгла. Я причмокнул губами, подгоняя Брута. На оранжевом закатном небе перед нами чернели хижинны деревушки.

Ни одна собака не залаяла при нашем приближении. Кривые, подслеповатые хижинны молчаливо сутулились по краю улицы. Казалось, в деревне не было ни души.

— О-ля-ля! — крикнул мэтр. — Есть тут кто-нибудь? Отзовись!

Эхо отозвалось в горах. Стая ворон, хлопая крыльями, взметнулась из-под забора. Мадемуазель Розали вздрогнула. Мне стало жутко.

Под забором щерила желтые зубы голова дохлой лошади. Темнели впадины ее выклеванных глаз. Сквозь клочья шкуры и почерневшего мяса виднелись ребра. Ноги, как деревянные, торчали над раздутым брюхом. Брут захрапел, закусил поводья и попятился. Я взял его под уздцы, но он рванул головой вверх и чуть не сбил меня с ног. Одноколка накренилась, грозя вывернуть в канаву наши пожитки.

— Нечего делать, Жозеф, едем задами. Эх, сразу видно, что Брут на войне не бывал! — сказал мэтр.

Мы свернули на тропинку между хижин, чтобы объехать лошадиный труп.

— Мэтр, тут кто-то есть, — сказал Паскуале.

Над мшистой крышей одной землянки поднимался дымок. Мэтр заглянул в черную дыру, заменявшую окошко. Оттуда раздалось какое-то бормотанье.

— Эй-эй, зачем ты тушишь огонь, матушка? — закричал мэтр.

На земляном полу хижины тлели угли. Страшное существо в грязных лохмотьях металось над ними, затапывая огонь. Из опрокинутого котелка на угли шипя выливалась вода.

— Гляди, гляди, ты котелок опрокинула! — снова крикнул мэтр.

Женщина в лохмотьях схватила котелок костлявой рукой и прижала его к груди, словно защищая от нас. Изпод свалившихся косм дико сверкали ее глаза.

— Не отбирай... не отбирай... — бормотала она. — Это моей дочурке... не отбирай, ты все равно не будешь есть... это только мясо дохлой лошади... Ааа! — вдруг завывала она по-звериному, увидев, что мэтр переступил порог землянки. Она упала на пол, прикрыла грудью котелок и растопырила руки, готовая вцепиться в того, кто подойдет.

— Не отдам! — хрипела она. — Изверги! Все отобрали, все! Мы один мох едим... Неделью огня не разводили... Я не отдам.

— Не бойся, матушка, мы ничего не отберем, — ласково сказал мэтр, — мы тебя накормим. Жозеф, Паскуале, тащите сюда наши сумки!

Женщина замерла на полу, все еще прикрывая котелок. Она недоуменно смотрела, как Розали вынимает из сумки хлеб, сыр, яйца, а мэтр Миньяр вываливает из мешка лук.

Розали протянула ей дрожащей рукой кусок хлеба с сыром. Она жадно схватила его и, озираясь, отползла в угол.

— Мари!

Из кучи лохмотьев в углу выкарабкалась девочка лет пяти — маленький скелет, обтянутый желтой кожей. Ее большая голова качалась на слабой шейке, глаза были мутные. Она стала есть хлеб из рук матери, сопя и давясь от жадности, стоя на четвереньках, как собачонка. Мать глотала слюну.

Крупные слезы катились из черных глаз мадемуазель

Розали. Она отрезала один ломоть за другим и давала женщине. Я вышел из хижины, чтобы выпрячь Брута.

Мы раздули огонь и сварили похлебку. Поев, матушка Гошелу (так звали женщину) заплакала. Слезы промывали светлые полосы на ее черных от грязи щеках. Она рассказала мэтру, какой был плохой урожай. Сборщики недоимок забрали все, что удалось снять с поля. Зимой скотина сталадохнуть. Нечем было ее кормить, нечего было есть самим. В марте наступил настоящий голод. Все деревенские, как один человек, поднялись и пошли искать хлеба по другим деревням.

— Мы остались, муж был болен горячкой... Потом он умер, потом я заболела... У меня была припрятана мука для дочки... Неделю тому назад стала я печь для нее лепешки пополам с корой... Вдруг слышу голоса и топот... Опять — сборщик недоимок с отрядом солдат. Увидали дымок над крышей, нагрянули сюда, отобрали и муку и лепешки... Все дома обшарили, выносили, отбирали последнее добро и грузили на возы. Я думала — вы тоже за недоимками...

Мэтр Миньяр слушал ее, нахмурившись, и кусая губы.

— Есть у вас родные, матушка Гошелу? — спросил он.

— Есть тетка в Эпинале. Я хотела к ней пойти, да не дойду. Очень я слабая... Уж, видно, помрем мы здесь с Мари. — И матушка Гошелу зарыдала, уронив на колени голову с седыми нечесаными космами.

Маленькая Мари, насытившись, спала на коленях у Розали, завернутая в ее зеленый шарф. Она улыбалась во сне и сосала свой грязный палец.

Мы переночевали в соседней хижине. Я не мог спать. Мне мерещились то оскаленная челюсть дохлой лошади, то маленькая Мари с мутными глазами, то слышались грубые голоса сборщиков, отнимавших лепешки у матушки Гошелу.

Паскуале встал бледный, нахмуренный. Мы запрягли Брута. Мэтр Миньяр усадил в одноколку матушку Гошелу с девочкой на руках и укрыл их своим толстым плащом. Туман розовел, поднимаясь из долин; воронье с карканьем кружилось над дохлой лошадыо, когда мы тронулись в путь.

Мы миновали деревню, где, вместо домов, чернели одни обуглившиеся развалины.

— Здесь был бунт, — сказала матушка Гошелу, — за это войска сожгли деревню, а главарей повесили вон на том дубе.

Я взглянул на большой дуб и невольно отвернулся. Там между ветвей чернело что-то страшное, и воронье каркало вокруг. Мы, не оглядываясь, пустились под гору. Наши запасы подходили к концу. Надо было во что бы то ни стало достать хлеба и молока для Мари.

Под вечер мы увидали вдали селение. Сгорбленные крестьяне копались на полях. Дорогу пересекал разлившийся ручей. У брода слышались крики и хлопанье бичей. Два лакея подпирали плечами возок, завязший в глинистой грязи. Он был доверху нагружен тяжелыми сундуками. Кучер, громко ругаясь, подгонял лошадей. Лошади напрягались, скользили по глинистой круче и падали на колени. Возок не двигался. На том берегу стояла карета с гербом на дверцах, по ступицу в грязи. От золотистых лошадей шел пар: видно, они только что вытащили карету из ручья.

— Эге, как бы и нам не завязнуть! — сказал мэтр Миньяр и взял на руки Мари.

Матушка Гошелу слезла с одноколки, оперлась на руку мэтра, и они двинулись через ручей. Вода бурлила вокруг деревяжки мэтра. Я повел Брута вброд, а Паскуале, шагая сзади, придерживал клетку с мышами на тележке. Брут бодро взобрался на глинистую кручу с нашей легкой поклажей. Мы остановились, поджидая мэтра и мадемуазель Розали, которая замешкалась на том берегу, снимая свои длинные чулки.

— Не идут, ваше сиятельство! Говорят: завязли, так сами и выбирайтесь, а мы вам не помощники. И лошадей не дают, проклятые кроты! Вон их сколько на поле копается, — ни один не пошел! — сказал кто-то по-немецки за моей спиной.

Я оглянулся. У дверцы кареты стоял, вытирая лоб, лакей Эрик из Гогенау. Из кареты выглядывала сама баронесса в перистой шляпе. Она заломила руки.

— Но как же мы вытащим возок? Это ужасно, Эрик!

— Смею сказать... если бы выпрячь лошадей из кареты и запрячь их в возок, они наверное сдвинули бы...

— Ни за что! — взвизгнула баронессочка, высунув свой длинный нос из-за плеча матери. — Найдите каких-нибудь кляч, а моих золотистых коней я не дам портить. Я буду на них в Париже кататься.

Эрик пожал плечами.

— Крестьяне не дадут лошадей. Разве что вот эту взять? Эй, малый, давай-ка твою клячу, получишь на водку. Распрягай живо!

Эрик взял Брута под уздцы.

Матушка Гошелу, уже взобразавшаяся на одноколку, испуганно уставилась на него. Мэтр Миньяр схватил Эрика за локоть.

— Погоди, любезный, ты видишь, мы спешим, — нам надо отвезти ребенка куда-нибудь, где есть молоко и хлеб. Мы не можем задерживаться из-за пустяков.

— Из-за пустяков! — заорал Эрик. — Я вам покажу пустяки! Эй, ребята, на помощь!

Трое лакеев, бросив возок, бежали к нему. Я хлестнул Брута. Он пустился вскачь по дороге. Матушка Гошелу и Мари подпрыгивали на кочках. Старый крестьянин на поле смеялся во весь рот и махал нам дырявой шляпой.

— Простите нашу невежливость, мадам, но, право, мы торопимся! — доносился сзади веселый голос мэтра.

Розали, не успев обуться, догоняла нас босиком и весело смеялась. А за ней с достоинством ковылял мэтр Миньяр, посылая воздушные поцелуи взбешенному Эрику.

ДЯДЯ ПЬЕР

Черные треуголки маячили там и сям на деревенской улице. У постоянного двора стояли оседланные лошади. Из окна слышались ругань и звон бутылок. Запыхавшийся трактирщик метался из кухни к погребу. В деревне стояли солдаты.

— Дальше поезжайте, дальше! — лепетала матушка Гошелу. — Там под горой живет дядя Пьер, у него можно остановиться.

Дядя Пьер молча оглядел нас и провел в свою землянку. У него была сгорбленная спина и огромные жилистые руки. Молча он взял монетку из рук мэтра и пошел

добывать у соседей молока и яиц для Мари. На сковороде зашипела яичница.

Матушка Гошелу рассказала дяде Пьеру про все свои несчастья.

— Если б не этот добрый человек, мы бы померли с голоду с Мари! — сказала она, указывая на мэтра и утирая слезы.

Тогда дядя Пьер плотно прикрыл дверь и заговорил. В сумерках на беловатом квадрате окна темнели рядом две головы. Тонкий орлиный нос мэтра склонялся к низколобому, бородатому лицу дяди Пьера. Дядя Пьер рассказывал скрипучим голосом, с трудом выдавливая из себя слова, что соседняя деревня восстала. Бедняки с косами и вилами напали на дом судьи и сожгли все грамоты, в которых были записаны их долги и повинности помещику, маркизу де-Ларош. Они отказались платить налоги. Из Эпиналя был послан отряд, чтобы усмирить бунт, но... но... но... — дядя Пьер захлебнулся тихим смешком, — солдаты перешли на сторону мятежников. Они взяли замок де-Ларош и засели там, а их главарь Шарль Оду...

— Шарль Оду? Великан с белым шрамом на лице? — воскликнул мэтр. — Мы вместе сражались в Америке.

— Он самый. Молодчага-парень. Теперь за его голову обещана награда в пятьсот ливров. Из Эпиналя прислали эскадрон солдат под начальством де-Грамона. Де-Грамон стоит в нашей деревне и только ждет подкрепления, чтобы окружить мятежников в замке и повешать их всех.

— А у вас в деревне тихо?

— Мыши сидят тихо, когда кошка близко. Но все помнят, что сказал де-Грамон, когда бедняки требовали хлеба.

— Что он сказал?

— Трава уже выросла — идите, ешьте ее.

Деревня засыпала. Луна поднималась над черными вершинами гор. Было тихо, только подковы Брута звякали в сумерках, да чуть поскрипывала одноколка. Дядя Пьер вразвалку шагал впереди, указывая нам дорогу.

Мы оставили матушку Гошелу и Мари в хижине. Дядя Пьер обещал отправить их в Эпиналь. Признаться, я был рад, что мы распрощались с ними. На меня наводила тоску эта девчонка с мутными глазами, которая вечно жевала что-нибудь, или спала, или пищала, чтобы ей дали есть. Даже наши белые мышки ничуть не развеселили ее.

Она сонно посмотрела, как мы чистили клетку в хижине у дяди Пьера, отвернулась и опять стала жевать какую-то корку.

— Это она такая с голода, жалко мне ее, — сказал Паскуале.

— Пустое. Ведь мы на войне, ты чувствуешь это, Паскуале? А на войне женщины и дети — одна помеха, — ответил я.

— А как же Розали? — спросил Паскуале.

— О, Розали — совсем другое дело.

Она бодро шагала рядом с нами, закутанная в свой черный плащ. Разве она жаловалась когда-нибудь на голод или усталость? Она всегда смеялась, и от этого всем становилось весело. На войне не могло быть лучшего товарища, чем Розали.

У края дороги потухал костер. Последний язычок пламени, вспыхивая, освещал огромную ногу в желтом сапоге и зажигал беспокойный огонек в стекле валявшейся рядом бутылки. Слышался храп. Это караул полковника де-Грамона досыпал седьмой сон. Дорога шла вниз. Запахло сыростью. Из темноты донеслось журчанье невидимого ручейка.

— Ступайте теперь налево, через мостик, мимо старого вяза. Скажите Шарлю, что и мы скоро забьем в набат, — прокрипел дядя Пьер изд моим ухом и пропал в темноте.

Свернув налево, мы увидели огни. На холмах вокруг замка пылали сторожевые костры мятежников.

ЛАГЕРЬ ПОВСТАНЦЕВ

— Стой! Кто идет?

Из кустов на белую от луны дорогу выпрыгнули два человека с винтовками: один — высокий, в широкополой шляпе с обвисшими краями, другой — маленький, коренастый, с головой, повязанной красным платком. Высокий в два прыжка очутился около нашей тележки и схватил Брута под уздцы. Коренастый вскинул винтовку и направил ее дуло в грудь мэтра.

— Руки вверх! Кто шелохнется, тот получит в лоб! — крикнул коренастый сиповатым голосом.

Мы подняли руки. У меня сердце замерло: вот она, война! Коренастый молча разглядывал нас. Брут храпел и пыхтелся, тележка стала поперек дороги.

— Да стой же ты смирно, упрямый дьявол! — вполголоса уговаривал Брута высокий парень.

Коренастый опустил ружье.

— Кто вы такие? Куда идете?

— Мы друзья народа, — тихо и внятно ответил мэтр, — мы идем в замок де-Ларош. Нам нужно видеть Шарля Оду.

— Друзья народа! Не плохо сказано, старик! — крикнул высокий, выпуская узду Брута.

— Да верно ли это? — насмешливо спросил коренастый. — Эй, Антуан, пощупай, что у них там на тележке. А вы — ни с места!

Брут потянулся к кусту близ дороги. Листья захрустели на его зубах. За моей спиной Антуан поднимал крышку нашего сундука, шуршал тряпьем, рылся в наших пожитках. Вдруг он прыснул.

— Антуан? — строго сказал коренастый, не спуская глаз с мэтра.

— Честное слово, Жак, — захлебываясь от смеха, сказал Антуан, — сдается мне...

— Ну?

— Сдается мне, что у них тут куклы!

— Куклы? — Жак усмехнулся и подошел к тележке.

Антуан вытаскивал одну куклу за другой. Свет луны блеснул на золоченой звезде министра. Мария-Антуанетта беззаботно улыбалась. Полишинель звякнул бубенцом.

— Полишинель! Право слово, Полишинель! — завопил Антуан. Он вертел крючконосую головку Полишинеля в руках и пищал: — Ах, дорогие мои, любезные мои... — но писк ему не удавался.

— Не дури, Антуан, — строго сказал коренастый и, подойдя к мэтру, положил руку на его плечо. — И не стыдно тебе, гражданин, возиться с детскими игрушками? Такое ли сейчас время? Видишь мою руку? Она крепко держит ружье. Она не даст спуску дворянчикам. Наша борьба — не на живот, а на смерть. Собирай свои игрушки, старик, и не называй себя больше другом народа! — Жак презрительно отвернулся.

Антуан молчал, раскрыв рот и не выпуская Полишинеля из рук. Мэтр вздрогнул, как будто его ударили. При

свете луны я увидел, как потемнели щеки мэтра. Он выпрямился, шагнул вперед и сказал сдавленным голосом:

— У каждого свое оружие, друг. Мое оружие не хуже твоего ружья. Но мне некогда спорить с тобой. Отведи меня к Шарлю Оду, он помнит, как я сражался за свободу американцев, пока проклятые англичане не отстрелили мне ногу!

Жак оглянулся. Он, видно, только теперь заметил деревянную ногу мэтра.

— Ты сражался за свободу американцев? — удивленно переспросил он.

— Старый солдат не повторяет дважды того, что он сказал, — с достоинством ответил мэтр.

Мне показалось, что мэтр стал выше ростом.

Жак усмехнулся, пожал плечом и сказал:

— Ну, Антуан, проводи их всех в замок, коли так, а я останусь здесь, на посту.

— Идем, идем! — весело сказал Антуан.

Он помог мне уложить кукол обратно в ящик. Тележка тронулась, поскрипывая колесами. Мадемуазель Розали взяла мэтра под руку. Паскуале прошептал мне на ухо:

— Ну, разве не молодец наш мэтр?

Копыта Брута простучали по доскам подъемного моста. Во рву чернела спокойная вода. Невидимый часовой окликнул со сторожевой башни над воротами:

— Кто идет?

— Гражданин! — бойко ответил Антуан.

За воротами загремел засов. Я понял, что «гражданин» — это пароль. У меня захватило дух. Сейчас мы войдем в лагерь смелых мятежников. Мы увидим тех, кто бьется за свободу не на жизнь, а на смерть!

— Кого ты притащил с собой, Антуан? — добродушно спросил всклокоченный парень с пистолетами у пояса, пропуская нас в ворота.

— Поживешь — увидишь, — рассмеялся Антуан и повел Брута в конец двора, где виднелась каменная конюшня.

Луна спряталась за кровлю замка. На голубоватом ночном небе замок вырисовывался черной громадой со своими башнями и зубцами. На широком дворе горели костры. Отблески огня плясали по серым стенам конюшни. Красные искры вспыхивали на бляшках конской сбруи, лежав-

шей между телег с фуражом. Тени людей метались по каменным плитам двора.

Нас окружили вооруженные люди.

— Вы откуда? — спросил рыжий бородач в рваной солдатской шинели, дожевывая ломоть хлеба.

— Что нового слышно? Как там в деревне насчет королевских войск? — быстро спрашивал у мэтра чернявый парень с охотничьим ножом за поясом.

— Батюшки, никак Антуан свою родню в замок привел! — смеясь говорил парнишка чуть старше меня, проталкиваясь ко мне и к Паскуале. За плечом у него торчало большое старинное ружье.

Мэтр улыбался всем, блестя черными глазами.

— Проведите нас к Шарлю Оду, мы принесли ему важные новости, — сказал мэтр.

— Пропустите их к нашему капитану! — крикнул Антуан.

Вооруженные люди расступились. Антуан повел нас в замок. В огромном зале горели факелы, приделанные наспех к бронзовым канделябрам. Кипящая смола капала на шелковые кресла. На диванах и на ковре спали сменившиеся караульные. Во сне они не выпускали из рук оружия.

Деревяжка звонко выстукивала шаги мэтра на паркете. Гулкий потолок вторил ей эхом. У окна сидел широкоплечий мужчина с седой, кудлатой головой. Его большие загорелые руки лежали на лакированном столике. Это был настоящий великан. Казалось, если он стукнет легонько кулаком, лакированный столик превратится в щепы.

— Это и есть наш капитан, — шепнул мне Антуан.

Шарль Оду слушал, что говорил ему на ухо молодой человек в разодранном мундире, с рукой на перевязи. Свеча освещала седую прядь над кирпично-красным виском капитана. На столе лежали пистолеты и был рассыпан табак. Капитан повернул к нам лицо, защищая глаза от свечи широкой ладонью. Мэтр Миньяр выступил вперед.

— Шарль Оду, ты помнишь меня? Помнишь, как мы вышибали англичан из Иорктоуна? — спросил мэтр, и голос его дрогнул.

— Пти-Миньяр! Пти-Миньяр, здорово, старый товарищ! — воскликнул Шарль Оду, вскочив на ноги.

Он потрясал своей лапшей руку мэтра, седые волосы торчали, как грива, на его голове. Белый рубец от старой раны пересекал лоб, шел между бровей на правую щеку и терялся в щетинистой бороде.

— Откуда ты, что делаешь? А это кто? Дочь твоего брата, того, что умер в Бастилии? — спрашивал Шарль Оду и улыбался, показывая белые, крепкие зубы.

— Антуан, голубчик, добудь что-нибудь на ужин моим гостям, — попросил Шарль Оду.

Мэтр остановил его.

— Это потом, Шарль. Теперь слушай меня. Мы были в деревне, где стоит де-Грамон со своим отрядом... в десяти лье отсюда...

Шарль Оду усадил мэтра за столик. Молодой человек с перевязанной рукой разостлал на столике измятую карту. Все трое нагнулись над ней.

Розали, Паскуале и я уселись в углу на бархатной скамейке. Почерневшие портреты важных господ сурово смотрели на нас из золоченых рам. В конце зала слышались шаги, негромкий говор, стук прикладов. Спавшие мятежники просыпались и уходили, на их место приходили другие.

Свеча на лакированном столике освещала худые пальцы мэтра, двигавшиеся по карте, и склоненные головы его собеседников. Мэтр говорил отрывисто:

— В деревне стоит один эскадрон, то есть сто двадцать человек с лошадьми. Солдаты пьянствуют. Караульные спят на постах. Мы вышли из деревни после зари, и нас не окликнул ни один часовой... Крестьяне беспокойны. Де-Грамон отбирает у них последние припасы для прокорма своего отряда... С такими силами, какие у де-Грамона сейчас, он не решится напасть на замок. Крестьяне восстанут неминуемо, если он выведет солдат из деревни. Но де-Грамон ждет подкрепления. Когда подкрепление подойдет, он сможет часть войск оставить в деревне, чтобы не допустить восстания, а остальных двинет на вас, Шарль Оду. Де-Грамону дан приказ взять замок во что бы то ни стало и потушить мятеж. Твоя голова, Шарль, оценена в пятьсот ливров...

— Моя голова пока еще крепко сидит на плечах, — усмехнулся Шарль, тряхнув кудлатой головой. — Ты знаешь, какие силы идут на помощь де-Грамону?

Мэтр покачал головой.

— В окрестных деревнях еще никто не слышал, что войска приближаются. Наверное, они находятся не ближе двух дней пути... Я, проходя, видел, что замок де-Ла-рош хорошо укреплен. Он выдержит осаду хоть полгода. Но хватит ли у тебя припасов, Шарль? И сколько людей в твоём распоряжении?

— Людей у нас немного. Вдвое меньше, чем у де-Грамона, — задумчиво ответил Шарль. — Вдвое меньше!

— Капитан, — вскрикнул молодой человек, которого звали Ренье. — Не важно, что вдвое меньше. Мы готовы!

Шарль усмехнулся и подмигнул мэтру.

— Видишь, какие у меня горячие молодцы, так и рвутся в бой! Но шутки в сторону. Слушай, как обстоит дело. Пять деревень восстали и идут к нам на помощь. Придут ли они во-время, или опоздают из-за разлива реки, все равно крестьянам не устоять против регулярных войск. Косам да вилам не справиться с ружьями. Мы не можем вести правильную войну и давать сражения противнику. Наше дело — нападать врасплох, исчезать, снова появляться, тревожить врага неожиданными атаками, а главное — привлекать его солдат на нашу сторону. Это — тактика революционной войны, Пти-Миньяр. Вот я и думаю, не напасть ли нам ночью на де-Грамона, пока он не ждет нападения и даже не проверяет своих часовых. Ему и в голову не приходит, что кучка мятежников посмеет сразиться с эскадроном. А? что ты скажешь, Пти-Миньяр?

— Это будет отчаянное дело для горсточки храбрых, но если оно удастся...

— Если оно удастся, подошедшие войска найдут разбитые остатки отряда де-Грамона, они найдут деревню, охваченную мятежом, им будет еще труднее бороться с нами... Ну, а если дело не удастся, мы уйдем в леса. Решено, Ренье?

— Решено. Завтра к вечеру все будет готово. Ведь мы выступим ночью, капитан? — сказал Ренье и сложил свою карту.

Антуан позвал нас ужинать под своды большой кухни. Еще недавно здесь сустились повара господина маркиза, приготовляя пиры. Теперь задымленные своды гудели от веселых возгласов повстанцев. За ужином мэтр Миньяр рассказал Шарлю про наше ремесло.

В ту ночь мы расставили наши пестрые ширмы на узорном паркете замка де-Ларош. Паскуале вынул кукол из сундука. Розали разложила их по порядку. Я зажег свечи. Мы молчали. Меня била лихорадка. У Паскуале вздрагивали губы. Я вспомнил, как нам было страшно, когда мы впервые водили перед зрителями кукол в театре Мариано. Теперь мне было еще страшнее. Вдруг наше представление не понравится, покажется скучным и ненужным нашим зрителям? У меня в ушах все еще звучал презрительный голос коренастого Жака:

— И не стыдно тебе, гражданин, возиться с игрушками? Видишь мою руку, — она крепко держит ружье...

Мэтр Миньяр был спокоен и весел, как всегда. Зал наполнялся повстанцами. Выглянув из-за ширм, я увидел загорелых солдат, сменивших свои треуголки на широкополые крестьянские шляпы. Я увидел сильных деревенских парней, неумело державших ружья в непривычных руках. Я увидел старых крестьян с седыми подбородками, с руками, изуродованными тяжелым трудом. Смеясь и перекликаясь, зрители рассаживались на креслах с золочеными ручками, на маленьких тонконогих табуреточках, на бархатных скамейках, принесенных из других покоев замка. Я увидел Жака. Концы красного платка торчали у него за ухом. Он разговаривал с Ренье, сдвинув брови и не выпуская ружья из рук.

Мэтр стал настраивать скрипку.

— Пора начинать, Пти-Миньяр, — весело крикнул Шарль Оду, пробираясь между рядами к скамейке у стены.

— Убери факелы, Жозеф, — сказал мэтр.

Я не успел исполнить его просьбу. Двое солдат быстро сняли факелы со стен и унесли их из зала. Зал погрузился в темноту. Только у нас за ширмами ровным желтым огнем горели свечи.

Мэтр заиграл на скрипке. Звуки рассыпались веселыми бубенчиками и оборвались. Началась бурная, мятежная мелодия. Она звучала угрозой. Но вот и она затихла. Тогда мэтр взял в рот пиветту, и в освещенное пространство над ширмами вынырнул Полишинель.

— Здорово, старый приятель! — крикнул голос Антуана из темноты.

— Молодец, Полцишеле! — кричали из толпы.

Полишинель повернул носатую голову, поклонился, звякнул бубенцом на желто-зеленом колпачке и заверещал:

— Вот и я, вот и я, добрый день, друзья! Бродил я по всей стране наяву, а не во сне, видел я такие дела, что душа обмерла... На Марне голодают, в Вогезах умирают, народ жует солому, а попы и дворяне отрастили себе животы!

— Верно! Все верно! — закричали зрители.

— Слышал я плач и стон, приехал полковник де-Грамон, привел с собой эскадрон... Крестьяне говорят: «Нечем нам кормить солдат, нечего нам есть, помилуйте, ваша честь!» Говорит де-Грамон: «Кушайте ворон, ешьте траву, а то я вам головы оторву!»

Зрители затопали, застучали прикладами.

— Так оно и было! Молодец, Полишинель! — кричали из толпы.

— Поеду я к королю да с ним поговорю! — верещал Полишинель. — Разве он не знает, что французский народ погибает? Эй, сюда, мой верный Гектор!

Паскуале выставил над ширмами деревянную лошадку с плоской глазастой мордой. Лошадка брыкалась и помахиwała мочальным хвостом. Полишинель взобрался на седло и загарцовал по краю ширм.

— Как Мальбруг в поход собрался... — пел Полишинель.

Зрители подтягивали ему смеясь.

Я поднял над ширмами узорную, размалеванную беседку.

— Вот мы и приехали в Версаль! Ступай домой, Гектор! — Полишинель слезает с седла, дает пинка лошадке и заглядывает в беседку.

— А где же король? — спрашивает он. — Я не вижу короля! Король Франции, Людовик Шестнадцатый, где ты? Ау!

Из беседки выходит голубой дворянчик с мушкой на щеке.

— Чего орешь, деревенщина? — пискливо спрашивает дворянчик. — Король на охоте, его нельзя тревожить! Ступай прочь!

— Ах, ваша милость, у меня важное дело к королю, — низко кланяется Полишинель. — Добрые французы умирают с голоду.

— Хоть бы все они померли, короля нельзя тревожить, когда он охотится на оленей. Пошел вон, мужик!

Дворянчик размахивает розовыми ручками и старается вытолкать Полишинеля. Полишинель увертывается.

— Га-га-га! Ливрейная обезьяна, королевский прислужник, высокородный дворянин! Вот тебе! Вот тебе! — Дубинка Полишинеля стучит по деревянной голове дворянчика.

— Так его, Полишинель! На фонарь аристократа! — кричат зрители.

Полишинель ловко поддел дворянчика на свою дубинку и, громко хохоча, швыряет его в публику. Зрители ловят дворянчика на лету.

— Смотри, Жак, как есть живой дворянчик!

— И парик у него и шпага! И рожа дурацкая! — доносятся к нам возгласы.

— Тсс... — шепчет Полишинель. — Тише! Сюда идет сама королева, послушаем, что она скажет! — Он садится в сторонке, на краю ширм.

Из беседки выходит Мария-Антуанетта в огромном белом парике и толстая графиня Полиньяк. Они важно показываются в широких атласных юбках, надетых на трепещущие руки Розали. Графиня Полиньяк протягивает королеве блестящие бусы.

— Ваше величество, взгляните, какие брильянты! Они достойны украшать шею французской королевы!

— Ах! — восклицает королева, всплеснув руками. — Ах, какая прелесть! Пускай король купит мне эти брильянты!

— Два миллиона, они стоят всего лишь два миллиона, дешевле пареной репы, — лепечет графиня, помахивая бусами.

В зале слышится смех.

Королева зовет короля.

— Король! Король, иди сюда! Куда ты запропастился?

Пиф-паф! — хлопают выстрел.

Король с ружьем за плечами появляется над ширмами. Он недоволен, что ему помешали охотиться. Он не желает покупать брильянты для королевы.

— Моя милая, — говорит он, выпятив животик, — вчера утром вы взяли у меня пятьсот тысяч франков на новое платье, вчера вечером я дал вам триста тысяч на но-

вые башмаки. Еще сегодня вы выпросили у меня пять франков для голодающих ребят Парижа. У меня больше нет денег!

— Ого! — кричат зрители. — Пятьсот тысяч на платье и пять франков для голодающих ребят! Ах вы подлецы!

— Молчите, друзья, — говорит Полишинель в публику. — Посмотрим, что будет дальше.

Дальше — королева плачет, визжит и падает в обморок на руки графини.

— Вы изверг, вы чудовище! Вы уморили вашу прелестную жену! — говорит графиня королю.

— Voilà, — говорит Полишинель, — если бы это была моя жена, я бы ее вздул!

Но король плачет и раскаивается. Он обещает купить брильянты.

Королева приходит в себя и гордо удаляется с графиней.

— Министр, министр! Иди сюда! — зовет король.

Прибегает толсторожий министр с лентой через плечо.

— Что угодно вашему величеству?

— Достань два миллиона, чтобы я мог купить королеве брильянты! — кричит король.

— Ваше величество, у нас в казне нет ни гроша! — вопит министр.

— Какой же ты, к чорту, министр? — сердится король. — Достань мне деньги, как знаешь. А я пойду поохотиться.

Пиф-паф! — хлопает выстрел.

Пузатый министр в отчаянии мечется над ширмами. Он чешет затылок, выставляет вперед толстый подбородок и, пригорюнившись, подпирает рукой красную щеку. Откуда достать два миллиона?

— Тру-ля-ля, тру-ля-ля, небо — вам, а мне — земля! — слышится веселая песенка, и появляется кардинал в красном атласе, с бутылочкой в руке.

— О чем ты горюешь, министр? — спрашивает кардинал. — Ведь у нас есть наш добрый французский народ! Пожми да потряси его хорошенько — не два, а четыре миллиона вытрясешь. Налог на хлеб, налог на воду, налог на воздух, которым дышит народ... Посчитай, сколько новых налогов можно ввести! А мы будем есть и пить, во дворце роскошно жить...

— Твоя правда, — отвечает министр. — Я придумаю новые налоги и соберу два миллиона с французских мужиков.

И оба друга, обнявшись, пляшут и поют:

Пускай народ солому жрет,
Пускай народ гроши дает!

— Вот мерзавцы! — говорит Полишинель. — А не пора ли мне расправиться с ними? — И, подняв дубинку, он бросается на танцоров.

— Ай! Ай! — кричат они. — Кто это?

— Это ваш добрый народ, — отвечает Полишинель и колотит министра. — Вот тебе за налоги! А тебе за небесное царство!

Дубинка щелкает кардинала по голове.

— Отколоти их как следует, Полишинель! — кричат зрители.

Полишинель не дает спуска негодяям. Вот уже король, королева и графиня Полиньяк вмешались в схватку. Пестрой вереницей мечутся они над ширмами и ловят Полишинеля. Куда там! Гикая и вереща, он раздает полновесные удары направо и налево.

— Вот тебе за голодающих ребят Парижа! — Он щелкает королеву по лбу. — А тебе — за твою охоту! — Он колотит короля. — А тебе — за брильянты! — Он бьет графиню Полиньяк.

Враги сражены. Жалкие куклы лежат на краю ширм, свесив вниз свои деревянные головы, а над ними ликующий Полишинель, простирая ручки к зрителям, говорит торжественным голосом мэтра:

Пора! Дворяне и попы,
Глупец-король, министр без чести
Узнают бешенство толпы
И торжество народной мести!

От грома рукоплесканий гудят старые стены замка. Мне вспоминается гул горной лавины. Сквозь этот грохот я слышу молодые, взволнованные голоса, бряцанье оружия и чей-то задорный выкрик, подхваченный десятками глоток:

— Да здравствует Полишинель, друг народа!

Я узнаю голос, который первый крикнул: «Да здравствует Полишинель!» — это голос коренастого Жака.

Ах, Полишинель! Что жалкая слава Тартальи, Фауста и синеглазой Геновеы перед твоим сегодняшним триумфом! Ты завоевал суровые сердца бойцов за свободу. Ты обрел свое настоящее, славное имя — Полишинель, друг народа.

Сам огромный Шарль Оду пожал твою маленькую деревянную ручку в трепетном мерцании свечей, под звон оружия и крики:

— Долой тиранов! Да здравствует свобода!

В ПАРИЖ!

Копыта Брута мерно постукивали по сухой глинистой дороге. Когда колесо одноколки выбивалось из глубокой колеи и одноколка кренилась набок, Паскуале придерживал рукой клетку с мышами. Мыши попискивали.

Мы шли среди закругленных холмов, поросших лесом. Кудрявые ветки дубов покачивались над нами. Среди зелени кое-где белели домики деревень. Церкви поднимали над ними острые черепичные кровли. Вдали голубой лентой извивалась река.

Мы шли молча.

Шарль Оду настоял на том, чтобы мы ушли из замка на другой день после представления. Напрасно наш мэтр доказывал капитану, что такой меткий стрелок, каким был Пти-Миньяр в битвах при Иорктоуне, может пригодиться во время ночной атаки на отряд де-Грамона. Напрасно Розали уверяла, что она умеет ухаживать за ранеными. Напрасно мы с Паскуале глядели на капитана умоляющими глазами, надеясь, что он позволит нам остаться в замке.

Шарль Оду был непреклонен. Он сказал:

— Каждый из нас должен делать то дело, которым он принесет больше пользы революции. Ваше дело, друзья, переходить из деревни в деревню, сообщать повстанцам о расположении королевских войск и показывать ваше представление. Ваш Полишинель поднимает революционный дух. Ты видел, Пти-Миньяр, как разбушевались мои

молодцы к концу представления. Вы так хорошо и правдиво показываете и короля, и королеву, и министра, и кардинала, а Полишинель здорово расправляется с ними. Ваше дело — умное, полезное и опасное дело. Будьте осторожны, друзья. Я дам тебе, Пти-Миньяр, поручение: отвези мои письма в Париж. От этих писем зависит успех нашей борьбы здесь, в Вогезах.

Шарль Оду дал нам письма. Мы подклеили их к задней стенке размалеванной беседки, которая служила нам декорацией. Никто бы не заметил, что в беседке спрятаны письма.

Мы раздели кукол и бережно сложили отдельно парички, платья, шапочки, бусы королевы и ружьецо короля. Если кто-нибудь заглянет в наш сундук, он увидит кучу разноцветного тряпья и несколько голых деревянных головок. Никто не узнает, что мы везем с собой Марию-Антуанетту, и министра, и кардинала, и самого Людовика Шестнадцатого! А если мы захотим представлять, так собрать и одеть кукол недолго.

Когда мы вышли во двор замка, чтобы запрячь Брута, повстанцы уже готовились к ночному походу. Кто чистил ружье, кто чинил седла, а коренастый Жак стоял у порохового ящика и раздавал порох. Он пожал нам руки своей шершавой ладонью.

— Ну, друзья, такого Полишинеля, как ваш, я никогда не видывал. Теперь я буду знать, что не всякая кукла — глупая ребячья игрушка, бывают такие куклы, что ой-ой-ой! — подмигнул он.

Мы простились со всеми. Антуан вышел проводить нас за ворота. Он подарил мне острый ножик с костяной ручкой, украшенной почерневшим серебром.

— Вырежь еще куклу, Жозеф, — шепнул он. — Знаешь какую? Повстанца с ружьем за плечом и с пистолетами у пояса. И пусть он задаст пороху какому-нибудь полковнику вроде де-Грамона.

Я пообещал ему, что непременно вырежу куколку-повстанца.

Замок де-Ларош далеко скрылся за деревьями. Мэтр шел задумавшись. Розали молчала. Я вспоминал слова Шарля Оду о том, что наше дело — умное и опасное дело. Я чувствовал гордость при мысли о том, сколько работы, сколько опасностей, сколько приключений предстоит нам в пути.

Солнце садилось. Кудрявые вершины дубов стали розовыми. Вдалеке из-за поворота дороги показалось розовое облачко пыли.

Круглый желтый дилижанс, запряженный шестеркой лошадей, катился по дороге.

— Это парижский дилижанс, — сказал мэтр.

И лошади, и дилижанс, и люди, сидевшие на его верхушке, издали казались игрушечными, словно они были вырезаны из дерева, густо покрашены черной, желтой и синей краской, а сверху покрыты лаком. Почтальон трубил в рожок.

Я взял нашего пугливого Брута под уздцы и отвел в сторону, пропуская дилижанс. Дилижанс быстро приближался. Звенели копыта, громыхали колеса, бренчали ведра, привязанные позади кузова, из окна дилижанса выглядывал розовый чепчик, пассажиры, сидевшие на верхушке, придерживали шляпы от ветра. Вдруг сквозь шум и грохот я услышал звонкий голос мэтра. Мэтр махал своей шляпой, протягивал руку и кричал:

— Газету, граждане! Кто даст мне газету?

Молодой человек на верхушке дилижанса привскочил, махнул рукой в ответ и нагнулся к своему дорожному мешку. Потом он приподнялся, крикнул: «Держи!» и бросил несколько газет. Газеты закружились, подхваченные ветром. Сквозь облака пыли мелькнули чемоданы и сундуки, перевязанные веревками. Дилижанс умчался.

Мэтр поднял газеты, обтер с них пыль и торопливо развернул одну из них.

Мы подошли к мэтру. Он начал читать, отчеканивая каждое слово:

«Проснитесь, французы! Она пришла — эпоха Великой Революции! Она покроет нас позором, если мы не сбросим цепи рабства. Она обессмертит нас в памяти грядущих поколений, если мы завоюем свободу!

«А вы, аристократы, взгляните: вас — двести тысяч, а нас — двадцать пять миллионов. Взгляните на наши поля, наши кузницы, наши фабрики и мастерские, наши порты и суда, наши армии и академии! Взгляните и скажите: вашей ли жалкой кучке или нам, многомиллионным труженикам, по праву принадлежит Франция?»

Мэтр замолчал, глядя вперед. Впереди закат горел ослепительным блеском. Все кругом нас было огненное —

стволы дубов, колеса нашей одноколки, дорожные колеи, помятая шляпа мэтра и плащ Розали. Вершины холмов, казалось, были объаты пожаром.

— Пора в путь! — сказал мэтр, складывая газету.

Колеса зашкрипели. Копыта Брута мерно постукивали по утопанной дороге.

Мы шли в Париж, навстречу революции.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Часть первая

ПУЛЬЧИНЕЛЛА

Рассказ начинается	3
Приемыш рыбной торговли	4
Пульчинелла	7
Необыкновенный день	12
Глаза Пульчинеллы	18
На чердаке	20
В балагане	29
На площади	34
Дядя Джузеппе	35
Наше ремесло	37
Пульчинелла ожил	40
Особенный башмак	47
„Любовь к трем апельсинам“	51
На тропе	54
Представление	60
Прощай, Венеция!	66
Харчевня «Белый Олень»	71
Чужая сторона	75
Незванный гость	78
Карета епископа	84

Часть вторая

КАШПЕРЛЕ

Встреча с мастером Вальтером	87
Кашперле	92
Доктор Фауст	95
В кабачке	97
Замок Гогенау	102

Геновева	107
Кто позволил?	114
Ночной путь	119
Мальчик с обезьяной	121
За решеткой	124
Ценой Пульчинеллы	129
Новый знакомец	134
Руди	139
Расставанье	144

Часть третья
ПОЛИШИНЕЛЬ

Мэтр Миньяр	147
Рандольфо Манцони	151
Тридцать три рюмки	155
Маленькая Розали	160
Вести из Парижа	161
Полишинель	164
Они все забрали!	168
Встреча	171
Дядя Пьер	172
Лагерь повстанцев	174
Полишинель — друг народа	180
В Париж!	186

*Для среднего и старшего
возраста*

Редактор В. Яковлева. Художеств.
редактор Вс. Лебедев. Технический
редактор Н. Сусленникова. Корректор
Н. Томиш. Книга сдана в набор 5/IX
1939 г. Подписана к печати 11/X 1940 г.
Инд. Д-7. Легдетииздат № 295. Тираж
25.000 экз. М 1839. Зак. № 2448. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆. Печ. лист. 12¹/₄.
(12 п. л. + 1 вклейка). Уч.-авт. л. 10,72.
Авт. л. 9,93. (158 208 тип. зн. в 1 б. л.).
Бум. л. 3¹/₁₆.

2-я фабрика детской книги Детиздата
ЦК ВЛКСМ. Ленинград, 2-я Совет-
ская, д. 7.

1500 9/8

5p.50u.